

Теплов Владимир Александрович: Избранные сочинения по Македонском вопросе – 1903 – 1906 гг.

http://az.lib.ru/t/teplow_w_a/

Об авторе:

-- русский дипломат, путешественник, историк и публицист. Обстоятельства жизни не установлены. Историк Вл. Грабарь упоминает его как второго секретаря посольства России в Константинополе в 1879 г., генерального консула России в Нью-Йорке в 1900 г.

Публицистика:

- ▣ **Албанская опасность** [1903] 44к Публицистика
- ▣ **Македонская смута** [1903] 46к Публицистика
- ▣ **Нынешний фазис македонского вопроса** [1903] 88к Публицистика
- ▣ **Македония** [1906] 57к Публицистика

Рубрика: Обзор внешних событий.

ТЕПЛОВ В.

Албанская опасность

I.

Убийство Щербины, как солдат, верно исполнявшего царское дело в глухом городке Старой Сербии и павшего на своем посту, послужило поворотным пунктом в воззрениях Европы на истинное положение дел в этой части Балканского полуострова. У всех как бы спала чешуя, дотоле покрывавшая их очи, и даже самые непосвященные увидели, как постепенно стали бледнеть, пока не исчезли совершенно, буквы, составлявшие слово "реформы", которое русско-австрийские врачи прописали в виде рецепта для исцеления застарелых язв, какими покрыты, волею судьбы, подвластные султану христиане.

Вопрос о реформах в Салоникском, Коссовском и Битольском вилайетах не то что отошел на второй план, но и стухевался вовсе, удивляться чему совершенно не приходится, -- скорее следует удивляться силе того гипнотизма, который заставлял принимать мираж за действительность даже тех, которым неосведомленность совсем не к лицу и может лишь вводить в заблуждение центральные руководящие сферы, отдаленные огромными пространствами от театра событий и потому невольно поддающиеся влиянию тех, кто, находясь на самом месте действий, обязаны давать точную и правдивую оценку сущности совершающихся кругом них фактов.

Прошло три месяца со времени принятия Портою русско-австрийского меморандума -- и что осталось от пресловутых его реформ? В чем выразились они за этот промежуток времени, где следы их, если не считать следами трупы тех несчастных христианских жандармов, которые, по непростительной оплошности, приняли всерьез турецкие обещания, санкционированные Европой. Санкция эта казалась им поручительством солидного лица на векселе, выданном должником, не отличающимся особого исправностью в исполнении своих обязательств и подпись которого не раз уже была протестована. Действительность постаралась лишней раз доказать, как неосновательна была подобная доверчивость, и ныне, по всей вероятности, не только в Турции, но и во всей Европе более нет сомневающихся, и все пришли к убеждению, с которого, собственно говоря, и следовало начать, что реформы, проводимые турецкими руками, немыслимы. Лично я люблю турок, этот народ-воин, который своею великою воинскою доблестью создал обширное государство, я признаю многие его качества, замалчиваемые писателями, зачастую пристрастными, и тем не менее повторяю, что одна из хороших черт турецкого народного характера, -- его религиозность, -- создает непреодолимое препятствие к дарованию христианам, признаваемым Кораном низшими существами, прав, равных с мусульманами.

Даже и столь расположенные к Турции германские газеты признают полное фиаско турецких реформ, обратившихся в "звук пустой". Выработанные Хильми-пашой проекты десятичной реформы и положения о новых функциях Османского банка по упорядочению финансовой части трех македонских вилайетов, были посланы в Ильдиз-Киоск, где мирно и покоятся более двух месяцев. Не видно и иностранных специалистов по устройству полиции и жандармерии; промелькнуло, правда, известие о приглашении инструкторами шведских офицеров с жалованием в 10,000 крон в год, причем было даже определено, сколько семьи их получают пенсий в случае несчастия, но к делу эти специалисты пока не приступали, хотя невольно возникает вопрос, как могли бы справиться с своею сложною задачею эти

иностранцы, не знакомые ни с местными языками, ни с своеобразными особенностями страны, в которой они призваны насаждать европейскую цивилизацию с турецкою приправою.

За это же время до очевидности выяснилось, что главный инспектор Хильми-паша не обладает ни малейшею самостоятельностью, не имея права сменить собственною властью даже сравнительно мелких служащих: все подобные предложения обязательно передаются в Ильдиз-Киоск, который при разрешении их руководствуется соображениями, имеющими лишь отдаленное отношение и; пользе самого дела, а чаще всего складывает их прямо под сукно.

А как сладко живет теперь христианам в Македонии, можно видеть хотя бы из факта, что в Тетове (Калканделене) местные славяне еще днем в страстную субботу собрались в церковь, заперли ее наглухо и, дождавшись полуночи, отслужили там Светлую заутреню и пасхальную обедню, не отпирая церкви и не выходя с крестным ходом на улицу. Анархия и бесправие царят по всей Македонии, вооруженные столкновения войск с славянскими четами происходят ежедневно, распространяясь и на соседний Адрианопольский вилайет. Подобно головам гидры, уничтоженные в одном месте, они появляются в двух новых.

Благодеяние сельского населения -- лучшая опора правительства; македонские крестьяне разорены повсюду, терять им более нечего и они присоединяются к четам, начальники которых сулят им новую эру, когда ценою крови своих сынов Македония заслужит новые условия существования, когда, наконец, будут каждому обеспечены величайшие в мире блага -- жизнь, честь и имущество. Широковещательные, лишённые внутреннего значения фразы султанских ираде заглушены грохотом салоницких взрывов, а самые проекты бумажных реформ окончательно потонули в тех ручьях крови, которые струятся теперь на всем обширном пространстве Македонии и Старой Сербии.

Лишь после крушения надежд, так легкомысленно связывавшихся с возможностью достигнуть умиротворения путем турецких реформ, ныне все, -- по всей вероятности даже и дипломатические канцелярии, -- убедились, что корень смуты в трех македонских вилайетах -- это, прежде всего, албанцы, почему следует коснуться этого народа немного более подробно.

Исконные обитатели Эпира и прилегающих к нему гор, албанцы, или, как они сами себя называют, шкипетары, издавна занимали земли, разделяющиеся на южную, среднюю и северную Албанию, и тянущиеся от греческой до черногорской границы. Затем, они стали спускаться с своих гор к северо-востоку, в Старую Сербию, где, с постоянством и удачею, достойною лучшего дела, стали уничтожать коренное славянское население этой страны. Доведенные до отчаяния, сербы в 1690 г. выселились, в количестве 37,000 семейств, под предводительством последнего печского патриарха Арсения Черноевича, в Австрию, которая нуждалась в славянах для охраны своих южных границ. Места выселившихся заняли албанцы, и тем легче сделалось для них справляться с оставшимися там сербами, теснить их, при случае вырезать поголовно или принуждать к новому переселению в Австрию, -- за последние двадцать лет выселилось свыше 60,000 чел., -- и тем укреплять свое собственное положение в старо-сербской земле. Там им удалось уже достигнуть численного преобладания (170,000 албанцев против 120,000 славян), что дало им повод называть Старую Сербию Новой Албанией.

Таким образом, уже с самого начала Австрия послужила более или менее невольною причиною ослабления славянского элемента в Старой Сербии.

Несмотря на свою воинственность; албанцы, за исключением кратковременного царствования Георгия Кастриота (Скандербег), объединившего северную Албанию, никогда не могли составить из себя отдельного государственного тела: они жили разделенными на отдельные кланы (фисы), ведшие между собою бесконечные войны, в особенности в виду обычая кровавой мести, причем за убийство мстилось не только самому убийце, но и всему роду, к которому он принадлежал. Легко себе представить, что кровомщение в таких размерах, возведенное в основной закон, должно было привести к непрекращавшемуся междоусобию, которое могло лишь поддерживать жестокость и дикость нравов и воспитывать в народе только одно чувство уважения к праву сильного.

Когда стране нужно было немного вздохнуть, или когда наступала какая-нибудь внешняя опасность, тогда албанские кланы заключали на известный срок *бессу* ("Божий мир"), т. е. приостановку взаимной кровавой мести и междоусобий, прекращавшуюся, как только исчезала причина, ее вызвавшая. Управлялись же албанцы и судились по своим старым обычаям, сами избирая себе начальников -- байрактаров.

Свое старое устройство, свою старую дикость албанцы донесли и до наших дней. Всегда своевольные, мятежные, они с ненавистью относятся ко всякому представителю турецкой власти, и если, против обыкновения, он сделает попытку к умалению их прав или задумает заставить их уплачивать

подати, они выгоняют его и не стесняются, при случае, поднять знамя открытого бунта. Турецкое правительство переносит все это с величайшим терпением, хотя поступательное движение албанцев невыгодно для Турции в экономическом отношении. С пришествием албанцев плодородные и обработанные земли приходят в запустение, и области, доставлявшие туркам правильный доход, перестают платить подати.

Тем не менее, со времени восстания албанской лиги, усмирённой Дервиш-пашой в 1879 г. силой и коварством, турки бросили всякую мысль о действительном подчинении албанцев, начали систему всевозможных задабриваний и поблажек и приучили их к мысли о полной безнаказанности. Такое отношение обуславливается тем обстоятельством, что фанатичные мусульмане, албанцы выставляют себя вернейшими слугами султана, как халифа, наместника Пророка на земле, и, вдобавок, для Порты они представляются самою судьбою призванными воителями за мусульманство против ненавистных ей христиан. И албанцы оправдывают такое мнение, платя своим соседям-сербам самою слепую враждою и глубочайшим презрением, отрицая за ними всякие человеческие права, самое право на жизнь, которое осуществляется православными сербами скорее по недосмотру или за недосугом, мешающим настоящим мусульманам просто перебить всю эту бесполезную тварь, становящуюся вредною, когда за нее, от времени до времени, начинают вступаться христианские державы. Тогда ярость их не имеет пределов, и они делаются способны забыть на время внутренние распри и идти против общего врага, тем более ненавистного, чем более презренным представляется он им.

Зная воззрение и неукротимый нрав албанцев, нетрудно было предвидеть, с какими чувствами встретят они навязанные Европой реформы, создающие, по крайней мере в теории, равноправность албанца-мусульманина и серба-христианина. Албанская гордость никогда не сможет перенести подобного оскорбления, никогда не поставит она на одну доску вооруженного с головы до ног албанца и гяура-пахаря, которому запрещено носить оружие, -- предмет самого горячего культа в этих странах, где отсутствуют начала идеальные.

3-го марта албанцы, представители главнейших родов, собрались в местности Зоричи, близ Призрена, заключили "бессу" и постановили требовать, чтобы все полицейские и жандармы, назначенные из христиан, были немедленно уволены, так как они сами будут поддерживать порядок. Если же губернатор не согласится на это, то христианские жандармы будут удалены силою, а Призрен будет атакован. Прибытие в этот город Шемси-паши с войсками помешало албанцам привести их намерение в исполнение, но и карательных мер против них предпринято не было, так как узнали, что албанцы действуют против реформ, главным образом, по приказу из Константинополя, от албанцев, приближенных к султану.

Затем три албанских племени -- красничское, шалинское и дреничанское -- решили напасть на Митровицу, чтобы доказать, что они энергичные противники реформ. В план их входило поголовное истребление сербов, если бы им удалось завладеть Митровицей. По дороге им пришлось проходить через Вучитрн. Первым их делом было напасть и осквернить церковь, уничтожить иконы и ограбить священные и церковные сосуды; после этого подвига они разграбили более богатые сербские дома и обезоружили христианских жандармов. Власти никакого сопротивления не оказали, а каймакам убежал. Отсюда албанцы в количестве до двух тысяч, между которыми было много католиков, подступили к Митровице, но комендант ее, Саид-бей, не задумался отбить их пушечными выстрелами, за что получил, впрочем, выговор от султана. Немедленно вслед затем произошло убийство русского консула Щербины, вызвавшее некоторую остановку в деятельности албанцев.

Надо заметить, что дерзость албанцев по отношению к иностранным представителям проявлялась уже не раз. Первый сербский консул в Приштине, Маринкович, спустя несколько месяцев после прибытия, погиб на одной из оживленнейших улиц Приштины, от пули албанца. Преследованиям подверглись и преемники его -- Станкович и Абрамович; в 1894 г. албанцы ночью напали на сербское консульство, но были отбиты сильным огнем чинов и прислуги консульства. В Ускубе в 1898 г. был ранен секретарь сербского консульства Настасиевич; в генерального консула Денича в 1899 году бросали камнями, а в Битоли в 1901 г. стащили с лошади и избили французского консула Шублиэ.

Но убийство русского консула ошеломило самих албанцев, потому что, если еще кого они боятся, то только русских: они ждали тяжелой за то расплаты, так как, преклоняясь лишь перед одною силою, они понимают только быстрое и грозное возмездие; в этом ожидании их укрепляла еще усиленная отправка турецких войск в Старую Сербию. Скоро, однако, они убедились в неосновательности своих опасений. Несмотря на то, что убит был не простой русский подданный, а представитель российского государства, несмотря на то, что в лице его хотели убить не человека, а именно представителя великой

покровительницы славян, подорвав в тоже время престиж ее, как державы, предложившей известные меры в пользу славян, -- несмотря на все это, Россия выказала такую умеренность, что до крайности удивила и турок, и албанцев.

Пользуясь таким настроением, суд тотчас же приговорил убийцу Щербины, Ибрагима, к 15-летней каторжной работе, -- по местным условиям наказание это, примененное к преступникам, имеющим могущественных покровителей, равняется не только полной безнаказанности, так как, при первом же удобном случае, когда затихает первое впечатление, их выпускают на свободу, -- но и способствует лучшей карьере убийц, как, напр., это было по отношению к Вели-Мехмеду, убившему в 1881 г. русского агента в Константинополе по делам разграничения, полковника Куммерау.

Правда, приговор по делу Ибрагима был опротестован, и убийца, после вторичного разбирательства, был приговорен к смертной казни, но государю императору благоудно было выразить пожелание, чтобы преступнику была дарована жизнь, и султан смягчил приговор, заменив смертную пожизненную каторгой. Дай Бог, чтобы царское пожелание, вызванное чувством милосердия, было по достоинству оценено албанцами, в своей непосредственности дикарей не бывшими доселе способными понимать возвышенные чувства гуманности и христианского милосердия и, как все варвары, признающими постоянно только одну силу, а всякую доброту считающими слабостью. Такая оценка была бы тем более желательна, что, конечно, и впредь не будет недостатка в злокозненных наветах со стороны врагов, "им же несть числа", подкапывающихся под престиж России и старающихся потому распространять слухи о том, что ни Россия, ни султан, не решились настаивать па смертной казни Ибрагима из страха пред албанцами.

II.

Напуганный возможными последствиями убийства Щербины, султан сгоряча склонялся, по-видимому, к энергичным действиям против албанцев и приказал послать в Старую Сербию значительные силы, чтобы действительно смирить своих мятежных подданных. Но когда прошли первые страхи, на смену им пришла обычная нерешительность Абдул-Хамида; созванная им в Ильдизе верховная военная комиссия решила, что против албанцев не следует затевать серьезной компании, которая, будучи продолжительной и кровавой, была бы на радость Болгарии, Сербии и Черногории, и было, потому, решено послать к албанцам новую примирительную комиссию из улемов, уже третью по счету.

Тем временем в самом Константинополе произошел небольшой, но характерный эпизод, показывающий, что албанцы из султанской стражи смотрят на себя, как на людей, которым все дозволено. Два таких албанца ехали в экипаже по главной улице европейского квартала Константинополя, Перы, и стреляли из револьверов у главных клубов и кофеен, и так велик ужас, внушаемый безнаказанностью албанцев, что толпы сидевших по случаю воскресного дня в кофейнях, обращались в смятение и бегство. Албанцы же хохотали, а потом сами вошли в кофейню и положили на столе, рядом с собою, свои револьверы, видимо наслаждаясь ужасом, который испытывали трепетавшие соседи их. И это в столице, на глазах Европы... Что же происходит в каком-нибудь захолустье, где христианина подстреливают те же албанцы, чтобы только испробовать свое ружье?

Посланная султаном комиссия была составлена из пяти дворцовых улемов; лишь во главе ее стоит личный адъютант султана, Садык-паша, все члены комиссии албанцы родом. Из Митровицы она телеграфировала в Дьяково, прося разрешения приехать в этот главный очаг албанского сопротивления. Ответом им было: "не приезжайте. иначе вас постигнет та же судьба, что и Мехмеда-Али-пашу".

Бывший турецкий уполномоченный на берлинском конгрессе, маршал Мехмед-Али-паша был в 1878 г. умерщвлен албанцами в Дьякове, куда он был прислан для переговоров с албанцами, противившимися уступке Черногории клочка земли.

Намерение комиссии отправиться в Призрен тоже было отклонено за невозможностью поручиться за ее личную безопасность. Тогда она проехала в Ипек, где, по-видимому, попала в плен. Известно, однако, что албанцы заявили ей, что реформ не принимают и считают себя сильно обиженными: "султан изменил нам, продал нас и желает пашу землю отдать в руки гяуров. Мы этого не допустим, -- будем бороться против всех, а прежде всего уничтожим всех сербов".

Часть албанцев, как говорят, намерена предложить Порте свои условия, а именно, чтобы введение реформ было начато с Константинополя и потом уже распространено на другие вилайеты, чтобы их уполномоченные участвовали в совете министров в Константинополе, чтобы албанские дела решал народный совет, чтобы губернаторы, судьи и чиновники избирались албанцами и из своей же среды, и чтобы у них не было более ни иностранных чиновников, ни консулов. Большинство же албанцев

наотрез отказались переговариваться с членами комиссии, которых они продолжают держать в качестве заложников, и послали султану телеграмму, в которой не только отклоняют реформы, но еще в повелительном тоне требуют удовлетворения за пролитую под Митровицей кровь их единоплеменников.

В поданном Садыку-паше письменном ответе албанцы говорят: "Мы ничего не требуем, мы желаем только, чтобы султан и Европа не навязывали нам новых законов. Косово наша земля, которую мы 500 лет назад с оружием в руках отбили у сербов. Пусть же придут теперь сербы и также оружием отвоюют у нас Косово, и мы сделаемся подданными сербского короля. Но мы не будем женщинами и без кровопролития не уступим чужеземцам нашей земли; поэтому мы не допустим реформ, принятие которых равносильно нашему подчинению". Переговоры комиссии с албанцами были упорны и продолжительны; пришлось даже всем вместе идти на телеграф, чтобы непосредственно снести с султаном и получить его ответ, упрасивавший их принять реформы и вызвавший среди албанцев страшное озлобление. После этого произошел небольшой разговор, вполне характеризующий нынешнее настроение турок. Улемы сказали албанцам: "Слушайте падишаха и нас, ваших единоплеменников, согласитесь, по крайней мере, чтобы хотя два серба назначены были жандармами; это необходимо для того, чтобы послы гяуров дали нам, наконец, покой. Нам надо назначение только двух сербов; спустя некоторое время, вы можете их убить, если это вам захочется, только теперь султан просит вас исполнить его просьбу, и он клянется вам, что никто не коснется того, что вы получили в наследство от ваших отцов". Но албанцы закричали: "Мы не хотим никаких нововведений! Уходите прочь, и будь с нами что будет!" После чего все разошлись по своим селениям и городам, и миссия султанских посланцев окончилась полной неудачей. Тем не менее комиссаров и до сих пор держат в плену и отправившийся в Верисовичи новый главнокомандующий Омер-Рушди-паша первым делом постарается освободить их.

Впрочем, косвенным результатом пребывания в Ипекке комиссии улемов явилось неслыханное требование албанцев-магометан об обращении сербов в мусульманство, на что указывают представленные, как слышно, нашему вице-консулу в Призрене жалобы сербских нотаблей Ипека и его окрестностей и вызвавшие, как говорят, просьбу г. Беляева в наше посольство в Константинополе с целью воздействия на Порту для удаления комиссии из Ипека.

После разговоров между государем и его подданными, подобных приведенным выше, обыкновенно не остается другого средства, как смирить строптивых силою оружия. Задача эта была для турок тем легче, что в Старой Сербии собрано до 65,000 войск, тогда как для полнейшего укрощения строптивых албанцев было бы за глаза достаточно 20,000. Но султан не желает, отчасти, быть может, от страха за свою собственную безопасность, прибегнуть к крутым мерам, которых так давно ждет от него Европа, и желает настрашать их лишь внушительными массами войска, там собранного, неустанно предписывая своим войскам действовать против албанцев по возможности мягко. А те, конечно, не будут уstraшены массами войска, так как заранее знают, что их будут щадить и что они ничем не рискуют.

Достоин замечания, что даже в самый критический момент, когда, непосредственно за покушением Ибрагима, султан особенно колебался, как бы склоняясь к необходимости крутой расправы, нерешительность его и его советников в деле обуздания албанских бунтовщиков была усилена благодаря влияниям внешним. В то время, как русский и австро-венгерский послы настоятельно советовали султану принять энергичные меры, великобританский посол советовал вступить с албанцами на путь примирения.

Албанцы же явно готовятся к сопротивлению, сбор пожертвований на цели восстания в одном Дьякове дал 20.000 рублей, -- сумму, по местным условиям, весьма крупную. Пока ближайшею своею целью они наметили Приштину, тамошнего же сербского консула Абрамовича они попросили покинуть город и собирались отвести его на сербскую границу. Консул обратился за помощью к Хильми-паше и еще остается на своем посту.

В Приштине не было даже произведено попытки ввести реформы, так как албанцы угрожают смертью всякому, кто начнет проводить их. Христианское население, охваченное паникой, заперлось в домах. Оно распродает свои земли и виноградники, так как албанцы перестреляли всех христиан, работавших в поле.

Как далеко подобное положение от известия, телеграфированного 22 марта из Константинополя в "Morning Post", что Порты официально заявила, что в Албании спокойствие будет восстановлено в три дня.

Нашелся, впрочем, один прелюбодей пера, который пришел к совершенно неожиданному выводу, что "албанское движение, хотя и направлено против реформ, в конце концов, является поддержкой для совместных действий России и Австро-Венгрии, так как оно помогает локализовать восстание, наводит спасительный страх на Болгарию и содействует предотвращению катастрофы на

Балканах, т. е. той цели, к которой неуклонно стремятся Россия и Австро-Венгрия". Какая ненависть к славянам слышится в этих словах! И как прискорбно, что "Neue Freie Presse", где они помещены, к ним пристегивает имя России.

Впрочем, эта же газета, в последующих своих статьях находит, что албанцы Старой Сербии -- столпы порядка и самые кроткие люди, живущие в страхе Божиим, и которых несправедливо было бы обвинять в разбоях; и это говорят люди, которые знают, что с 1878 года не проходило недели без того, чтобы телеграф или почта не сообщали о поджогах, убийствах, грабежах и насилиях, чинимых вооруженными албанцами над безоружными христианами Старой Сербии и Македонии! Нынешнее же движение албанцев объясняется ненавистью к славянам: боясь, что реформы, требуемые Россией, поведут к усилению сербов и болгар, они взяли за оружие. Тут особенно интересно то, что умышленно извращая факт и обходя молчанием, что ненавистные албанцам реформы требовались Россией и Австрией, газета, представляющая собою отражение очень влиятельных сфер, желает весь odium положения возложить на Россию и выставить, что, верная своей традиционной политике, Австрия и не помыслила обижать милых ее сердцу албанских соседей.

По этому поводу необходимо сказать несколько слов об австрийском влиянии в Албании и вообще об иностранных пропагандах в этой стране.

III.

Наиболее древнею из иностранных пропаганд, действующих среди албанцев, можно считать греческую, начавшуюся со времен распространения в тех краях христианства; благодаря церкви и школе, греческое культурное влияние настолько сильно, что южные албанцы (тоски) вполне готовы к присоединению к греческому королевству; в средней же Албании происходит борьба между итальянской и австрийской пропагандами: в северной Албании, эта последняя царит безраздельно.

Во время процветания Венеции и Генуи итальянская торговля итальянская культура и итальянский язык волною разливались по всей западной половине Балканского полуострова. Католическое духовенство оказывало в этом громадное содействие до 1870 г., когда, под влиянием условий политических, -- объединения Италии и разрыва между итальянскими королями и папой, -- католическое духовенство окончательно стало на сторону Австрии, которая с 1874 г. развертывает в Албании деятельность чрезвычайную: основывает ряд консульств, открывает свои почтовые конторы, чем накладывает свою руку на все почтовые сообщения Албании, австрийский Ллойд устанавливает правильные рейсы между Триестом и портами Албании и в короткое время вся торговля переходит в австрийские руки.

Обстановка изменилась лишь при нынешнем короле Викторе-Эммануиле, который отдал себе ясный отчет во всем вреде, который произошел бы в случае окончательного утверждения австрийцев по всему адриатическому побережью, столь важному для Италии в политическом и экономическом отношениях. В Скутари Италия открывает высшую коммерческую школу, а во многих городах и селах - обыкновенные школы; для албанцев, не желающих поступать в австрийские гимназии, основывается гимназия в институте св. Ансельма. Пароходным компаниям дается субсидия для поддержания правильных рейсов между Бриндизи, Венецией и албанскими портами, а в 1901 г. Италии удается заручиться султанским указом, позволяющим ей основывать повсюду школы, консульства и почтовые конторы. На помощь правительству приходит частная деятельность. В разных местностях уже организованы передвижные торговые музеи с целью ознакомить население с итальянскими товарами. Во всех крупных албанских центрах находятся десятки итальянских купцов, и вся торговля в албанских портах находится в итальянских руках: помимо усиления торговых сношений, во многих городах учреждаются албанские комитеты, читаются лекции и делается все, чтобы усилить интерес итальянцев к Албании; в особенности сильна агитация в южной Италии, где существует значительная (до двухсот тысяч человек) колония албанцев, образовавшаяся в конце XV века из тех албанцев, которые были туда приведены, после турецкого погрома, сыном Скандербега, Иоанном Кастриотом.

Такая совокупная и дружная работа правительства и общества приносит уже теперь плоды, и для средней Албании политические весы заметно перетягиваются в сторону Италии. В мае месяце в Неаполе состоится албанский конгресс, покровительство над которым принял сам итальянский король. Разослано множество приглашений в Италию, Турцию, Грецию, Египет, Болгарию, Далмацию и Румынию, и масса выдающихся политических и общественных деятелей уже изъявили свое желание участвовать на конгрессе, который, главным образом, займется обсуждением настоящего положения в Албании и

основанием одной общей албанской лиги, причем представителем этой последней должен быть один из итальянских генералов.

За последнее время, многочисленные аресты в Дураццо, Янине, Тиране и Превезе албанцев, обвинявшихся в сношениях с итальяно-албанскими комитетами, произвели в Риме и по всей Италии очень сильное впечатление, которое усилилось еще петицией, поданною римскому правительству 400 итальянцев, живущих в Албании: они заявляют в ней, что их жизни и имуществу грозит серьезная опасность со стороны албанцев и что турецкие власти не только не охраняют их, но скорее поощряют албанцев к нападениям и насилиям над христианским населением. Подписавшие петицию просят итальянское правительство оказать им действительную защиту и оградить их от нападения.

Италия хотя несколько раз официально подтверждала свое полное единодушие с петербургским и венским кабинетами, на самом деле предприняла некоторые меры, указывающие на то, что правительство страны, принадлежащей к тройственному союзу, разделяет вместе с нацией недоверие по отношению к Австрии. Так, в сентябре члены миссии, посланной в Черногорию, получили секретные инструкции для расследования положения дел в Албании. После них были отправлены туда же несколько офицеров и агентов, которые и представили самый подробный доклад об Албании, на случай войны, с точки зрения военной, топографической и политической.

Насколько можно судить, Италия не стремится к территориальным приобретениям в Албании, желая лишь либо сохранить там преобладающее влияние, либо видеть самостоятельность этой страны, в надежде, что, в таком случае, албанцы вступят с Италией в оборонительный и наступательный союз и Италия приобретет опорный пункт на противоположном Отрантскому заливу побережье для того, чтобы господствовать над входом в Адриатическое море.

Конечно, подобная тенденция может измениться, если Австрия заберет себе Старую Сербию: недаром поднялся такой шум из-за неизвестным путем разоблаченной статьи акта возобновленного тройственного союза, оговаривающей, что в случае какого-либо территориального приобретения Австрией на Балканском полуострове, Италия имеет право на такую же территориальную компенсацию, -- не поищет ли она ее именно в Албании, интересующей итальянцев, быть может, более самого Триполи?

IV.

Вытесненная из средней Албании, с тем большею энергиею Австрия занялась Албаниею северною и Старою Сербию, где лучшим рычагом ее влияния служат католические патеры, благодаря многовековой деятельности здесь иезуитов, пользующиеся безграничною властью на местных католиков, численность которых доходит до трехсот тысяч. Пользуясь предоставленным ей трактатами правом официального заступничества за католиков, Австрия осуществляет это право так, как никогда не осуществлялось такое же право, принадлежащее Франции на покровительство католикам в других частях Оттоманской империи, ни России на покровительство православным.

При общем в Турции смешении религии с личной жизнью, австрийцы на почве покровительства религии успели создать такое положение, при котором они имеют право вмешиваться решительно во все, а местное население постепенно приучилось к мысли, что первенствующее место в Албании принадлежит не турецким властям, а католическому патеру, незаметно сливающемуся с официальным представителем Австро-Венгрии. Право занятия этою державою гарнизонов в Новобазарском санджаке еще более усилило в этих краях ее влияние, дав ему еще и необходимую военную подкладку и ухудшив там положение православных, по отношению к которым католицизм является естественным врагом и которым всячески стараются показать, что лишь отступничество от их прадедовской веры и переход в католичество смогут обеспечить им необходимые права. Кто знает восток, тот поймет, какое страшное действие на местное население должно иметь, напр., различие в праве ношения оружия. В то время, как албанец-католик разгуливает вооруженным с головы до ног, православный не может иметь при себе и ножа, не рискуя быть обвиненным в государственном преступлении.

К слову сказать, разве не явление того же порядка недавно появившаяся телеграмма, что известный католический патер Ламбри отправился в Македонию, заявив *urbi et orbi*, что он обещает покровительство всем прибегающим к защите католицизма.

Австрийский "Abendblatt" говорит, что все рассказы об австрийских интригах в Албании - злокозненный вымысел и что Австро-Венгрия преследует там лишь цивилизаторские и гуманитарные цели, создавая для католиков-албанцев школы, церкви и всевозможные благотворительные учреждения. Все это, в действительности, и делается, но таким образом, чтобы все это служило не общекультурным

целям, а исключительно австрийским, дабы все эти учреждения воспитывали питомцев в духе ненависти к славянам, считаемым главным препятствием к осуществлению замыслов Дунайской монархии на Балканском полуострове.

С какою предусмотрительностью относится Австрия к будущему Албании, видно из того факта, что в венском "Терезиануме", высшем привилегированном учебном заведении, рассаднике будущих государственных людей Австрии, вводится, по желанию графа Голуховского, преподавание албанского языка для будущих потребностей Австрии. Преподавателем назначен Пекмези, сам по себе представляющий довольно любопытный тип: турецкий подданный, уроженец Охриды, сначала он был Пекмезис и обучался в Греции, затем переехал в Болгарию и считался болгаринном Пекмезовым, далее -- сербом Пекмезовичем и, наконец, в Вене объявился албанцем Пекмези.

Если на албанцев-католиков Австрия действует чрез посредство патеров, то, чтобы влиять на албанцев-мусульман, она прибегла к совершенно особому способу действий: она действует на гордость, самолюбие и тщеславие этих албанцев, она льстит им, восхваляет их благородство, снисходительно относится к их диким обычаям, а притеснения, которым они подвергают православных славян, называет вполне естественными. Она обращается к худшим сторонам национального характера этого варварского народа, зная, что только этим путем и только потакая его страстям, можно приобрести его расположение. Для большей же убедительности такие слова подкрепляются щедрыми раздачами денег, к чему албанцы весьма приклонны, привыкнув в течение ряда веков продавать свои услуги, как наемники, в чужие войска. Раздавая эти деньги, австрийские агенты возвеличивают в тоже время великодушие и расположение к албанцам императора австрийского, под властью которого им-де жилось бы гораздо лучше, чем под султанскою. Золото имеет громадную власть над этими прирожденными разбойниками, и может наступить момент, когда оно перевесит преданность их султану, как халифу; по крайней мере, теперь все главнейшие албанские вожди подкуплены, под благовидным предлогом пенсий, которые они получают от австрийских агентов, не останавливающихся пред затратами, могущими принести им обильный плод в будущем.

Одновременно с тем, австрийцы не позволяют туркам расправляться с теми, кто, хотя и не выходит из злодеяний, но предан Австрии, как, напр., Риза-бей; когда нужно, австрийцы надавливают на Порту и добиваются смены турецких властей, неугодных албанцам. Неудивительно поэтому, что влияние австрийских представителей неизмеримо выше, чем влияние турецких властей, и там, где в горные округа Албании не смеет показаться сам турецкий генерал-губернатор, австрийские агенты беспрепятственно проезжают вдоль и поперек и Старую Сербию, и северную Албанию.

Чтобы изобрести цемент, который мог бы создать общность интересов, албанцам неустанно внушают, что у них общие с Австрией враги -- славяне: Австрия борется с ними на севере и востоке, албанцы -- на юге, так что в сущности и те, и другие борются за общее дело. Подобные наветы встречают тем более благодарную почву, что существует предположение, что северные албанцы не настоящие албанцы, и что они принадлежат к сербской национальности, перейдя в ислам лишь в течение последних пятисот лет, а ведь известно, что нет большей ненависти, как та, которая возникает между братьями.

Действуя таким образом, Австрия приобрела себе усердных союзников в Старой Сербии, представляющей для нее огромный интерес, не только политический, но и экономический.

Географически, Старая Сербия, населенная славянами, лежит между двумя славянскими независимыми государствами и самую судьбою предназначена войти в их пределы, благодаря чему создалось бы непрерывное славянское владение от Дуная до Адриатического моря. Но такое, вполне естественное усиление славянской мощи не входило в намерения Австро-Венгрии и при благосклонном участии Европы, -- этой дамы, появляющейся обыкновенно лишь тогда, когда нужно сделать какую-либо неприятность России, а в другое время где-то блуждающей по своим делам, -- ей было предоставлено право содержать гарнизоны в Новобазарском санджаке, благодаря чему в славянское тело был вогнан албанский клин, направляемый австрийскою рукою, и пока эта рука не отнимется, до тех пор не осуществиться законным вожделениям сербов на свою историческую землю.

Помимо того, при всей чересполосности владений, Черногория и Сербия могли бы сблизиться, если бы между ними мог быть построен железнодорожный путь, который открыл бы юго-западные европейские рынки сербским продуктам и избавил бы Сербию от экономической зависимости от Австро-Венгрии. Путь же этот должен был бы пересечь Старую Сербию; отсюда вытекала настоятельная надобность для Австрии владеть этою страню, чтобы во что бы то ни стало помешать общению между родственными славянскими государствами. Овладеть ею можно было бы в силу XXV ст. берлинского договора, дававшей Австрии право двинуться "до Митровицы и далее". Способ этот не лишен некоторого

риска, потому что у Австрии пока еще нет твердой уверенности, что Россия отнесется к нему хладнокровно, -- вот почему было решено содействовать всеми способами усилению в Старой Сербии албанского элемента, дабы создать из нее область-буфер, одинаково враждебную Сербии и Черногории и способную помешать осуществлению проектированного поперечного пути и не дать никогда сербам и их славянским соседям свободного выхода к Адриатике.

Из этого беглого взгляда достаточно ясно, что для Австрии очень на руку как беспорядки в Старой Сербии, так и все, что может ослабить там сербский элемент, -- между прочим, православие и русское влияние. Соображения эти разъясняют образ действий австрийских властей по отношению к русским инокам Дечанского монастыря; они же дают ключ, почему возникают все те обвинения, которые в печати взводятся на Австрию и ее агентов, по поводу митровицкого дела и вообще неясной ее роли в существующих ныне в Македонии затруднениях. Для памяти не мешает припомнить эти обвинения.

Среди нападавших на Митровицу албанцев было много католиков. На поле сражения нашлось много новых ружей системы Мартини, которые незадолго до того патерами раздавались албанцам-католикам. Многие католические патеры из Призрена, Дьякова, Ипека и Митровицы прибыли в Ускюб и постоянно видны около дома австрийского консульства. ("Београдске Новине").

Вообще, австрийские агенты непрерывно разъезжают по областям. Австрийский кавас Бекир ежедневно отправляется в Митровицу и возвращается на экстренных военных поездах. В Митровице он тратит большие деньги, поит албанцев, знакомится с их намерениями и обещает содействие Австрии, уговаривая албанцев продолжать начатое дело. "Если Щербина умрет, -- говорит он, -- ничего не будет, султан заплатит восемь тысяч фунтов и Россия не захочет вести войну из-за убийства консула, так как она к войне не готова". Австрийские агенты в Ускюбе распространяют весть, что Австрия займет страну и что с этой целью ее войска пройдут чрез Сербию, которую и займут в случае надобности, так как Россия дала на это свое разрешение. ("Новое Время". Корреспонденция из Ускюба).

Опустошение Вучитрна произведено албанцами-католиками ("Мале Новине").

Из Митровицы русским посольством получены известия о том, что арестованы лица, поощрявшие солдата Ибрагима к убийству русского консула. Все они, по сведениям русского посольства, австрийские подданные из пограничного округа ("Berliner tageblatt")

Поход Эссада-паши против албанцев-католиков, населяющих горную область Ксела, приостановлен, вследствие австрийского протеста ("Neue Freie Presse").

Наконец, отзывы самого Щербины приобретают особую вескость после его трагической кончины, которую он так ясно предвидел, задолго до наступления рокового момента, пресекавшего его молодую жизнь. А вот что говорит о нем близкий его друг, Драгомирецкий. Щербина делил всех албанцев на две группы: мусульман и католиков. К первой принадлежит сельское население и им он всегда был доволен. Источником же зла он считал, главным образом, албанцев-католиков, к которым относил купцов, ремесленников, чиновников, -- вообще городское население. Эта группа сеет больше всего ненависть и вражду. Несомненно, что албанцы-католики действуют не самостоятельно, -- говорит он, -- а под соответствующим давлением. Покойный не доверял Австрии и, несмотря на наш союз с нею на Балканском полуострове, во многом обвинял австрийцев.

В письме, с которым ознакомился корреспондент "Frankfurter Zeitung",--к одному из своих скутарийских друзей, покойный Щербина жалуется на свое трудное положение в Митровице, указывает на тяжелое положение сербов, которое он надеется улучшить, и что только австрийская политика для него настоящее бельмо на глазу, а с ней, между тем, труднее бороться, чем с турецкими махинациями.

С досады на такие разоблачения, австрийская печать и к трагической кончине Щербины отнеслась с умеренностью и аккуратностью: ни в одной газете не было высказано истинного, горячего негодования по поводу покушения, жертвою которого сделался русский консул, ни одна из них не созналась открыто, что в Митровице был потрясен престиж Европы и что европейские державы должны потребовать у турецкого правительства гарантий в невозможности повторения таких злодейств в будущем. Наоборот, целый ряд австрийских, а затем и германских, официозов и даже независимых органов печати сочли удобным по этому случаю обрушиться на Россию, которая-де преследует свои особые, пока скрытые цели: ее упрекают даже в желании эксплуатировать в свою пользу убийство Щербины, который сам виноват в своей смерти. Он виноват не только в том, что выставлялся слишком вперед, но и в том, что церемонию поднятия в Митровице русского флага раздул в славянскую демонстрацию в пользу России, и тем будто бы расстроил мусульманское население, которое и стало преследовать его своею ненавистью.

Все рассказанное мною выше, показывает, как мне кажется, что албанцы, при нынешних осложнениях, ни что иное, как марионетки, направляемые искусною австрийскою рукою; если бы кто-либо сомневался в справедливости подобного вывода, то не потрудится ли он объяснить, отчего волнуются и бунтуют албанцы и албанцы-католики в Старой Сербии, а все остальные албанцы в Македонии против реформ не протестуют?

В этой-то тайной, но действительной внешней поддержке албанцев лежит существенная опасность нынешнего положения на Балканском полуострове, которое, быть может, в близком будущем сулит нам самые неожиданные сюрпризы, тем более, что с одной стороны, по известиям, полученным из Митровицы и Призрена, албанцы заявили, что если турецкие войска и власти будут притеснять их, они поднимут австрийский флаг, под сенью которого найдут защиту и покровительство, а с другой, те же самые албанцы доставили султану благовидный предлог сосредоточить в Македонии громадную армию с неизвестною пока целью: не приподнимает ли солунская "кровавая ночь" 17 апреля угол завесы будущего и не освещает ли зарево зажженных там, так кстати для турок, пожаров, тот путь, по которому уже давно решено направить турецкие войска, чтобы разгромить славянские земли, стоящие поперек многим вожделениям, и с корнем вырвать русское там влияние?....

В. Теплов.
24 апреля 1903 г.

Текст воспроизведен по изданию: Албанская опасность // Русский вестник, No 5. 1903

сетевая версия - Thietmar. 2009
OCR - Анисимов М. Ю. 2009

ТЕПЛОВ В. Македонская смута

I.

Густые грозовые тучи, скопившиеся на южном краю европейского политического небосклона, не обнаруживают ни малейшего желанья разойтись, а напротив, ширятся все более и более и принимают тот характерный зловещий оттенок, который является лучшим провозвестником грядущей бури.

Прошел целый месяц с того времени, как я писал о положении дел в Македонии и Старой Сербии, и за весь этот промежуток времени нельзя насчитать никаких осязательных фактов, доказывающих, что дело умиротворения, предпринятое европейскими державами, сделало хотя какие-либо успехи. Как прежде, так и теперь, мы присутствуем при ревностных, но бесплодных попытках втиснуть жизнь в бумажные рамки, склеенные из разных актов, составляющих обычный арсенал европейской дипломатии, в особенности той, которая, будучи незнакома на практике с глубоким различием между миром мусульманским и миром христианским, прилагает и к турецким делам общеевропейский шаблон. Восток глубоко своеобразен и в обращении с собой требует совсем особой сноровки, блистательное доказательство чему можно видеть, напр., в успехах русской политики в Средней Азии, где, не связанная необходимостью следовать в своих действиях чужой указке, она была поставлена на началах, обусловленных психологическими особенностями восточных народов, и достигла, потому, результатов, которым справедливо изумляются иностранцы.

По применению к Ближнему Востоку, как-то незаметно, чтобы меры к его умиротворению были проникнуты тем же знанием особенностей народов, для которых они предназначаются. И, конечно, избавит Европу от гнетущего кошмара не то тщедушное детище дипломатии, которое уже при самом появлении на свет носило в себе зачатки смертельной болезни, дававшие полное основание предполагать, что для него уже уготована безвременная могила.

Кто может быть лучшим судьей по вопросу о том, как осуществляются турками принятые ими по настоянию России и Австро-Венгрии реформы, как не Хильми-паша, главный инспектор этих реформ? А между тем он сам, в разговоре с корреспондентом "Temps", признался, что достигнутые им результаты более чем скромные, помимо того, из его слов видно подтверждение моего мнения, о котором я имел случай говорить еще ранее, а именно, что условия, в которые поставлен главный инспектор султанским ираде и следовавшим за этим последним русско-австрийским меморандумом, таковы, что он находится в полной зависимости от Ильдиза, который вовсе не проявляет желанья содействовать ускорению преобразований.

По словам Хильми-паши, он привел в исполнение проект преобразования жандармерии и полиции, причем 20% первой и 10% второй состоят из христиан, -- тогда как меморандум требовал процента, пропорционального численности христиан. Кроме того, начальники назначены все из мусульман.

Затем Хильми-паша выработал проект организации полевой или сельской стражи, причем предложил, чтобы стражники избирались сельской общиной, большинством голосов, и утверждались шестичленной комиссией под председательством каймакама (уездного начальника) или главного секретаря санджака. Он послал свой проект в Константинополь уже более месяца тому назад, но никакого ответа не получал. Одновременно с тем, он послал туда же проект финансовых реформ и точно также не получил ответа.

Десятичный налог, по предложению Хильми-паши, должен быть отменен и, вместо него, будет взиматься соответственная подать деньгами, причем за норму будет принят средний урожай за последние пять лет, с прибавкой в 5% на покрытие недоборов в неурожайные годы. Эта прибавка должна поступать в ведение оттоманского банка.

Это все, что было сделано Хильми-пашой.

За последние дни телеграф принес известие, что Порта выработала и сообщила русскому и австро-венгерскому послам регламент для введения реформ, причем прибавляется, что регламент этот опубликован Портою не будет. Приходится ломать себе голову, зачем понадобилась тайна для такого акта, который нуждается, наоборот, в возможно широком распространении между населением, дабы оно могло видеть, хотя бы на бумаге, результат заступничества за него великих держав. Нынешнее же показывание реформ из-под полы едва ли соответствует достоинству держав и едва ли способно усилить доверие к искренности, с которою Порта принимает навязанные ей меморандумом преобразование.

Дарованная султаном амнистия была применена довольно своеобразно: она коснулась 1080 осужденных и беженцев, которых выпустили на свободу, но в то же время, вероятно, для пополнения убыли в тюрьмах, в битольском вилайете арестовали 1192, большею частью ни в чем неповинных крестьян, приносивших жалобы на властей, или же тех, родственники которых ушли в горы; сажают в тюрьму по преимуществу богатых крестьян, чтобы иметь возможность вымогать с них деньги. Не говорю уже о том, что о сотнях македонцев, находящихся в малоазийских тюрьмах, турки забыли так, что иностранные представители вынуждены были напомнить Порте про ее забывчивость.

Основываясь на том, что в австро-русском меморандуме было сказано, что преобразование жандармерии должно быть возложено на иностранных офицеров, Порта назначила было в македонскую жандармерию двух германских генералов Рюдигер-пашу и Аулер-пашу и майора Фитцау. Но, как слышно, Россия, поддержанная другими державами, настояла на том, что было бы целесообразнее на эти должности назначать офицеров, не состоящих на службе ни одной из великих держав, в виду чего Порта и обратилась к шведскому королю с просьбою отпустить нескольких офицеров па турецкую службу, и тот, как кажется, изъявил на то свое согласие. По этому же вопросу имеется в виду обратиться и к бельгийским и голландским офицерам.

К обещаниям амнистии македонцы относятся с таким слабым доверием, что, вопреки заявлением Порты, ни один беженец не вернулся из Болгарии в Турцию. По официальным сведениям известно, напротив, что в Болгарию ежедневно прибывают новые беженцы из Македонии.

Но все эти акты бледнеют и отступают на второй план перед главным элементом смуты на Балканском полуострове, -- ничем неудержимым своеволием албанцев, открыто заявляющих, что они ни за что не поступятся своими вековыми привилегиями и не примут реформ, низводящих их на степень равенства с столь презираемыми ими христианами. Невольно припоминается то, что предсказано было мною месяц тому назад: "на горизонте Старой Сербии появляется новая опасность, грозящая опрокинуть все мирные европейские планы: опасность эта -- албанцы и поддерживаемая ими в той стране анархия, при наличности которой нечего и думать об осуществлении принятых Портою, по настоянию России и Австро-Венгрии, реформ". (Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии гл. VII.)

Напрасно, как сообщают, Хильми-паша на собрании албанских главварей заявил, что не стоит беспокоиться по поводу того, что в австро-русском проекте реформ предвидится введение в Македонии жандармерии, состоящей из мусульман и христиан. "Это только слова, -- прибавил главный инспектор реформ, -- на самом же деле, несмотря на право поступать в жандармы, ни один христианин не будет туда принят. Даже в том случае, если нас принудят принимать христиан, мы будем всегда иметь в нашем распоряжении средства, которые сделают им службу в жандармах невозможной".

Главари в ответ заявили в очень вежливых, но твердых выражениях, что ни в каком случае они не позволят осуществить проект реформ в македонских вилайетах и, если понадобится, прибегнут к вооруженному сопротивлению. Один из албанских вождей выразился так: "Если султан спросит нас, почему мы противимся реформам, то мы ответим по чистой совести: реформы привели в свое время к отпадению Болгарии, Восточной Румелии и Крита, -- мы не желаем, чтобы косовский, монастырский и салоникий вилайеты достались в руки гяуров".

В тоже время в Константинополь прибыли известные албанские главари Риза-бей и Мустафа Хамди-эфенди с протестом против реформ. Оба известны, как руководители истребления сербов. Риза-бей, бывший разбойник, ныне взысканный милостями султана, пожаловавшего ему придворный чин и разные ордена; Мустафа-хамди -- тот знаменитый своими подвигами приштинский муфтий, который завладел большею частью Косова поля, откуда он почти изгнал сербское население.

Отражая настроение берлинских правящих сфер, чувствующих, как известно, к турецкому правительству "влечение, род недуга", "Kölnische Zeitung" услужливо описывает в ярких красках, с каким искусством и энергией трудится Хильми-паша над осуществлением поставленной ему задачи введения реформ, и что ему настолько удалось успокоить албанцев, что с их стороны не следует опасаться каких-либо насильственных действий.

Немного времени потребовалось, чтобы опровергнуть такие уверение, распространяемые ad usum delphini.

Начать с того, что в Велесе турецкие войска, в числе которых немало албанцев, совершают всевозможные неистовства, а Хильми-паша не принимает никаких мер к их обузданию.

Потом, по официальным турецким сведениям, 1 (14) марта в Ипеке состоялось многочисленное собрание албанцев: все племена их были представлены на этом собрании, которое самым решительным образом высказалось против проектированных державами реформ и приняло единогласно следующие резолюции:

1) Мы протестуем самым решительным образом против принятия на службу в полицию и судебные или административные учреждение хотя бы одного христианина. 2) Мы протестуем против учреждение новых русских или других иностранных консульств в Македонии и Старой Сербии. 3) Мы предупреждаем турецкие власти, которые теперь начинают говорить об отобрании у нас оружия, что предпочтем лучше все умереть, защищая в открытом бою нашу свободу и наши старинные привилегии, чем отдать наше оружие, которое является нашей гордостью и причиной нашего господства. 4) Мы не нуждаемся в иных средствах мира и порядка, помимо нашей доброй воли. Мы гарантируем порядок и мир каждому -- мусульманину или христианину. 5) Если это наше уверение будет принято, то мы обещаем и на будущее время оставаться верными подданными султана".

Официальное о том известие, полученное из Солуни и прекрасно иллюстрирующее всю безнадежность попыток ввести реформы в Македонии и Старой Сербии, произвело очень неприятное впечатление в константинопольских правительственных сферах, которые употребляют все усилия, чтобы ослабить значение этого известия в глазах иностранных дипломатов.

Немного спустя, албанцы из Митровицы телеграфировали султану, что они до тех пор не успокоятся, пока султан не откажется от проведения реформ и не уволит жандармов из христиан.

Тем временем, от слов албанцы перешли к делу. Не стану подробно перечислять список их насилий в единичных случаях, как они ни возмутительны сами по себе; не могу, однако, умолчать об убийствах, имеющих симптоматическое значение. Назначение христиан в жандармы вызвало сильнейшее негодование среди местного мусульманского населения, и мусульмане решились силою устранять их: единственный серб в Тетове (Калканделене), принятый в жандармы, Христо Иованович, стоявший на дежурстве у городского общинного управление, застрелен без всякого повода, кроме носимого им мундира, -- албанцем Али-агой Зурзо, возвращавшимся с собрания, где протестовали против реформ. Несчастный Христо, умирая, успел сказать окружающим: "меня прислал сюда русский консул, пусть он требует мою кровь...", а убийца его остается и доселе на свободе и совершенно безнаказанным, несмотря на протесты местного высшего болгарского и сербского духовенства.

Вскоре после этого, в ускубском санджаке было убито еще пять христианских жандармов.

Под влиянием таких примеров, можно допустить предположение, что едва ли найдется много охотников испытывать на себе силу турецких реформ, хотя бы и продиктованных державами.

Перейду к событиям более крупного калибра: в течение нескольких дней Призрен прожил под страхом албанского нашествия, но албанцы почему-то передумали и взамен Призрена, напали на город Вучитрн, который и разграбили. При этом турецкий начальник каймакам поспешил выдать им двенадцать

жандармов христиан, которых они и увели в Приштину. 17-го же марта пять тысяч албанцев осадили Митровицу, требуя отозвания русского консула в Митровице, г. Щербини, а также сербского консула в Приштине. Албанцы были отбиты артиллерийским огнем лишь после двухчасового боя: понеся тяжелые потери, они вынуждены были отступить: теперь, по слухам, на этот город направляются 15,000 албанцев.

Наконец, 18 марта г. Щербина, благодаря энергии которого не было приведено в исполнение предполагавшееся поголовное избиение христиан, был на улице ранен в левый бок албанским солдатом Ибрагимом, выстрелившим в него из маузеровского ружья.

Усилению агрессивной деятельности албанцев поневоле заставляет вспомнить о промелькнувшем несколько времени тому назад известии о бегстве пресловутого вождя арнаутов, Иссы Болетинаца, который поклялся убить г. Щербину и за эти угрозы был сослан в Малую Азию, где посажен в заключение в Битлисе. Порта уверяет, что он бежал, но, по достоверным сведением, его бегство происходило при благосклонном участии турецких властей, снабдивших его даже весьма значительной суммой денег.

Сопоставляя эти два факта, можно прийти к заключению, что Исса Болетинац уже успел вернуться на родину и что в лице его албанцы приобрели себе предводителя, который объединит их силы и поведет их на отчаянную борьбу против ненавистных им христиан, при тайном, если не явном поощрении со стороны турецких властей, не желающих раздражать могущественную придворную камарилью, приютившуюся в стенах Ильдизского дворца.

II.

Военные приготовления Турции продолжают идти в возрастающей прогрессии. Относительно их султан издал несколько ираде. Приступлено к исправлению казарм в Константинополе и к постройке там новых барачков для войск, которые будут беспрерывно стягиваться сюда со всех концов империи для того, чтобы затем отправиться в Македонию.

Всем командирам корпусов предписано не давать отпуска офицерам ни под каким предлогом и потребовать немедленно всех отсутствующих. Специальная комиссия отправлена в Германию для наблюдения за покупкою новых маузеровских ружей и револьверов. Круппа торопят, чтобы он скорее высылал заказанные ему 96 скорострельных пушек, 200 тысяч ружей и большое количество бездымного пороха. Подписаны контракты на поставку лошадей для пополнения ремонта армии. Большие массы войск перевозятся из Малой Азии в европейские провинции. Косовский вилайет и новобазарский санджак представляют из себя настоящие военные лагеря. Железнодорожным обществам предписано держать наготове весь подвижной состав, который может понадобиться для перевозки войск в самом непродолжительном времени. Сильные корпуса стянуты к границам Болгарии и Сербии; внутренность Македонии наводнена войсками, которые охраняют там все пути сообщения и строят во многих местах башни, подобные настроенным австрийцами в Боснии. Нельзя обойти молчанием сообщаемое из Берлина в "Patrie" известие, что большое количество германских офицеров взяли отпуск и едут на Балканский полуостров. Отъезд свой они объясняют намерением следить за военными операциями в качестве частных лиц, без официальной миссии. Очень вероятно, однако, что в случае возможных осложнений и войны, эти частные лица, очень кстати подъехавшие к театру военных действий, присоединятся к своим сородичам, находящимся на турецкой службе и собранные там войска сразу получают контингент опытных начальников, которые и поведут турецкие войска против славян, подобно тому, как в 1897 г. германские офицеры водили их против греков.

В смысле характеристики положения следует указать, что с не меньшею деятельностью идут и морские приготовления: старые броненосцы в Золотом Роге переделываются, в Геную и Киль посланы приказание окончить как можно скорее начатые там исправления турецких военных судов. И уж, конечно, не против восставших македонцев будет направлен этот флот.

Несмотря на собранные в трех македонских вилайетах войска, к которым каждую минуту могут присоединиться местные турки, помаки и албанцы, революционное движение в Македонии не угасает, а напротив, постоянно усиливается, ежедневно сообщается о столкновениях инсургентских отрядов с турецкими регулярными войсками и башибузуками и о водворившейся в крае анархии. Четы хорошо организованы и вооружены, и во главе их стоят бывшие болгарские офицеры. С большою смелостью действует на севере Борис Сарафов; до сих пор ему удавалось счастливо ускользать от преследования турецких войск. Чтобы объяснить это, придумано было турками объяснение, едва ли отвечающее истине,

что будто бы Сарафов, пользуясь тем, что султан запретил стрелять в женщин и детей, ставит перед своими четами женщин и успевает убежать, пока турки отделяют женщин от инсургентов.

Вообще, турецкие сановники не особенно церемонятся с правдивостью. В этом смысле не лишен интереса разговор специального корреспондента "Daily News" с салоникским генерал-губернатором, Хасан-Фехми пашой, который высказал своему собеседнику такие мысли: "турецкая система управления основана на справедливости. Подданным его величества падишаха лучше всех это известно. В северной и средней Македонии, правда, были беспорядки, но это дело рук разбойников, а те, в свою очередь, -- куклы в руках болгарских коноводов. Болгары -- низшая раса; они лживы, вероломны, вообще низшая порода людей. Населению Македонии не на что было бы жаловаться, если бы только **комитаджи** (приверженцы тайных комитетов) оставили его в покое. Мы теперь рассеяли комитаджи; они убралась в горы. И в Македонии все спокойно. Македония английских и французских газет -- не существующая страна. Поверьте мне, все эти рассказы о жестокостях и насилиях -- наглая ложь. Македония спокойна, совершенно спокойна...".

На самом деле в Македонии стычки происходят, не смотря на запоздавшую весну, благодаря чему снег покрывает горы и совершенно непроходимые дороги делают невозможным более или менее серьезное движение.

В недавнее время сообщалось, что большое впечатление произвело образование четы, под командою высеченного турками диакона Фомы, а также -- что православное духовенство призывает всех способных носить оружие на освобождение родины. Если сообщение это справедливо, то последствия подобного призыва могут оказаться очень серьезными, перенося нас ко временам борьбы за освобождение Греции, когда в 1821 г. архиепископ патрасский Герман начал борьбу креста против полумесяца.

Помимо вооруженных столкновений, особенно тревожно положение в монастырском вилайете, где агитация революционных комитетов значительно усилилась за последнее время. В уездах, где мусульманское население образует меньшинство, нет ни одного турецкого землевладельца, которому не приходилось бы аккуратно выдавать известные суммы комитетским агентам. Отказ влечет за собою угрозы поджога или смерти, и угрозы приводятся в исполнение. Комитетские агенты обходят села и деревни, собирают деньги, приискивают помещения для ружейных складов и добывают необходимые сведения. Сверх того, в каждой деревне есть постоянные агенты специально для разведочной службы, вообще прекрасно организованной. Не только за измену, но даже за ничтожное нарушение дисциплины, виновного ждет смертная казнь.

Политические убийства в последнее время необычайно умножились: убивают и турок, и сербов, и греков, и болгар. Сельское население, поставленное, между двух огней -- страхом турецкой расправы и террором тайных комитетов, не знает, чего держаться, тем более что, зная великое значение для селяка России, тайные агенты распространяют под рукою, что движение возникло по приказанию России и что, потому они не могут не принять в нем участия. Под влиянием всего этого, как рассказывает посланный в Македонию специальный корреспондент, "число инсургентских чет с каждым днем быстро возрастает. Можно смело сказать, что дух восстания охватил все славянское население Македонии, и нет македонца, который не был бы вооружен и не готовился бы пустить в дело свое оружие по первому сигналу вождей македонского движения".

Брожение распространилось и на адрианопольский вилайет, где инсургенты взорвали мост у Мустафа-Паши и тем прервали на некоторое время железнодорожное сообщение Вена-Константинополь.

В мысли о необходимости восстания народ утверждается и на основании сообщений извне. Так, председатель одного из комитетов, Михайловский, побывав в Вене, Париже и Лондоне, в публичной лекции рассказал о результатах своих бесед с разными выдающимися общественными, политическими и государственными деятелями Западной Европы: повсюду он встретил сочувствие к делу освобождения Македонии, но везде ему говорили: "если вы сильны, -- боритесь; в конце концов Европа поможет вам освободиться; если же вы чувствуете себя слабыми, -- имейте в виду, что никто не захочет за вас воевать, и ваши просьбы не тронут никого. Если вы желаете быть свободными, вы должны бороться. Свобода даром никому не дается. Борьба тем более необходима, что без войны султан никогда не согласится на действительные реформы, против которых не только султан, но и все сановники и все турки без исключения". Характерно, что против них даже младотурки, в Европе считаемые за наиболее либеральный и прогрессивный элемент в Турции; они прямо высказали Михайловскому: "вы народ свежий, даровитый, энергичный: если мы вам дадим равные с нами права, то вы в несколько лет станете нашими господами, и мы должны будем политически умереть".

Попытка прямого воздействия русских консулов в Битоли и в Ускубе, заявивших членам комитетов, что русское правительство строго осуждает образ их действий и предлагают прекратить их деятельность, успеха не имела. К такому же результату привела попытка болгарского торгового агента в Битоли, который, собрав местных именитых людей, объявил им желание болгарского правительства, чтобы они оставались спокойны, на что те ответили, что они знать не хотят о Болгарии, так как они македонцы, а не болгары.

Дабы обострить положение, комитеты подвергают турок жестоким насилиям: они всячески стараются вызвать общее озлобление мусульман и побудить их к поголовному избиению христианского населения.

Нельзя лучше охарактеризовать нынешнее положение в Македонии, как опубликованная выписка из донесения нашего генерального консула в Солуни от 1 марта (Правительственный Вестник. 20 марта 1903 г.). "За разыгравшимися минувшею осенью беспорядками последовал период бесшумной, но упорной работы революционных комитетов, все усилия их по-прежнему направлены к возбуждению поголовного восстания. Призывая христиан к заведомо неравной борьбе, комитеты надеются вызвать вмешательство Европы в свою пользу. Настроение, господствующее как в местном мусульманском мире, так и среди христиан, крайне тревожно... Количество банд со дня на день возрастает. Во воем округе нет ни одного селения, где не гнездилась бы чета повстанцев, находящих среди христиан, частью вынужденных, частью добровольных укрывателей. Комитеты с лихорадочною поспешностью готовят все необходимое для восстания, вербуя в свои ряды молодых христиан, заготавливая обувь, одежду, разного рода запасы и перевязочные средства... Трудно допустить, чтобы революционная агитация, пустившая в течение многих лет глубокие корни, сама распалась мирным путем... не следует терять из виду возможность одновременных попыток мятежа в разных пунктах трех вилайетов".

III.

Столь тревожное состояние прилегающих к Болгарии областей и, главным образом, сосредоточение на ее границах внушительных турецких сил, вполне естественно вызывает в княжеском правительстве чувство беспокойства за ближайшее будущее, тем более что прошел уже слух о намерении Турции занять Восточную Румелию. Исходя из мысли, что Болгария не имеет права в таких обстоятельствах бездействовать и оставаться равнодушной зрительницей турецких приготовлений к войне, а обязана принять меры к отражению турецкого вторжения, болгарский военный министр Паприков, потребовал предоставления ему чрезвычайного кредита в восемь миллионов франков на закупку боевых снарядов и провианта. В этом вопросе он разошелся с министром-президентом Даневым, который, вместе с остальными членами кабинета, был против этого кредита из опасения возбудить недоверие держав к мирной политике болгарского правительства. На этой почве возник сначала частный, а затем общий министерский кризис. После бесплодных попыток заменить подавший в отставку кабинет Данева министерством Гешова, дело закончилось обратным призыванием к власти прежнего кабинета, за исключением Паприкова, замененного полковником Савовым. Это новое доказательство миролюбия болгарского правительства представляется очень мудрым для Болгарии, так как, не увеличивая воинских тягот и действуя в точном соответствии с желаниями держав, Болгария приобретает неоспоримое право требовать, чтобы в случае нападения на ее пределы, державы ведались бы сами с султаном и защитили от него покорную их советам Болгарию.

Конечно, можно было бы возразить, что дело мира лучше всего охраняется сильною армиею, отбивающею обыкновенно охоту у задорного соседа напасть на слабого противника: то же самое могли бы, пожалуй, исполнить и балканские государства, могущие выставить в военное время, с резервами:

Болгария 208,000
Румыния 314,000
Сербия 323,000
Греция 80,000
Черногория 38,000
Всего 963,000

("Kreuz Zeitung", на основании, как она говорит, новейших официальных данных, утверждает, что при мобилизации, Болгария может выставить только 130.000 чел., Румыния -- 170.000, Сербия -- 100,000 и Греция -- 80.000.)

Если бы все эти государства действовали заодно, то 963.000 хорошо вооруженных войск, стоящих на турецкой границе без всякой угрозы, могли бы значительно способствовать делу умиротворения. Но, в действительности, такое предположение, в виду взаимного соперничества между названными государствами, только и можно назвать несбыточной мечтой. Во всяком случае, они и ныне стараются, прежде всего, воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы выкроить самим себе, какой-нибудь кусок, отнюдь не задаваясь достижением каких-либо общих интересов.

Правда, говорят о том, что будто бы в виду возможности войны ведутся в настоящее время переговоры между королем Александром и князем Фердинандом о сербо-болгарском соглашении по поводу Македонии.

Мысль о подобном соглашении возникала неоднократно после сербо-болгарской войны 1885 года и до некоторой степени была, накануне греко-турецкой войны, осуществлена актом 3 марта 1897 г., подписанным тогдашними главами сербского и болгарского правительств, Симичем и Стоиловым. Договор состоял из четырех параграфов:

1) Оба правительства будут сообща обсуждать все вопросы, касающиеся прав и интересов сербов и болгар в Турции.

2) Они не предпримут никакого дипломатического или военного действия против настоящего status quo в Турции, без предварительного соглашения.

3) До тех пор, пока границы сербской и болгарской сферы действий в турецких странах не определены с общего согласия, оба правительства будут оказывать друг другу помощь и содействие во всем том, что касается национальных, духовных и школьных вопросов в стране.

4) Король сербский и князь болгарский представят это соглашение князю черногорскому.

Насколько известно, никаких практических результатов соглашение это не имело и не привело к желаемой гармонии действий Сербии и Болгарии, которые, по-прежнему, кипят друг против друга, как только вопрос коснется Македонии. За последнее время Сербия желала бы поставить на очередь вопрос об официальном признании в Македонии гражданскими властями прав сербской народности, так как доселе сербов, как отдельной, признаваемой местными властями национальности там не существует, а живущие там сербы официально причисляются то к грекам, то к болгарам, смотря по тому, чью духовную власть они признают -- патриарха ли вселенского, либо болгарского экзарха.

Румыния точно также старается об образовании куцо-влахской церкви для цынцар, живущих в Македонии и донныне подчиненных вселенскому патриарху. Крайне, впрочем, сомнительно, чтобы этот последний удовлетворил подобным домогательствам Румынии, став сам на путь филетизма, так торжественно осужденного константинопольским поместным собором 1872 года.

Если верить цетиньскому корреспонденту газеты "Information", в хорошо осведомленных черногорских кружках рассказывают, будто князь Николай добивается уступки ему Портою прилегающей к Черногории пограничной области, с оставлением ее под верховенством султана; практически это последнее условие могло бы быть осуществлено тем, что султан мог бы назначить князя Николая губернатором той полосы земли, которую он хочет приобрести. Было слышно, что уже в 1899 году князь обращался с подобною же просьбою к Порте, которая отклонила ее: как отнесется она к ней в настоящее время, пока еще неизвестно.

Наиболее стремление воспользоваться настоящим благоприятным моментом обнаруживает Греция и, надо признать, она ранее других успела собрать плоды, выросшие из семян взаимной злобы между христианскими народностями Балканского полуострова.

В виду крайне враждебного отношения греков к болгарским замыслам в Македонии, отношение Турции к Греции в последнее время носят особо дружественный характер. Султан не ограничился посылкой в Афины специального посольства для поднесения греческому королю, наследному принцу и министрам высших турецких орденов, но и отдал строгий приказ, чтобы турецкие власти в Македонии всячески покровительствовали грекам, ограждали их от нападения болгарских чет и не стесняли их в открытии школ. Точно такие же распоряжение, поощрительные для греков, сделаны и во всех прочих вилайетах. Ими, пожалуй, можно объяснить отношение местных властей к греко-сербской распри в Ускубе из-за церкви св. Спаса, причем грекам возможно было силою удалить из церкви митрополита Фирмилиана и сербского генерального консула Кустовича. При обычном порядке вещей грекам, конечно, не удалось бы добиться подобного успеха. Затем султан велел удовлетворить давнишнее желание греков

и заключить греко-турецкий торговый договор. Есть слухи, что Порты не прочь и от политического соглашения с Грецией, ценою которого будет присоединение к Греции Крита, -- для Турции же он представит огромное преимущество, так как в таком случае ей незачем будет охранять свою южную границу, и все находящиеся там войска могут быть употреблены, в случае надобности, против славянских государств. Переговоры о подобном соглашении, по слухам, уже начаты.

Восхищенные таким образом действия султана, десять воспитанников афинской военной школы выразили желание поступить волонтерами в турецкую военную службу. Султан изъявил свое согласие, и они, называющие себя потомками эллинов, но собственному желанию, включены в состав той самой армии, которая так нещадно била в 1897 году греческие войска.

Пример этот нашел подражателей, и несколько студентов афинского университета из турецких греков тоже подали прошение турецкому посланнику в Афинах о разрешении им вступить в ряды турецкой армии, чтобы верно и преданно служить султану и его государству против болгар. Через несколько дней посланник, Рифаат-бей пригласил к себе студентов, подписавших прошение, и сказал им: "ваше прошение я отправил в Константинополь, и его величество султан благоволил выразить вам свою благодарность и назначить вас старшими унтер-офицерами своей лейб-гвардии. Христиане впервые получают такой чин. Поэтому как вы, так и ваш греческий народ должны высоко ценить подобную милость".

А. Стаматиадис, от имени греческих студентов, благодарил за оказанную им честь и выразил готовность студентов преданно служить интересам султана.

"Мы, греки, -- сказал в заключение Стаматиадис, -- составляющие по количеству, но развитию и коммерческому прогрессу важнейший элемент среди народов, населяющих Оттоманскую империю, заявляем, что под сенью султана живем в полной безопасности и благоденствии, болгарам же, разбойникам, приличествует тюрьма".

Как напоминает это мне факт, которому я был очевидцем, когда во время сербско-турецкой войны 1876 года один из константинопольских патриотов, Демосфен Чивоглу, снарядил на свой собственный счет греческий батальон, отправившийся драться, вместе с турецкими войсками, против сербов. Этому батальону дано было особое знамя -- на красном поле луна и крест -- символ нового союза, направленного против славян. Впрочем, виддинские власти, -- батальон был направлен в Виддин, -- отнеслись, как кажется, недружелюбно к этим современным янычарам, а находившиеся в городе башибузуки усмотрели худое для себя предзнаменование в изображении на знамени креста рядом с полумесяцем и встретили, говорят, христианское ополчение выстрелами, -- шесть человек было убито, остальные спаслись в рассыпную.

Несмотря на кажущееся сближение Греции с Турцией, чтобы отдать себе отчет в истинных чувствах греков, не мешает обратить внимание на недавнюю речь, произнесенную в палате Скузесом, греческим министром иностранных дел. Сначала он очень оптимистически отнесся к вопросу о реформах, которые, по его мнению, должны, несомненно умиротворить три македонских вилайета. Заключил же он свою речь словами: "в каждом эллине слово Македония возбуждает глубокое чувство патриотизма, и слово это сохранит для каждого из нас свою чарующую силу до тех пор, пока не осуществятся во всей полноте греческие национальные стремления". Из этих слов министра нетрудно вывести заключение, что политика Греции в македонском вопросе имеет временный характер, обусловленный внутренней слабостью королевства, и не напоминает ли нынешняя политика афинского кабинета известную басню "Лисица и виноград"?

IV.

Итак, по всем видимостям, Европа стоит на пороге важных событий. Державы, а в особенности Россия, исполнявшая все честно и прямодушно, сделали с дипломатической точки зрения все, что только могли, -- история скажет в свое время, насколько другие державы руководились таким же прямодушием. Тем не менее, события в Македонии развиваются неудержимо и все с возрастающей скоростью, подобно камню, стремящемуся по наклонной плоскости. Причина этого явления заключается, как мне кажется, в том, что дипломатия не захотела в этом вопросе отрешиться от отвлеченных воззрений, не захотела согласовать их с условиями действительной жизни подвластных султану христианских народностей. Она расстреляла из своего колчана все стрелы, которые там на подобные случаи полагаются в комплекте, строго определенном в кодексе старых отцов дипломатии, ныне изрядно уже истрепанном. Но воздействию держав не подверглись и не могли подвергнуться стихийные силы, а между тем в них-то и

узел вопроса. Раз они всколыхнулись, было бы самообольщением предполагать, что с ними можно справиться, в особенности рутинными средствами, но их можно искусно направить в то русло, где они могли бы спокойно продолжать свое течение, не разрушая берегов и не опустошая всей окрестности.

Положение дел в Македонии с каждым днем становится тревожнее, приготовления к восстанию, которое предположительно вспыхнет в апреле месяце, быстро подвигаются вперед: значительная часть крестьян уже вооружена ружьями, привезенными главным образом из Греции, сами вожди сознаются, что у них нет власти остановить восстание. Примирительные увещания экзарха болгарского не производят впечатления. В австро-русской схеме реформ видят мертвую букву. Ни русские, ни болгарские предостережения не действуют. Болгарские комитеты не имеют почти никакого влияния на македонских крестьян, которые повинуются лишь своим вождям и которые хотят действовать независимо, под девизом "Македония для македонцев и автономия". Русские консулы утратили свое прежнее влияние и, что наиболее прискорбно, судя по некоторым сведениям, население почти отрешилось от своей былой веры, что Россия когда-нибудь освободит славян из-под турецкого ига, и оно начинает думать, что Великая Северная Держава отказалась от своей традиционной политики на Балканском полуострове, забыла тамошних православных и отдала их, связанных по рукам и ногам, злым **душманам** -- турку и швабу.

Западная европейская печать раскололась на два лагеря: в то время как в Англии и во Франции неустанно изображают отвратительные картины турецких зверств, призывая державы к активному вмешательству, в Германии и Австрии до последнего времени защищали политику Порты и сваливали на болгарские комитеты и болгарских агитаторов всю вину за беспорядки и смуту в трех македонских вилайетах. Только ныне, когда, по всей вероятности, в Австрии нашли, что каша заварена уже основательно, там начинают приподнимать маску. Теперь уже не скрывают вестей о возрастающих затруднениях при введении реформ, которыми доселе только любовались. Теперь их не только не скрывают, но, наоборот, сгущают краски: этот пессимизм в дипломатических венских сферах, где до сих пор смотрели на вещи очень оптимистически, весьма знаменателен, в особенности по сопоставлению с известием хорошо осведомленного сербского органа "Odjek", который сообщает, что венские агенты, по распоряжению правительства, объезжают европейские столицы и вербуют добровольцев для македонского восстания. Эти австрийские агенты выдают себя в Европе за македонцев, но резко бросается в глаза тот факт, что ни один из них не владеет ни сербским, ни болгарским языками. Вербуя добровольцев и обещая им богатое вознаграждение, они говорят на немецком, французском и итальянском языках. Эти самозванные восстанцы, которые никогда не видели Македонии, но которые хорошо оплачиваются австрийским правительством, уверяют, что в скором времени македонцы начнут войну с турками. Все на вербованные этими якобы восстанцами добровольцы соберутся в Вене и оттуда, снабженные деньгами, оружием и всеми необходимыми припасами, отправятся в Македонию, чтобы нарушить мир на Балканском полуострове, который так охраняется Россией, но мешает австрийским планам.

Обострение смуты в Старой Сербии, происшедшее под влиянием перешедшей всякие пределы албанской дерзости, не могло произойти без попустительства Австрии, пользующейся между тамошними албанцами преобладающим влиянием, быть может, более сильным даже, чем турецкое.

Берлинский трактат, отдав славянские земли, Боснию и Герцеговину, в "временную" оккупацию Австро-Венгрии, предусмотрительно озаботился, чтобы другие славянские государства, Сербия и Черногория, не были смежны, и потому отдал разделяющий их знаменитый "коридор" - Новобазарский санджак -- под специальную охрану той же Австро-Венгрии, предоставив ей право занятия его своими гарнизонами, тут же находятся и турецкие отряды, и все эти войска, с согласия австрийского правительства, подчинены Сулейману-паше, офицеру 3-го турецкого корпуса и в тоже время офицеру австрийского главного штаба. Австрийские гарнизоны расположены вдоль шоссе в Преполье, Новом Вароше и Новом Базаре, главнейшие силы сосредоточены у черногорской границы вдоль реки Лима, а отдельные посты доходят до Колашина, Белополья, Бераны и Терговште. Во всей этой местности власть султана номинальна, чиновники фактически подчинены влиянию австрийских агентов, которые строят дороги, разбирают тяжбы и ссоры между албанскими вождями и турецкими чиновниками и исполняют судейские и другие обязанности.

Австрийское влияние далеко перешагнуло за пределы Новобазарского санджака, причем австро-венгерские агенты широко пользовались предоставленным им международными договорами правом официальных покровителей албанцев-католиков, чтобы создать из них противовес местным православным, которые в Старой Сербии им также ненавистны, как и в Боснии и Герцеговине. Никто из лиц, побывавших в северной Албании, не станет отрицать, что в Ускюбе, Призрене, Диакове, Ипекке и

Приштине представители Австро-Венгрии пользуются гораздо большим влиянием, чем местные турецкие чиновники, и что влияние свое они употребляют на то, чтобы албанцы всегда чувствовали себя солидарными с Австро-Венгрией. Очень естественно, что и албанцы не утаивают своих намерений от могущественных покровителей. Если бы в этом отношении и могло быть какое-либо сомнение, то оно рассеивается под впечатлением факта, сообщенного официозною белградскою "Слогою" от 20 марта известия, что при нападении на Митровицу преобладающим в албанских скопищах элементом были албанцы-христиане, которые потребовали от каймакама Митровицы выдачи русского консула и русского консульского флага, а когда им в этом было отказано, напали на город. Так как албанцы-христиане в этом крае католики, преданные слуги Австро-Венгрии, то получаемый вывод ясен для каждого.

Переходя, к другой державе, которую всегда необходимо иметь в виду, когда речь идет о Турции, -- Англии, -- нельзя не признать, что в настоящем балканском кризисе она сохраняет роль, необычайно по виду скромную, но по сущности скорее напоминающую усиленно зажмуривающуюся и будто бы спящую кошку, которая лишь терпеливо ждет, пока наивный мышонок приблизится на расстояние, где гибель его неизбежна.

Опубликованная "Синяя книга" содержит в себе ответ английского министра иностранных дел лорда Лансдоуна австро-венгерскому послу, графу Дейму. Он говорит, между прочим, что "Англия, в силу принятых ею на себя по берлинскому трактату обязанностей, не могла равнодушно взирать на македонские события, тем более что в случае возникновения там открытого пожара, этот пожар мог бы вызвать международные осложнения весьма серьезного характера. Потому, Англия спешит присоединиться к мероприятиям России и Австрии, так как смежность границ с Турцией облегчает осуществление намеченного пути -- оказания давления на Болгарию и Порту. Проект реформ содержит полезные, многообещающие мероприятия. Для успеха дела необходима, однако, правильная оценка положения вещей, как со стороны балканских государств, так и со стороны Порты, при полном беспристрастии держав. Надеюсь, что все так и обстоит в действительности, и что реформы произведут значительное улучшение в положении дел, Англия не предполагает выставлять новых предложений. Но предварительное принятие проекта реформ отнюдь не должно быть рассматриваемо в том смысле, что английское правительство не могло бы выставить или поддержать другие предложение, в случае, если бы настоящие почему-либо оказались неподходящими".

Но такой по наружности пассивный образ действий британской дипломатии рассчитан, очевидно, на достижение известных, вполне определенных целей без всякого риска. Англия играет наверняка, и не подлежит сомнению, что, не выступая активно в роли заступника за христиан Македонии, оставаясь как бы совсем в стороне, она, в случае какого бы то ни было вооруженного столкновения на Балканском полуострове, учтет в свою пользу чужие ошибки и воспользуется случаем для новых захватов на Средиземном море.

Недавно назначенному турецкому послу в Лондоне было поручено попробовать почву в английских правящих сферах и попытаться обеспечить Оттоманской империи дружескую поддержку Англии на случай каких-либо осложнений; ему было отвечено кратко, что Англия постарается оградить свои интересы на ближнем Востоке, а до всего остального ей дела нет.

Очень вероятно предположение, высказываемое некоторыми, что развитие македонского вопроса обошлось не без деятельного, хотя и тайного участия Англии, причем указывается на любопытное совпадение, что вопрос этот начал серьезно обостряться летом прошлого года, т. е. после окончания войны в Южной Африке.

Допустимо, что и ныне Англия пытается повторить с большим успехом то, что ей не удалось в 1895 году на почве армянского вопроса, -- допустимо, что и над поддержанием брожения среди македонского населения работают английские агенты, убеждающие его, что Россия желает восстания. Все это допустимо, потому что современное политическое положение таково, что Англия не может не желать вовлечь нас в войну, чтобы, связав ею нам руки, достигнуть своих целей. Но какой же должен быть для нас практический результат совокупности всех этих обстоятельств?

Мне кажется, что ввиду невыносимого положения Македонии и Старой Сербии, ввиду албанских неистовств и надвигающейся грозы общего восстания, а главное, ввиду положения, занятого нашими исконными врагами на Балканском полуострове, -- Австрией и Англией, -- России, пока еще не поздно, необходимо отказаться от мысли, что умиротворение может быть достигнуто введением в Македонии и Старой Сербии турецких реформ; ей нужно посмотреть прямо в глаза действительным условиям жизни

турецких христиан, и она, наверное, разделит убеждение балканских славян в невозможности чего-нибудь достигнуть в смысле реформ, под условием сохранения турецкого режима. Это для них, как выражается Нестор в "Балканских письмах", так же ясно, как то, что нельзя ожидать, чтобы волки могли провести реформы в своих отношениях к овцам, даже в том случае, если бы им назначили правильное кормление.

Единственным способом выйти из настоящих затруднений является автономия салоникского, битольского и косовского вилайетов, на основаниях, изложенных в моей предыдущей статье. Иначе необходимо быть готовым ко всему худшему. Мне не хотелось бы быть Кассандрой, но не могу не сказать, что если Македонии и Старой Сербии не будет дано автономии, обе эти страны в скором времени будут заняты Австриею и погибнут для славянства точно так же, как гибнет теперь Босния и Герцеговина, задыхаясь в объятиях австрийской бюрократии, венгерского славяноненавистничества и католической пропаганды.

В. Теплов.

23 марта 1903.

Текст воспроизведен по изданию: Македонская смута // Русский вестник, No 4. 1903

сетевая версия - Thietmar. 2009
OCR - Анисимов М. Ю. 2009

ТЕПЛОВ В. Нынешний фазис македонского вопроса.

I.

Послушная советам некоторых великих держав, неустанно приглашавших султана выказать как можно более энергии в деле подавления волнений в Македонии, Турция сосредоточила в этой стране такое количество войск, что поднявшееся измученное население ее было раздавлено. Достигнутые турецкими войсками результаты были для них тем более успешны, что под конец лета турки изменили первоначальную тактику и, избегая боя даже с случайно попадавшимися им четами, накинлись исключительно на мирное и безоружное население, еще оставшееся по деревням. Впрочем, воюя с женщинами и детьми, турки лишь повторяли урок, данный другою, считаемою всеми высококультурною нациею, додумавшеюся до концентрационных лагерей; точно так же, как и она, не будучи в состоянии справиться с мужчинами, они разбивали сердца бойцов, как людей, страданиями им близких.

И надо отдать справедливость турецким войскам и башибузукам, что возложенное на них дело беспощадного разорения славянских земель было исполнено ими чисто, и цветущий доселе край был обращен ими в пустыню. По сравнительно менее пострадавшему кырк-килисскому (лозенградскому) санджаку, наиболее еще близкому к турецкой столице и к находящимся там европейским представителям, можно судить, что происходило в более захолустных уголках европейской Турции.

В конце августа месяца посольство наше в Константинополе передало великому визирю меморандум, в котором на двадцати листах были перечислены зверства, произведенные над христианами кырк-килисского санджака албанскими войсками. При этом посольство заявило, что все действия албанцев имеют очевидную целью систематическое истребление христианского населения.

Полковник Масси, который был послан британским посольством в тот же санджак, должен был возвратиться в Константинополь ранее, чем он предполагал, так как, не желая быть неудобных свидетелей, турецкие власти воспротивились его дальнейшему пребыванию на театре восстания. Он представил послу подробное донесение, описывающее ужасы и зверства, учиненные албанскими войсками, и подтверждающее, что при зареве пылающих городов и сел непрерывная, ужасающая резня ведет к уничтожению болгарского населения.

Корреспондент "Times", побывавший там же, по возвращении в Адрианополь слег в постель от пережитых им нервных потрясений при виде диких сцен резни, не уступающей так в свое время нашумевшей батакской резне.

По всей Македонии стерты следы двадцатилетней просветительной деятельности экзарха среди местного славянского населения, так как, воспользовавшись солунскими взрывами, турки частью перебили учителей и священников, частью сослали в Малую Азию или посадили в тюремное заключение. Следствием такого положения явилось, что из свыше трехсот школ в крае осталось их около двадцати.

Материальные убытки, понесенные жителями Македонии и Старой Сербии, неисчислимы: множество селений было разграблено, многие из христиан лишились всего своего имущества при поисках местными властями оружия, динамита и скрывающихся четников, не говоря уже о том, что было взято с населения обеих названных областей на прокормление громадной турецкой армии, наводнившей европейскую Турцию. Наконец, вследствие царившей там смуты, население этих областей в большинстве случаев не могло сделать никаких посевов, а если и сделало, то всходы были уничтожены турецкими войсками, преследовавшими четы, так что, в настоящее время, бледные объятия голода начинают простираться над тем благословенным краем, который мог бы служить житницей Европы.

Применение самых беспощадных мер по отношению к мирному населению одобрялось даже и самыми интеллигентными офицерами турецкой армии, подыскивавшими для себя и оправдание на исторической подкладке. Так, один офицер, получивший образование в Германии, заявлял: "Мы понимаем, что македонские революционеры подражают тактике бурских вождей, но и мы тоже будем подражать англичанам, т. е. предавать огню христианские села, чтобы восстанцам негде было приютиться".

В меморандуме, поданном уполномоченными внутренней македонской организации представителям великих держав в Софии, перечисляются села, сожженные, в период времени от 20 июля до 20 сентября, по одному лишь Монастырскому вилайету.

I. Уничтожено:

Казы. Христианск В % по отношению сел. к общему числу сел всей казы.	
Битолийская.....	48 20,9
Охридская.....	40 43
Флоринская.....	14 24
Касторийская.....	25 21,7
Всего.....	127 26,6

II. Уничтожено дворов

Число христиан- Уничтожено		
Казы ских дворов христ. дворов В%		
Битолийская.....	15638.....	4192.....26,8
Охридская.....	5653.....	2477.....40,8
Флоринская.....	6578.....	1847.....28,1
Касторийская.....	10523.....	3390.....32,2
Всего.....	38392.....	11906.....31

III. Количество христианского населения, лишеного крова

Казы Общее число христиан крова всего		Осталось без В%
Битолийская.....	112456.....	23209.....20,6
Охридская.....	42468.....	18845.....44,6
Флоринская.....	43549.....	10775.....24,7
Касторийская.....	61394.....	71942.....28

Следовательно, только по одному Монастырскому округу более четверти его населения оказалось совсем без крова. С того времени число местностей, совершенно разоренных, где христианское население или избито, или разогнано, еще увеличилось. До наступления зимы несчастные могли еще скрываться в горах, но затем мороз довершит дело истребления македонских христиан, начатое турками. Пока европейская дипломатия будет вести с Портой нескончаемые переговоры, погибнет масса народа, для которого предназначаются реформы, и Македония, откуда во времена седой древности принесено было солунскими братьями в Россию Евангелие, обратится из славянской в такую же почти сплошь албанскую страну, в какую постепенно и на наших глазах обращается Старая Сербия к вящей радости не одних только турок.

В областях, пограничных с Болгарией или расположенных неподалеку от нее, преследуемые христиане еще имеют возможность спасти свою жизнь, переселившись в братскую землю, где уже скопилось более тридцати тысяч беженцев, но не всем удастся счастливо добраться до границы, -- в

лесах Мокрени, к востоку от Кастории, 1,200 беженцев, застигнутых турками, были все перебиты, а 60 молодых женщин и девушек были отведены в гаремы. В деревне Эриклер 45 македонцев, прикованных предварительно друг к другу, были изрублены на глазах их собственных семей. В других селах сплошь и рядом сжигали дома с запершимися в них христианами. По официальным сведениям, число убитых в европейской Турции с апреля по октябрь славян достигает 15,000. Зверства же, совершенные за это время турецкими войсками, превосходят всякое описание. Нечего и говорить, что женщины повсюду насилуются, дети от 6 до 8 лет подвергаются той же участи. Но туркам мало и этих гнусностей; в Прилепе трое турецких солдат изнасиловали на улице Димо Цака, 65-летнего старика; такому же насилию со стороны курдов, кавалерийского полка хамидие, подвергся на пути из Константинополя в Адрианополь девяностолетний старик Георгий за то, что пытался защитить честь своей дочери. Насколько турки желали хозяйничать внутри страны по-своему, ясно видно хотя бы из того, что доступ в Македонию был закрыт для европейских корреспондентов.

Когда турецкие зверства касались греков или румын, как это было при взятии Крушева, немедленно повсюду поднимались крики негодования. Греческое правительство энергично потребовало тогда наказания Бахтияра-паши и материального вознаграждения потерпевшим жителям. Россия и Австро-Венгрия поддержали это требование, и султан вынужден был послать в Крушево следственную комиссию и пожертвовать значительную сумму на восстановление разрушенной церкви и на первоначальные пособия пострадавшим, а военным и гражданским властям дано было строгое приказание принять энергичные меры для предупреждения насилия над мирным населением "в особенности греческой национальности". Эта льгота для греков не показывает ли, что истребление мирных болгар и сербов еще не большая беда?

Итак, голод и смерть грозят славянскому сельскому населению и на наших глазах происходят события, казавшиеся еще недавно невыносимыми, начинают осуществляться заветные мечты об очищении европейской Турции от славян, и было бы излишне разбирать, насколько подобное положение дел отвечает задачам и традициям России на ближнем Востоке.

Английские благотворительные общества не замедлили придти на помощь христианскому населению Македонии после того, как "Daily News" рассказало, что оно терпит страшную нужду, голод и холод, и начали раздавать одежду и одеяла; благодарные же македонцы служат теперь молебны за англичан и возлагают всю свою надежду на Англию.

Под покровом христианской помощи усиливается в Македонии и Фракии деятельность различных конгрегаций, возрождается католическая и протестантская пропаганда. Французские конгрегации избрали центром своей деятельности Бургас; в связи с оказываемой ими беженцам помощью держатся упорно слухи о переходе в унию болгар адрианопольского вилайета. "Београдске Новине" сообщают, что католицизм сделал за последнее время большие успехи в салоникском вилайете. Под влиянием турецких преследований и желая иметь себе заступников и покровителей, крестьянское население целыми массами переходит в католичество. Уже 16 сел признали над собою власть Рима. Пропаганду ведут католические священники и сестры милосердия, приехавшие из Боснии.

По сведениям "Independance Belge" султан даже собирается будто бы пригласить в Македонию и адрианопольский вилайет изгнанные из Франции духовные ордена и намерен предложить им значительные льготы и крупные земельные участки. В Ильдиз-киоске рассчитывают, что духовные конгрегации, благодаря школам и благотворительным учреждениям, которые они оснуют, приобретут значительное влияние в стране и парализуют таким образом влияние болгарского экзарха и греческого патриарха. Кроме того, султан надеется, что водворение католических конгрегаций нарушит согласие, установившееся между православною Россиею и католическою Францией.

Болгарское княжество затратило огромные суммы на содержание в течение более года македонских беженцев и еще в последнее время ассигновало на это 500,000 франков. Румынское же правительство, из видов по преимуществу политических, с целью закрепить признание в Македонии жителей румынской национальности, ассигновало 600,000 франков на сооружение школ и церквей для румынских общин в Македонии.

Турецкие газеты трубят о щедрых пожертвованиях султана и об отпуске необходимых сумм из казны на возобновление разрушенных церквей, школ, домов. В действительности, за разрушенный крестьянский двор и за целое разоренное хозяйство турецкие власти выдают от 2 до 4 лир (17-34 рубл.), и притом зачастую деньги эти на другой же день после раздачи отбираются обратно при помощи солдат и жандармов. В множестве же случаев, жителей просто принуждают подписывать расписки в получении никогда не виданных ими денег на восстановление сел.

Если на помощь цыңцарам (куцо-влахам), общее число которых в Македонии достигает 50,000 чел., румынское правительство признало нужным дать 600,000 фр., то сколько понадобилось бы, чтоб восстановить церкви и школы славянские при общем числе пострадавшего от турецких жестокостей славянского населения, определяемом в двести тысяч человек?

Пущенные по миру македонские славяне сделались в последнее время предметом эксплуатации со стороны даже солунских евреев, совершаемой под покровительством турецких властей. Агенты солунских богачей-евреев пропагандируют переселение в Америку и пользуются безвыходным положением македонцев, чтобы скупать за бесценок их разрушенные дома, поля и скот. В виде платы они выдают лишь пароходный билет в Америку и необходимую сумму денег для переезда, В Солуни, говорят, приготовлены два парохода для переселенцев.

Как видно, все антиславянские пропаганды теперь смело подняли голову и не пренебрегают ничем, чтобы только разредить ненавистный им славянский элемент в Македонии.

По жгучему вопросу о помощи пострадавшим македонцам высказалось и славянское общество в своем последнем воззвании: (Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества Ноябрь, 1903 г.) "Европейское общественное мнение (не исключая даже Германии) участливо откликнулось на события, совершающиеся на Балканском полуострове, глубоко и искренно возмутилось небывалым издевательством над христианами в Македонии. В Англии организована широкая общественная помощь македонским славянам, Франция тоже дала на это средства; Рим от имени главы католического мира оказал помощь несчастным; братья и сестры разных католических орденов наводнили уже македонские села и города: не боясь опасности и даже смерти, они всюду щедро раздают разоренным и измученным христианам одежду, пищу, лекарства, устраивают временные пристанища, кров. И страдальцы благословляют своих избавителей, благословляют и римского папу, пославшего им своих слуг и средства.

А русские люди, которым ближе всего должны быть эти македонские славяне-братья, что делают они? -- Малодушно закрывают глаза на те ужасы, что творятся в Македонии, боясь, к стыду своему, высказать свои симпатии и участие к угнетаемым... Обидно и горько видеть такое равнодушие... Сотни тысяч бездомных продолжают голодать, ждут медленной, но верной смерти... и рядом печальное знамение времени: гроши, собранные в течение девяти месяцев в пользу истинно бедствующих македонских славян, а кругом холодное, намеренно презрительное или искренно легкомысленное отношение к "братушкам"... Обидно и стыдно становится, господа русские люди!..

Великодушный порыв русского сердца спасет славянское дело, а будем медлить, -- мы проиграем: Европа сделает все, чтобы уронить нас в глазах славянства".

И вот, среди этой мрачной ночи русской холодности, равнодушия, яркий луч света прорезал тьму, и на верхних ступенях Престола нашлось благородное русское сердце, исполненное истинно христианской любви.

Императрица Мария Феодоровна, в неисчерпаемой благодати Своей, соизволила, по собственному почину, исходатайствовать разрешение повсеместного в России сбора пожертвований в пользу нуждающихся жителей Македонии, пострадавших во время последних смут. Сбор этот будет производиться чрез учреждения, состоящего под Августейшим покровительством Ея Величества, российского общества Красного Креста, причем Ея Величеству благоугодно было просить принцессу Клементину, мать князя болгарского, Фердинанда, принять на себя раздачу части собранных средств.

Затем, последовало распоряжение Св. Синода о сборе по всем церквам Империи пожертвований в пользу страдающих македонских славян.

Теперь можно быть уверенным, что, благодаря инициативе Императрицы, Царственной носительницы заветов правды и милосердия, приток пожертвований из русской земли будет настолько значителен, что спасет от голодной смерти многих и многих македонцев, безропотно несущих свой тяжелый крест, возложенный на их рамена едва ли не исключительно из-за того, что они родились славянами.

II.

Помимо борьбы с мусульманскими полчищами, македонцам приходилось и приходится выдерживать натиск со стороны своих соседей и единоверцев-греков, которые, пользуясь случаем, спешат обнажить свои истинные чувства по отношению к славянам с такою откровенностью, к которой не

были подготовлены даже и недруги того народа, который мнит себя достойным преемником древних эллинов.

Враждебные отношения между греками и славянами, обусловленные стародавним политическим соперничеством и, в наше время, борьбою на почве церковного греко-болгарского вопроса, -- не были ни для кого секретом, но полное снятие маски произошло в течение минувшего лета, когда греки открыто выступили в роли друзей турок и врагов славян, находя себе поощрение в образе действий и греческого правительства, не успевшего еще износить башмаков, в которых они так стремительно ретировались в 1897 году пред победоносными султанскими войсками.

Хотя греческое правительство официально и отказало греко-македонскому обществу в Афинах в разрешении, с оружием в руках, отправиться в Македонию и сражаться в рядах турок против восстанцев, но под рукою содействовало отправлению около двухсот молодых греков, прибывших в Константинополь для вступления в турецкие войска, а качестве добровольцев.

По-видимому, турки приняли их без энтузиазма, и вообще встретились затруднения относительно применения их к делу; существовало было предположение образовать из них самостоятельный отряд добровольцев, под начальством турецких офицеров, но, как кажется, из этого ничего не вышло, по крайней мере, в течение последнего времени не было ничего слышно о подвигах греческих добровольцев на бранном поле, очевидно, турки из чувства черной зависти помешали ново-эллинам увенчаться лаврами, которые они намеревались приобрести по сходной цене.

В то же время греческое правительство разослало своим консулам в Македонии циркуляр, рекомендуемый местным грекам не только воздерживаться от всякого участия в восстании, но и оказывать помощь турецким властям к скорейшему усмирению его, указывая им притом местопребывание скрывающихся славян-восстанцев. В начале же августа афинский кабинет обратился к великим державам с нотой, в которой просит предоставить Турции полную свободу действий при укрощении революционеров-болгар, так как, в противном случае, Греция в интересах ограждения своих единоверцев, подвергаемых тяжким преследованиям, и в интересах восстановления мира в Македонии, открыто присоединится к Турции для искоренения чет.

Греческий министр-президент г. Ралли не устыдился заявить представителям великих держав в Афинах, что его удивляет, почему Европа мешает Турции принять энергичные меры для подавления восстания в Македонии.

Как изумительно коротка бывает память у иных народов! Греки забыли, как 80 лет тому назад поступила по отношению к ним эта самая Европа, с Россиею во главе, не допустившая Турцию залить потоками крови долины и горы современной Греции. Напротив, когда греки подняли восстание, было решено заставить Турцию дать свободу потомкам великого народа, что и было достигнуто. Ныне, в награду за тогдашний великодушный порыв Европы, за те жертвы, ценою которых была куплена независимость Греции, приходится слышать сожаления ее первого министра о том, что туркам не предоставлена свобода вырезать единоверных грекам славян!

Забыв, что они сами едва вышли из четырехсотлетнего турецкого ярма и что так естественны попытки добиться свободы у тех, кто такое ярмо еще не сбросил, греки и их представители -- общество и газеты -- единогласно упрекают турок за их "великодушие" и сокрушаются о недостатке энергии у турецких властей.

По этому поводу "Temps" высказал несколько горьких истин: "Не надо быть ни греком, ни болгаринном, чтобы придти в негодование от той поддержки, которую оказывает варварству нация, бывшая сама его жертвою. Байрон постыдился бы за греков, друзей турок, и не стал бы жертвовать жизнью за них. Действительно, греки, возбуждая турецких палачей против болгар, становятся гнусными в глазах всего человечества. Несколько лет тому назад они призывали Европу к себе на помощь, но Европа не помогла им. Теперь они обращаются к своим традиционным угнетателям и умоляют их затопить все в болгарской крови потому только, что освобождение Македонии не соответствует греческому честолюбию".

"Times" тоже подверг строгой критике образ действий г. Ралли, который ответил следующим заявлением, переданным *in extenso* корреспондентом этой газеты. "Перед нами стая волков, производящих набеги на Македонию. Чтобы уничтожить их, мы готовы стать не только на сторону Турции, но на сторону кого бы то ни было, если этого требуют наши собственные интересы. Наша обязанность ограждать греческое население от нападения болгар и с этою целью нам необходимо укрепить всеми зависящими от нас средствами турецкую власть, имеющую с нами одного общего врага. Мы не будем обращать никакого внимания на критику тех, которые порицают наше содействие Турции, и последуем политике, какую мы сами себе начертали".

В Париже состоялся недавно конгресс "друзей Македонии и Армении"; на него прибыло несколько десятков делегатов из Англии, Германии, Италии и Швеции. Конгресс решил обратиться ко всем европейским правительствам с ходатайством о даровании автономии названным двум турецким странам.

Решение это вызвало в Греции тревогу и было по поводу его постановлено, пока есть время, действовать на общественное мнение Европы и не дать ему проникнуться превратными идеями о пригодности свободы и для славян. С этой целью отправлена была в главные европейские столицы особая миссия, в главе которой стоит ректор афинского университета Казанис, который будет устраивать митинги и лекции в Париже, Лондоне, Берлине и Вене, в то время, как его сотрудники будут вести пропаганду при помощи брошюр и газетных статей.

В настоящее время г. Казанис находится в Париже; при свиданиях с редакторами газет он, не стесняясь, заявил, что желает убедить европейское общественное мнение в необходимости воздержаться от дарования Македонии автономии, так как изменение *status quo* может вызвать к самостоятельной жизни македонских болгар и сербов, чего не могут допустить греки. При этом, г. Казанис обыкновенно распространяется об исторических задачах греческого народа и эллинской цивилизации в Турции и жалуется на "хищнические" планы болгар, которые мешают этим задачам. Он берется даже доказать, что болгары -- отребье человечества и решительно не заслуживают тех симпатий, которые они встречают в Европе.

Пользуясь разгромом болгарских церквей в Македонии и задумав уничтожить установленную в некоторых епархиях в силу фирмана 1870 г. власть болгарского экзарха, греческие митрополиты путешествуют по славянским селам и, с помощью турецких властей, заставляют болгарских священников признавать главенство вселенской патриархии. Вообще, обращение болгар в патриархистов происходит при содействии турецких властей, которые, напр., не выдают отправляющимся на заработки болгарским крестьянам паспортов (тескере), пока они не представят свидетельств о принадлежности своей к патриархии. Равным образом, во многих местах у болгар отбирают церкви.

Точно также вызывающе держат себя греки и по отношению к сербам. Сербский офицер "Самоуправа" сообщает, что в одно из недавних воскресений, во время богослужения, в сербской церкви св. Спаса, в Ускубе, произошла драка между сербами и греками. Драка была вызвана греками, которые стали бить сербских гимназистов. Присутствовавшие в церкви сербы вынуждены были оборонять их и обороняться сами, вследствие чего завязалась ожесточенная свалка, прекратившаяся лишь по прибытии в храм турецких жандармов и солдат. Несмотря на то, что зачинщиками драки были греки, турки обвинили во всем сербов и арестовали многих из них, преимущественно учеников, во главе с учителем Косовичем.

Подобный наступательный образ действий македонских греков имеет за собою самую горячую поддержку греческого правительства, желающего всеми способами отстоять свои права на Македонию: смелость, с которою оно действует, быть может, объясняется отчасти надеждою на каких-либо сильных покровителей: в таком порядке идей представляет известный интерес опубликованный разговор греческого министра-президента с редактором афинской газеты "Кагрой". Г. Ралли сказал ему, между прочим, что английская, французская и русская печать с крайнею ненавистью осуждает его политику по отношению к македонскому восстанию и что лишь в Германии и в Австрии справедливо оценивают его стремления к совместным с Портою действиям против македонских восстанцев. "Туда (в Германию и в Австрию) именно и должна устремить свои взоры Турция", -- заметил греческий министр-президент, -- "тем более что между германскими и греческими интересами нет непреодолимого антагонизма ни в европейских, ни в азиатских провинциях Турции".

И действительно, в венских политических сферах все более и более проникаются основною мыслью политики Голуховского, стремящегося к тому, чтобы на Балканском полуострове парализовать развитие славянских государств союзом неславянских народностей: албанцев, греков и румын.

По случаю приезда короля Георга в Вену, австрийская печать выражала следующие мысли: "Греция нуждается в благосклонности Европы, но и Европа в свою очередь нуждается как в Греции, так и в греческом народе. Балканский полуостров не может оставаться турецким, но отсюда не вытекает необходимости, чтобы он сделался исключительно славянским. Очень хорошо, что на Востоке существует два неславянских государства -- Румыния и Греция, что они растут и развиваются, и что они представляют парализующий элемент для одностороннего славизма. Благодаря этому, устраняются односторонности, и образуется более прочный фундамент для сохранения мира. Греции назначено играть первую роль при решении восточного вопроса. Нигде так беспристрастно не признается ее культурная и историческая роль, как у нас, в Австрии".

Мудрено ли, что после стольких комплиментов у Греции закружилась голова и чаще и чаще бросает она в сторону Вены беспокойно-ласковые взоры и с яростью говорит о Франции, Англии и Италии, ставших будто бы на сторону славянских интересов против эллинизма.

Несмотря на все, что делается турецкими греками и греческим правительством, чтобы отстоять Македонию от натиска славян, в сердца политиков и даже самого греческого народа закрадывается мысль, что Македония может быть для них потеряна, и они начали, потому, напрягать теперь все свои силы, чтобы вознаградить себя за возможную потерю. Выдающиеся политики всех партий вступили в ряды членов местных греко-албанских обществ, которые, получая с разных сторон значительные денежные пожертвования, ведут самые оживленные сношения с выдающимися албанцами, как христианами, так и мусульманами в Эпире.

Цель стремлений этих обществ -- автономия Албании и Эпира и затем совместная работа греков и албанцев, направленная, в окончательном результате, к присоединению Эпира к Греции и соединению собственно Албании с Грецией в личной унии, по подобию Австро-Венгрии, причем греческий король должен также быть королем Албании. Над осуществлением этой программы греки работают самым энергичным образом и не отказываются ни от каких средств, чтобы подорвать влияние албанских агитаторов-националистов, стремящихся, при заметном равнодушии собственно народной массы, создать независимую Албанию. В этом отношении греческое правительство проявляет усиленную деятельность. Все греческие консулы в южной Албании самым усердным образом преследуют малейшее движение в пользу албанского национального языка и всякую попытку к освобождению от греческого влияния. Благодаря поддержке турецких властей, им удалось добиться закрытия албанской школы в Горче и ареста шести албанских патриотов, -- трех христиан и трех мусульман, -- отправленных в солунскую тюрьму.

В конце сентября, в Дьякове состоялось собрание поборников албанской автономии, на которое съехались албанцы христиане и мусульмане со всех концов Албании и Эпира. Представителями Греции были два делегата, избранные греко-албанским союзом в Афинах. Один из них полковник на действительной службе греческой армии, а другой -- депутат от Фессалии.

На собрании выяснилось, что между албанцами и христианами царит будто бы полное единодушие и все религиозные и иные распри между отдельными племенами принесены, как уверяют, в жертву национальной идее. Выяснилось также, что организация революционного движения в Албании подвинулась настолько вперед, что в короткий срок албанцы могут выставить до 50.000 хорошо вооруженных человек. Греческие делегаты заявили, что считают возможным сформирование в Греции добровольческого отряда. В заключение, был избран исполнительный комитет, от которого будет зависеть начало действий.

Кандидатом на пост губернатора автономных Эпира и Албании греки выставляют королевича Георгия, нынешнего критского генерал-губернатора. Если верить телеграмме из Афин в "Rappel", он принимал на днях в особой аудиенции Хакки-бея, уполномоченного центрального албанского комитета. Разговор, продолжавшийся почти час, велся на албанском языке, которым королевич владеет прекрасно.

Королевич сказал Хакки-бею; что в настоящий момент революционное движение в Албании несвоевременно. Надо, прежде всего, выждать дальнейшего развития македонского вопроса. Королевич также заявил, что его кандидатура на пост албанского губернатора поддерживается Россией и Англией.

III.

В конце августа, когда война между Турцией и Болгарией висела, казалось, на волоске и когда Порты представляла княжескому правительству жалобу за жалобой на образ его действий по македонскому вопросу, Болгария сочла нужным ответить двумя нотами: одна была вручена Порте, а другая передана державам. В первой из них объясняется, что восстание вызвано существующими порядками, вынуждающими молодежь бежать за границу и устраивать внутреннюю революцию с целью добиться применения XXIII ст. берлинского договора.

Тот факт, что восстание вспыхнуло сначала в Битолии, на расстоянии 250 километров от княжества, доказывает, что начали его не четы, пришедшие из Болгарии. А потому, правительство княжества снимает с себя всякую ответственность за события, происходящие как в адрианопольском, так и в монастырском вилайетах, вызванные систематическим преследованием болгарского населения.

Нота, адресованная державам, говорила вкратце, что "догадки, высказанные болгарским правительством в ноте от 29 июня, вполне оправдались. Турецкое правительство, очевидно, стремится к

систематическому истреблению болгарского народа. Мобилизация и сосредоточение такого огромного количества войск в европейской Турции, под предлогом усмирения восстанцев, дают Болгарии основание предполагать, что Турция рассчитывает напасть на нее, улучив удобный момент. Болгарское правительство, потому, не может более оставаться равнодушным и вынуждено будет принять свои меры".

В пояснение этой последней ноты министр-президент Петров сделал следующее заявление английскому представителю в Софии: "Болгарское правительство решилось исполнить свои обязательства по отношению к Турции, как сюзеренной державе, и исполнить также, по возможности, требования держав, но по всему видно, что действительное положение вещей неизвестно за границей.

Болгария не располагает достаточным количеством войск для того, чтобы воспрепятствовать чечам проникать на македонскую территорию. С другой стороны, Турция пропускает четников, идущих из Болгарии, турецкие солдаты нарочно удаляются, как только их завидят. Из этого можно только заключить, что Турция поддерживает восстание для того, чтобы иметь предлог к избиению македонских христиан.

Болгария не ищет ни территориальных приобретений, ни присоединения Македонии, ни даже ее автономии, она желает только, чтобы сохранены были жизнь и имущество македонских христиан. И если державы допустят, по политическим причинам, истребление христиан, болгары, не имея таких причин, допустить этого не могут. Поэтому, можно сказать без преувеличения, что если державы не вмешаются в скором времени, то Болгария будет этим поставлена в самое безвыходное положение".

По словам "Daily Telegraph", болгарское правительство получило от России, Австрии и Германии ответ на свою ноту. Все три державы говорят в нем, что княжеское правительство лучше всего послужит интересам Македонии и Болгарии, если воздержится от всякого активного участия в борьбе и предоставит уладить все великим державам. Если же болгарское правительство станет действовать так, что вызовет войну с Турцией, то ни одна держава не вступится за него. Вообще, как это было заявлено и Порте, "если, несмотря на полученные предостережения, Турция или Болгария дадут вовлечь себя в политику приключений, то они должны иметь в виду, что принесенные жертвы будут бесполезны, так как державы исполнены решимости не допускать никаких изменений в status quo".

11 сентября 1903 г. появилось по македонскому вопросу русское правительственное сообщение, которое, дав очерк действий, предпринятых Россией и Австрией к улучшению быта христианского населения трех турецких провинций, прибавляет, что "на первых порах действия эти увенчались успехом", так как османским правительством даны были местным турецким органам категорические приказания немедленно приступить к выполнению намеченных реформ.

"Однако, таковые результаты не могли удовлетворить образовавшиеся в славянских государствах "македонские комитеты"; очевидная вероятность успокоения христианского населения под влиянием начатых преобразований... отнимала у комитетов благодарную, с их точки зрения, почву для осуществления задуманных ими революционных планов. Выставляя знаменем своим защиту единоверцев от турецкого гнета, комитеты эти, в сущности, добиваются изменения, в своекорыстных видах, административного строя провинции в смысле образования из нее "Болгарской Македонии" в ущерб правам и преимуществам других христианских народностей, интересы коих одинаково дороги православной России. Не находя поддержки своим политическим планам в среде неболгарских элементов Македонии, вожаки движения путем жестокостей, насилий и террора старались вызвать поголовное восстание в стране, чтобы воспрепятствовать введению проектированных реформ.

К сожалению... македонская агитация получила большое распространение в самом княжестве Болгарском, встречая поддержку со стороны деятелей, поддавшихся ложным расчетам на то, что возгоревшееся восстание вынудит Россию изменить свою программу и выступить активно в защиту несбыточных планов руководителей революционного движения.

Пагубные заблуждения эти... навлекли тяжкие бедствия на христианское население турецких вилайетов, положить предел которым возможно прежде всего путем воспрепятствования как переходу новых банд из княжества в пределы Турции, так и прекращения революционной деятельности комитетов. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленном применении реформ, в соответствии с насущными потребностями населения, которое, в виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить от чинимых турками жестокостей.

...Помимо сего, по предложению России и Австро-Венгрии, правительства великих держав, подписавших Берлинский договор, поручили своим представителям... сделать правительствам Турции и Болгарии заявление в нижеследующем смысле:

"Нынешнее положение дел в турецких вилайетах, созданное преступными замыслами комитетов и революционных банд, ни в чем не изменяет взгляда держав на программу действий, выработанную в начале текущего года двумя наиболее заинтересованными правительствами, а посему ни Турция, ни Болгария не могут рассчитывать на поддержку какой-либо державы в случае открытого или тайного сопротивления осуществлению этой программы.

Императорское правительство надеется, что эти новые предостережения убедят как Турцию, так и Болгарию в бесплодности всякого уклонения от исполнения предъявленных им требований и заставят принять все зависящие от них меры к подавлению на Балканском полуострове смуты, которая может иметь для Оттоманской империи и княжества Болгарского лишь самые тяжелые последствия".

До сих пор полагали, что под влиянием тяжелых условий существования христианские народности Оттоманской империи с непобедимо ничем настойчивостью стремятся одна за другою вырваться на свободу, довольствуясь сначала приобретением элементарных прав, обеспечивающих им возможность жить, и что побороть стремление это никакая сила в мире не сможет. С этой точки зрения и македонский вопрос являлся вполне естественною эволюциею, причем задача Европы сводилась лишь к тому, чтобы эта эволюция происходила, по возможности, спокойным и мирным путем. Полагали, наконец, что разрушение македонского вопроса применительно к только что названному стремлению христианских народностей Турции неотвратимо, что его можно отдалить, но не устранить, как бы хладнокровно Европа ни смотрела на совершаемые в Македонии ужасные преступления, и что в конце концов должна приобрести право на жизнь и родина славянских первоучителей, принесших православной Руси ни с чем не сравнимый драгоценный дар славянского Евангелия и богослужения.

Ныне же, как видно, все ставится на почву одних революционных планов, причем в лицо комитетов бросается тяжкое обвинение в том, что деятельность их основана на своекорыстных планах и что лишь путем жестокостей, насилия и террора старались они вызвать поголовное восстание в стране, стремясь увлечь и Россию в защиту своих несбыточных планов и, в особенности, образования "Болгарской Македонии".

Не подлежит, конечно, сомнению, что, по всей вероятности, существуют веские доказательства, заставившие наше правительство не только взвести названные обвинения, но и стать в некоторое противоречие с своим же сообщением от 30 ноября 1902 года, в котором ожидаемое на весну восстание объяснялось возрастающим недовольством среди православного населения Турции и говорилось, что "дабы положить предел брожению, могущему повлечь за собою самые серьезные осложнения на всем Балканском полуострове, Императорским правительством... поручено российскому послу в Константинополе... представить соображения о не терпящих отлагательства преобразованиях в административном строе Македонии и настойчиво советовать турецкому правительству скорейшее применение таковых в целях улучшения быта православного населения"...

Действительность показала, что было несколько преждевременно считать, что действия держав уже увенчались на первых порах успехом, -- только на том основании, что "оттоманским правительством даны были местным турецким органам категорические приказания немедленно приступить к выполнению намеченных реформ" и что предстояла "очевидная вероятность успокоения христианского населения под влиянием начатых преобразований", так как, во-первых, существует громадная разница между турецкими категорическими приказаниями о проведении реформ и их действительным осуществлением, а во-вторых, восьмимесячный опыт с достаточною ясностью показал, что христианское население не могло успокоиться под влиянием начатых преобразований, провести которые турки, доколе они останутся турками, не в состоянии, даже если бы они искренно желали сообразоваться с программой, выработанною державами. Причины тому, были изложены мною в свое время (См. "Русский Вестник" февраль и март 1903 г.).

Что же касается до несбыточности планов вожаков македонского восстания, добивающихся для своей родины автономного устройства, то в свое оправдание вожаки эти, пожалуй, могли бы указать, что первоисточником их планов является XXIII ст. берлинского договора, подписанного всеми великими державами.

Если наше правительство в прошлом году так настойчиво рекомендовало скорейшее изменение условий быта православных в Македонии, то из этого само собою вытекало, что условия эти достигли той степени негодности, что были вполне достаточны, чтобы объяснить македонскую смуту естественными причинами, не примешивая никаких своекорыстных планов или террора со стороны каких-либо посторонних поборников.

Последовавшее затем изменение оценки характера македонского брожения и предположение о проекте "Болгарской Македонии" тем поразительнее для не посвященного в тайны дипломатии читателя, что в печати появились сведения, как бы идущие вразрез с новыми взглядами, выраженными в правительственном сообщении 11 сентября настоящего года.

Не буду говорить о приведенном выше отзыве болгарского министра-президента, но нельзя обойти молчанием происходившую в Петербурге беседу с профессорами Милетичем и Георговым, делегатами внутренней македонской организации.

Милетич прямо заявил, что македонское восстание, возникшее исключительно на почве невыносимости положения местных христиан, было организовано внутренним македонским комитетом, так называемую "Внутреннюю организацию", представляющую, в данный момент, единственную реальную силу, с которой приходится считаться в македонском вопросе. "Именно ввиду этого, -- сказал он, -- нас крайне удивляют претензии болгарского правительства, которое не имеет никакого фактического и юридического основания вести переговоры с Турцией о прекращении военных действий. Болгария приписывает себе какое-то влияние в лагере внутренних, которого она вовсе не имеет. Таким образом, княжество только поддерживает распространенное в Европе заблуждение, будто восстанием все еще руководят существовавшие в Болгарии комитеты" ("Новое Время" 15 сентября 1903 г.)

Затем, как заявил корреспонденту "Temps" один из влиятельных македонцев: "Македонцы не желают турецко-болгарской войны, так как она придала бы македонскому вопросу окраску вопроса болгарского, что только повредило бы ему, в особенности в случае победы Болгарии.

Македонцы хотят автономии, добытой путем вмешательства Европы в их пользу. Они не хотят ни раздела, ни присоединения к другому государству. Единая Македония для македонцев -- ничего больше".

IV.

С представлениями, сделанными державами в Константинополе и Софии, совпали непосредственные переговоры между Турцией и Болгарией, почин которых исходил, по-видимому, от султана; болгарское правительство в свою очередь отозвалось на них в благоприятном смысле и сообщило вместе с тем свои условия, которые заключались в следующем: 1) немедленное прекращение резни в Македонии и адрианопольском вилайете, 2) прекращение военных действий против чет, 3) отзывание турецких и болгарских войск от границы, 4) свободное возвращение беженцев из Болгарии в Турцию, 5) амнистия политических преступников и освобождение всех заключенных, 6) реформы, общинного управления в Македонии в духе автономии болгарских общин, 7) реформы системы сбора налогов, и 8) учреждение болгаро-турецкой комиссии для мирного улажения конфликтов и постепенной разработки реформ. Комиссия должна была состоять из четырех или более лиц, из которых половина будут болгары, назначаемые болгарским экзархом.

Местопробывание комиссии будет в Софии, а в Константинополе при султанине будет состоять болгарский представитель комиссии. На комиссию возлагается забота о водворении беженцев и восстановлении их разрушенных жилищ, разработка вопросов о сельской полиции, о школьном и церковном самоуправлении и о коренном преобразовании податной системы; комиссия же примет на себя обязанности мирового суда по имеющим возникнуть недоразумениям.

Чрезвычайный совет турецких министров обстоятельно обсудил болгарскую ноту, а 10-го сентября турецкий комиссар в Софии заявил министру-президенту Петрову, что султан принимает болгарские предложения для мирного улажения македонского вопроса: возражение относилось лишь к невозможности назначения нетурецких членов комиссии болгарским экзархом, так как в таком случае могли быть предъявлены аналогичные требования со стороны вселенского патриарха, Сербии и Румынии. Между тем, в этом-то возражении и заключалось указание на то, что, вступив в непосредственные переговоры с Болгарией, Порты хотела лишь ускользнуть от необходимости проводить потребованные державами реформы и оттянуть время, чтобы, во первых, завершить сосредоточение войск и подвинуть, насколько возможно, начатое ею дело истребления македонских христиан и чтобы, во вторых, воспользовавшись предложениями Болгарии, повернуть их против самой Болгарии. Все предположенное ею Порты не замедлила исполнить с присущим ей мастерством, противопоставив и в этом случае одну из подвластных ей народностей другой.

В то время как болгарские министры уже торжествовали победу, кичась тем, что им удалось уладить в интересах Болгарии македонский вопрос, над решением которого бесплодно бьются великие державы, -- 12-го сентября было обнародовано султанское ираде об учреждении смешанной комиссии, в

состав которой, вместо намеченных Болгарией только турок и болгар, входят два мусульманина и по одному турецко-подданному болгарину, греку и сербу. Вдобавок, вместо того, чтобы быть самостоятельным учреждением, с пребыванием в Софии, новая комиссия обратилась в простой совещательный орган при главном инспекторе Хильми-паше, с местопребыванием в Битолии. К довершению всего, члены комиссии были, по распоряжению султана, назначены из числа членов местного меджлиса (управительного совета), т. е. из лиц, уже давно обратившихся в бессловесные орудия турецких властей.

Одновременно с тем турки устроили болгарам еще и другую крупную неприятность, а именно, султан издал ираде, признающее сербскую национальность в Македонии, -- чего сербы добивались так долго и так упорно, -- и обещающее признать таким же образом и румынскую.

Распоряжение это может иметь для будущего Македонии очень крупное и неблагоприятное значение. Дело в том, что со времени взятия Константинополя, все подвластные туркам христиане были признаны входящими в состав греческого народа (*рум-миллети*) с официальным главою в лице вселенского патриарха. В 1870 году, с образованием болгарского экзархата, из рум-миллети были выделены в Македонии все признавшие над собою духовную власть экзарха; словом, все македонцы не турки и не греки были занесены в официальные списки под именем болгар, хотя между ними были и сербы, и куцо-влахи. Таким образом, для турок деление христиан было основано исключительно на вопросе исповедном. Нынешнее же султанское ираде ставит то деление на почву национальности, так как ни сербы, ни куцо-влахи своей автономной церкви в Македонии не имеют.

Практически, благодаря последовавшему признанию, македонские сербы, а вскоре, вероятно, и куцо-влахи приобретут право иметь свои собственные церкви и школы и тем укреплять свою национальность. Политически же, давая сербам и цыңцарам новые права, султан усиливает их самосознание, дает им могущественное средство борьбы, в особенности против болгар, и тем уничтожает болгарские претензии на исключительное преобладание в Македонии.

Следовательно, и новый опыт кабинета Петрова обойтись без России и войти с Турцией в непосредственное соглашение обещает принести Болгарин лишь горькие плоды.

Не обращая внимания на попытку Порты уклониться от исполнения требований держав, противопоставив им непосредственное соглашение свое с Болгарией, русский и австро-венгерский послы вручили Порте тождественные ноты, в которых указывается на многочисленные бесчинства турецких войск и на то, что много спустя после того, как восстанцы рассеивались, войска начинали обстреливание многих местностей, что служило только предлогом для грабежей и убийств мирных жителей, которых потом выдавали за восстанцев. В ноте указывается также на значительно ослабевшую дисциплину турецких войск. В заключение; послы энергично требовали скорейшего проведения реформ, угрожая, что, в противном случае, Порта, быть может, будет понуждена к проведению расширенной программы реформ.

По поводу этих обвинений Порта доставила послам подробный перечень случаев, в которых войска совершили насилия, а также перечень наказаний, которым подверглись виновные. Лишь один солдат, убивший в Прилепе офицера, мешавшего ему грабить, был приговорен к смерти, а другой, убивший в Велесе христианина, -- к каторге, остальные 50 офицеров и солдат -- за грабеж, воровство, насилия над христианами были приговорены к кратковременному тюремному заключению, а большинство к переводу в войсковые части, расположенные в Багдаде, Иемене и Триполи; под следствием находятся еще 52 офицера и солдата и целые батальоны редифов из Призрена и 19-го полка низама.

В то же время, Порта ответила и на предшествующее сообщение России и Австро-Венгрии. Ответ ее написан в обычном турецком стиле, в изысканных фразах, звонкостью формы прикрывающих убожество внутреннего содержания. Порта говорит, что она вполне удовлетворена полученными ею заявлениями, дающими доказательство благожелательных намерений держав, и имеет твердое желание "гарантировать спокойствие и порядок на благо подданных, без различия религий и народностей. Верная своей политике, Порта будет наблюдать за полным осуществлением предложенных мероприятий и за исполнением приказаний, которые будут даваемы ею в интересах безопасности населения, охраны его имущества и применения нелицеприятного правосудия". Порта еще раз, однако, указывает, что "если установленная программа не могла еще до сих пор быть в точности выполнена, то в этом виноваты исключительно болгарские агитаторы, которые сделали всевозможные попытки, чтобы посредством величайших злодеяний препятствовать деятельности властей и даже уничтожать ее. Подавление движения, для которого Турция должна была усилить войска, легко удалось бы, если бы в Болгарии не допускалось образование чет и переход ими границы. Четы, рассеянные в одном месте, проникали в

другое и увлекали за собою население против его воли и интересов. Положение ухудшается болгарскими вооружениями и приготовлениями, призывом запасных, заказами оружия и предметов военного снабжения, а также военными реквизициями, постройкой мостов, имеющих стратегическое значение и другими мероприятиями, которые служили ободрением для зачинщиков беспорядков и вынуждали Порту к мерам противодействия. Мирные намерения Порты слишком хорошо известны, чтобы подвергать их сомнению. Но, несмотря на твердые обещания, данные в Софии, болгарское правительство продолжает вооружения. Поэтому державы, выказывающие такую же любовь к миру, должны были бы настаивать на том, чтобы Болгария действовала доброжелательно, исполняла свои обязанности, не допускала образования чет и перехода ими границы, прекратила военные приготовления и не препятствовала своим образом действий осуществлению намеченной программы. Порты очень благодарна державам за представления, уже сделанные в, Софии, и надеется, что державы будут настаивать на том, чтобы их намерениям не оказывалось сопротивления".

В этот же период времени произошло в общественном мнении Англии усиление интереса к македонскому вопросу. Английские епископы в Дургэме, Вустере, Гарфорде. и Гибралтаре обратились в "Times" с горячим протестом против ужасов, совершаемых турками в Македонии и против бездействия держав.

17/30 сентября в Сент-Джемс-Голле, в Лондоне, собрался, под председательством епископа вустерского, большой митинг, на котором было прочитано письмо архиепископа кэнтерберийского. В нем архиепископ заявляет, что на стороне собравшихся весь английский народ, готовый употребить все могущественное влияние Англии для подавления тирании, хищничества и неурядицы на Балканах. Кроме того, были прочитаны сочувственные письма многих епископов и 39 членов парламента, в том числе Кэмпбеля-Баннермана и Грэя.

Митинг постановил следующую резолюцию:

1) Анархия в Македонии и неудача всех попыток ввести реформы под турецким контролем делают необходимым прекращение непосредственного владычества султана над македонскими провинциями.

2) Обязательства, взятые на себя Англией по берлинскому договору, требуют от нее, чтобы она предприняла энергические меры к прекращению постоянного грабежа и резни мирного населения и постаралась склонить другие державы-- участниц договора в пользу вышеуказанной политики.

3) Необходима скорая помощь для предотвращения голода и учреждение балканского комитета помощи нуждающимся.

В числе ораторов и участников митинга были представители всех партий и всех вероисповеданий.

За несколько дней пред митингом, архиепископ кэнтерберийский обратился к британскому министру-президенту с письмом, в котором выразил заботу членов англиканской церкви о том, чтобы не упущены были меры, могущие послужить к уменьшению страданий македонского населения. Бальфур немедленно ответил ему, что "он вполне разделяет чувства ужаса и возмущения, которые возбуждает современное положение. Он также вполне понимает желание, путем общественного митинга или иным каким-либо образом, открыто выразить порицание, как того заслуживают новейшие, достойные сожаления события. Если бы, однако, русско-австрийский проект реформ был Портой осуществлен и принят народностями, которых он касается, то мир не был бы свидетелем нынешних зверств". Далее, Бальфур, в весьма определенных выражениях, заявил архиепископу о необходимости солидарности с обеими наиболее заинтересованными на Востоке державами, так как они "обладают несравненно большим, чем кто-либо, влиянием на борющиеся силы на Балканском полуострове. Никакие другие нации или группы наций не были бы в состоянии совершить это дело успешнее их. Настоящее положение является одним из тех случаев, когда две державы представляются сильнее для проведения известных начал, чем три и где, на деле, всякое увеличение в числе участников означало бы соответственное уменьшение в силе воздействия".

Несмотря на всю категоричность подобных заявлений, рассчитанных, пожалуй, на то, чтобы столь выхваляемые Бальфуром Россия и Австро-Венгрия с своими проектами поглубже завязли в трясине македонской неурядицы, а также на то, чтобы побольше отвратить от России симпатии местного населения, британское правительство поручило своему послу в Константинополе О'Коннору передать Порте, что ни Турция, ни Болгария не должны рассчитывать на поддержку Англии при явном или тайном сопротивлении их проведению русско-австрийской программы реформ. По мнению британского правительства, "реформы эти представляют минимум того, что следовало бы требовать. Предпринятые

до сего времени меры к осуществлению реформ, даже допуская всю затруднительность положения, к сожалению, совершенно недостаточны. В дальнейшем следовало бы потребовать принятия более быстрых и действительных мероприятий по сравнению с теми, которые до сих пор принимали турецкие власти".

Одинаковое сообщение было сделано и болгарскому правительству, которое, не без основания, усмотрело в официальных заявлениях Англии некоторое колебание в вопросе об оценке русско-австрийского проекта и признаки того, что, при известных обстоятельствах, Англия при несомненно состоявшемся благоприятном македонцам повороте в английском общественном мнении и печати, намеревается выступить с своим собственным проектом уже более расширенных реформ. Радужные ожидания болгар усилились еще более под влиянием сообщения из Константинополя обыкновенно хорошо осведомленной "Frankfurter Zeitung" о том, что английская там дипломатия ежедневно и открыто поддерживает тот основной принцип, что прежняя программа реформ оказалась совершенно неудовлетворительной и что лишь автономия Македонии под управлением христианского генерал-губернатора может быть единственным действительным разрешением вопроса. По сведениям этой газеты, турецкий посол в Лондоне сообщил Порте, что английское министерство иностранных дел повторило ему то, что касается английских взглядов на этот вопрос, причем высказалось очень определенно и без всяких недомолвок.

V.

Убедившись, что февральский проект реформ для Македонии потерпел полную неудачу, Россия и Австро-Венгрия решили сделать шаг в сторону более расширенной программы реформ. Это решение облеклось в конкретную форму во время пребывания Государя Императора в половине сентября в Вене и Мюрцштеге.

Важное значение свидания нашего Государя с императором австрийским было подчеркнуто во время тостов на парадном завтраке, происходившем 17 сентября в Шенбрунском дворце. Император Франц-Иосиф в своем тосте упомянул, "что сердечность наших отношений многократно уже оказывала благотворное действие на политические отношения между нашими государствами, и я льщу себя надеждою, что и в этот момент совершенная солидарность во взглядах и в суждениях, связывающая нас, перед лицом прискорбных событий, театром которых служит почти весь Балканский полуостров, еще раз обеспечит успех тому действию, которое мы предпринимаем там с общего согласия, в интересах мира Европы".

В ответ на эту часть тоста Государь Император изволил произнести следующие слова:

"Наше сердечное соглашение и полная солидарность, имеющая результатом действие наших правительств, как сказали ваше величество, служат драгоценным залогом, успеха того великого дела миротворения, которое мы предприняли с общего согласия. Преследуемая нами гуманная цель исключает всякую партийность, и она должна быть достигнута с твердостью и настойчивостью средствами, наиболее пригодными для действительного и прочного умиротворения. Вместе с тем я надеюсь, что наши усилия будут также содействовать укреплению общего мира".

Некоторые крупные органы европейской печати, придавая выдающееся значение тостам, которыми обменялись оба монарха, в то же время выразили опасение, что осуществление австро-русской миролюбивой политики встретит на Балканском полуострове почти неодолимое сопротивление в местных условиях и что балканский узел настолько запутался, что его теперь можно лишь разрубить, но не распутать.

Результатом совещаний между русским и австрийским императорами, а также между их министрами, графом Ламздорфом и графом Голуховским, сначала в Вене, а потом в Мюрцштеге, явилась нижеследующая телеграмма, отправленная 20 сентября российскому и австро-венгерскому послам в Константинополе:

"В последнее время вы были уполномочены сделать заявление, что Россия и Австро-Венгрия неуклонно продолжают предпринятое ими дело умиротворения, придерживаясь выработанной в начале года программы, несмотря на возникшие затруднения к ее осуществлению.

Действительно, в то время как с одной стороны революционные комитеты возбуждали беспорядки и препятствовали христианскому населению трех вилайетов оказать содействие к выполнению реформ, с другой -- органы Блистательной Порты, на коих возложено было применение

таковых, вообще не проявляли в данном случае желательного усердия и не прониклись истинными целями, положенными в основу этих мероприятий.

Дабы явить доказательство их твердой решимости настоять на полном осуществлении помянутых реформ, принятых Портою и имеющих целью обеспечить общую безопасность, оба правительства условились относительно более действительных способов контроля и надзора. Вы без замедления получите точные указания по сему предмету.

Если с одной стороны оба правительства вполне признают право и обязанность Блистательной Порты подавлять беспорядки, вызванные злоумышленною агитациею комитетов, то с другой -- они не могут не сожалеть, что это подавление сопровождалось насилиями и жестокостями, от которых страдало мирное население. Ввиду сего они считают настоятельно необходимым придти на помощь жертвам этих прискорбных событий, и вышеупомянутые инструкции вам укажут в подробностях на способы помочь лишенным всяких средств к существованию жителям, облегчить возвращение их на места и озаботиться восстановлением сожженных селений, церквей и школ.

Правительства России и Австро-Венгрии питают твердую надежду, что их непрестанные усилия достигнут намеченной цели прочного умиротворения в потерпевших от смут областях, и убеждены, что их вполне беспристрастные советы будут приняты всеми, кого они касаются".

Текст тождественной телеграммы был официально сообщен кабинетам лондонскому, парижскому, берлинскому и римскому и встречен был ими с решительным одобрением, тем большим, что, по словам венских газет, она способна была рассеять все подозрения относительно того, что в Петербурге или Вене преследуются честолюбивые или эгоистичные цели.

Упомянутая в телеграмме тождественная инструкция была вскоре затем сообщена г. Зиновьеву и барону Каличе, которые, согласно ей, сделали Порте 9 прошлого октября соответствующее представление. Важный документ этот включает в себе следующие пункты:

"1) Для установления контроля над деятельностью местных турецких властей по приведению в исполнение реформ назначить при Хильми-паше особых гражданских агентов от России и Австро-Венгрии, которые будут обязаны всюду сопровождать главного инспектора, обращать его внимание на нужды христианского населения, указывать на злоупотребления местных властей, передавать ему соответствующие представления послов в Константинополе и доносить своим правительствам обо всем происходящем в стране.

В помощь этим агентам могли бы быть назначены секретари и драгомань, которым будет поручено выполнение их приказаний и дано разрешение объезжать округа для опроса жителей христианских селений, наблюдения за деятельностью местных властей и т. д.

Ввиду того, что задача гражданских агентов будет состоять в наблюдении за введением реформ и умиротворением населения, их полномочия прекратятся через два года после назначения.

Высокая Порта должна предписать местным властям всячески облегчать этим агентам выполнение порученной им задачи.

2) Так как реорганизация турецкой жандармерии и полиции является одною из наиболее существенных мер к умиротворению края, то необходимо немедленно же потребовать от Порты приведения в исполнение этой реформы.

Принимая, однако, во внимание, что приглашенные уже для этой цели несколько шведских и других иностранных офицеров вследствие незнания языка и местных условий не могли принести соответственной пользы, то в первоначальном проекте желательно сделать некоторые изменения и дополнения:

а) Задача реорганизации жандармерии в трех вилайетах будет возложена на генерала иностранной национальности, на службе императорского османского правительства, к которому могли бы быть прикомандированы военные чины великих держав; им будут поручены отдельные районы, на пространстве коих они будут действовать, как контролеры, инструкторы и организаторы. Таким образом, они вместе с тем в состоянии будут наблюдать за образом действий войск по отношению к населению.

б) Эти офицеры могут, если это им представится необходимым, просить о прикомандировании к ним некоторого числа иностранных офицеров и унтер-офицеров.

3) Как только обнаружено будет умиротворение страны, тотчас же потребовать от турецкого правительства изменения территориального разграничения административных единиц в видах более правильной группировки отдельных народностей.

4) Одновременно предъявить требование о преобразовании административных и судебных учреждений, в каковые желательно было бы открыть доступ местным христианам, содействуя при этом развитию местного самоуправления.

5) Немедленно учредить в главных центрах вилайетов смешанные комиссии, образованные из христианских и мусульманских делегатов в равном числе для разбора дел по политическим и иным преступлениям, совершенным во время смут.

В комиссиях этих должны участвовать консульские представители России и Австро-Венгрии.

6) Потребовать от турецкого правительства ассигнований. особых сумм:

а) для водворения на места их прежнего жительства христианских семейств, укрывшихся в Болгарии и в других местностях;

б) на выдачу пособий христианам, лишившимся крова и имущества;

с) на восстановление жилищ, храмов и школ, разрушенных турками во время восстания.

Комиссии, в коих будут заседать видные представители христианского населения, будут заведовать распределением этих сумм. Консулы России и Австро-Венгрии будут наблюдать за их расходом.

7) В христианских селениях, выжженных турецкими войсками и башибузуками, водворенные жители освобождаются в течение года от уплаты всяких налогов.

8) Оттоманское правительство возобновит обязательство без малейшего замедления ввести реформы, упомянутые в проекте, выработанном в феврале нынешнего года, так равно и те, на настоятельность коих будет указано впоследствии.

9) Так как большая часть насилий и жестокостей была совершаема илавэ (редифами второго разряда) и башибузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены, и чтобы безусловно не было допускаемо образование шаек башибузуков".

Хотя новые требования России и Австро-Венгрии, по сравнению с февральским проектом этих держав, делают попытку подчинить проведение реформ более действительному контролю, тем не менее, для лиц, знакомых с Македонией и турецкими порядками, представляется почти несомненным, что и новому проекту предуготована та же неудача, что и первому, так как к иному результату и не может придти вопрос, с самого начала поставленный на ложный путь.. Худосочное детище, появившееся на свет на берегах Босфора, с самого рождения обречено было на преждевременную смерть, какими бы лекарствами его ни пичкали и к каким бы светилам медицинской науки ни обращались. Точно также и местные наблюдатели и вообще люди, знающие местные обстоятельства, критически разбирая новую программу, приходят к убеждению в ее искусственности и полной непригодности к устранению зол, гнетущих христианское население Македонии.

Ныне созданные гражданские агенты держав при главном инспекторе реформ, по поставленным им рамкам деятельности, едва ли смогут быть чем-либо иным, как официальными соглядатаями за Хильми-пашою, без всякой действительной власти изменить что-либо в условиях, препятствующих осуществлению турками задуманных реформ. Придерживаясь последней посольской инструкции, этим агентам надлежит быть контролерами, но, чтобы контролировать и наблюдать, надо иметь что контролировать, а в Македонии нет ни серьезно поставленной администрации, ни законного, справедливого распределения и сбора налогов.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь два примера. Основной налог десятинный -- источник злключения для местного населения: результатом его является, что турецкое правительство получает мало, население платит много, а богатеют только сборщики десятины.

Другой налог -- сбор за патенты на право торговли, устанавливаемый номинально целую комиссию, на деле собирается переходящими из лавки в лавку агентами, с которыми принято торговаться. Конечно, это открывает широкую дверь всевозможным злоупотреблениям, а в государственную казну попадает очень немного. Вообще можно сказать, что в Турции нет налогов, которые давали бы определенный доход, и на основании которых можно было бы установить бюджет. Между тем, Ильдиз-киоск постоянно требует денег и каждый генерал-губернатор, зная, что он лишится места, если не исполнит этого требования, выбирает из правительственных касс все деньги, а чиновники и войска сидят без жалованья. А между тем всем им надо жить, надо кормить своих детей. И вот они добывают себе источники существования, где и как могут, При хроническом безденежье турецкой казны и при заведомом неумении Порты разумно распорядиться и теми средствами, которые ей поступают,

описанный только что порядок будет постоянным препятствием к установлению в крае правильной администрации в европейском значении этого слова, а при таких условиях мыслимы ли какие-либо реформы? Кроме того, и повсюду реформы стоят дорого, предпринимать же их без средств значило бы уподобляться страусу, прячущему голову. Требовать эти средства со всего населения оттоманской империи с целью доставления улучшенных способов существования одной лишь части этого населения, обитающей в Македонии, было бы противно правилам общей справедливости, да и не привело бы ни к чему, так как собранные средства по дороге заблудились бы и никогда не дошли бы по своему прямому назначению. Нужные на преобразования в Македонии средства должны быть и могут быть доставлены Македонией, но не тогда, когда во главе управления будет стоять турецкий сановник, какими бы талантами или честностью он лично ни обладал. Желаемые средства найдутся лишь тогда, когда во главе области будет стоять назначенный державами христианский генерал-губернатор, опирающийся на автономные учреждения края.

По пункту 1-му инструкции, гражданские агенты повсюду сопровождают главного инспектора, обращают его внимание на нужды христианского населения, указывают на злоупотребления местных властей, передают ему соответствующие представления послов в Константинополе и доносят своим правительствам обо всем происходящем в стране. Из этого ясно, что, не имея никакой исполнительной власти, они являются лишь совещательным органом, все значение которого будет зависеть от того, насколько главному инспектору будет угодно прислушиваться к их советам, а если он не захочет сообразоваться с указаниями и требованиями состоящих при нем агентов? Тогда они обратятся с жалобой к своим послам, послы сделают по этому поводу представления Порте и весь дипломатический аппарат окажется таким образом пущенным в действие; начнутся дипломатические переговоры, а хитроумные Улисссы из Ильдиз-Киоска уже издавна искусились по части изобретательности в придумывании способов, как затянуть всякие переговоры и как известить противника измором.

Помимо того, помещенные в инструкции атрибуты гражданских агентов представляют из себя почву, в высшей степени удобную для нескончаемых пререканий.

Зная, что реформы для Македонии навязаны султану державами, очень допустимо предположение, что Хильми-паша сделает все от него зависящее, чтобы, рассыпаясь на словах в всевозможных приятных для Европы уверениях, на деле не предпринимать ничего для устранения препятствий, мешающих проведению реформ. Если, пользуясь предоставленным ему правом, главный инспектор будет по каждой мелочи обращаться в Порту, а та будет посылать ноту за нотой представителям России и Австро-Венгрии в Константинополе, ведь тогда может образоваться бумажный поток, который буквально затопит оба посольства, тем более что раз вопрос сделался предметом ноты, дело обращается в предмет, требующий "всестороннего обсуждения", для чего, как известно, необходим большой промежуток времени, а это-то и есть то, чего Порта всегда добивается при всех своих недоразумениях с Европой, твердо веруя в справедливость изречения, что "время -- лучший врач". Из-за каждого мелкого факта создастся целая дипломатическая переписка, легко могущая перейти в дипломатический инцидент, возбудить который, при некотором желании, всегда очень легко, но уладить его бывает зачастую сопряжено с едва преодолимыми трудностями. В конце концов, оба посольства будут подавлены массой набросанного на них Портою материала и окажутся в ближайшем будущем бессильны с ним справиться, не говоря уже о том, что все это повлечет за собою потерю времени, драгоценного для спокойствия Македонии и самой Европы.

Если бы вопросы, связанные с Востоком, разрешались не теоретиками, то, конечно, было бы обращено внимание на подобные практические неудобства, которые нетрудно предвидеть и которые, по всей вероятности, сведут на нет плоды многомесячных дум русско-австрийских дипломатов.

Благие результаты от деятельности гражданских агентов могли бы получиться лишь при такой постановке вопроса, при которой все недоразумения и конфликты разрешались бы на месте, властью и полномочием тех лиц, которым, доверием их правительств, поручен надзор по проведению реформ в Македонии. Тогда посольства в Константинополе не должны были бы быть инстанциями, решающими каждый мелочный единичный случай, а направляли бы лишь принципиальную деятельность гражданских агентов, намечая её лишь в главных линиях.

Что касается до возлагаемой ныне на турецкие власти обязанности всячески облегчать гражданским агентам исполнение возложенной на них задачи, то не надо быть пророком, чтобы предсказать, какого сорта будет это облегчение, так как примеры того мы могли видеть в поголовном арестовании всех, кто имел неосторожность войти в сношение с г.г. Машковым и Мандельштамом, во время известных поездок их по краю.

По 2 пункту инструкции нельзя не заметить, что кадры вновь организуемой жандармерии будут состоять из слишком разнородных элементов для того, чтобы можно было рассчитывать на успешные результаты нового мероприятия. По слухам, во главе жандармерии будет поставлен германский: генерал, в помощь ему будут даны два штаб-офицера -- русский и австриец: всего будет приглашено иностранных офицеров 56 и унтер-офицеров 300, но распределение их по национальностям и подданству между различными великими державами еще не установлено. Преобразование македонской жандармерии будет, как слышно, стоить около трех миллионов франков в год.

Лично, македонцам, как говорят, неприятно, что начальником жандармерии будет немец, так как им небезызвестно, что германский посол все время советовал султану самое суровое и беспощадное подавление восстания.

Можно быть заранее уверенным, что пункт 3 инструкций встретит, и нельзя сказать, что без основания, ожесточенное сопротивление со стороны Порты, которая искони старалась отнюдь не давать ясно очерченных территориальных границ для какой-либо народности, дабы тем, по возможности, затормозить стремление этой последней к политической самостоятельности. Особенно строго следовала она этому правилу с начала XIX века, когда именно начался расцвет идеи о национальностях и когда лишь путем применения такой предупредительной системы возможно было поддерживать некоторое механическое сцепление между отдельными частями этого точно из разноцветных лоскутьев сшитого одеяла, какое представляет из себя Османская империя. Затем, при страшной чересполосице народностей в Турции, причем зачастую одна лишь вкраплена в другую, не вижу практических способов, как можно было бы "разграничить административные единицы в видах более правильной группировки отдельных народностей". Если же дело идет лишь о разграничении Македонии и Старой Сербии, то более простая фраза давала бы, как кажется, более ясное понятие о том, что, собственно говоря, имели в виду державы.

Четвертый пункт нынешнего проекта реформ имеет, по-видимому, все шансы, чтобы остаться лишь красивой фразой, так как для осуществления предположенного преобразования местных административных и судебных учреждений в желаемом державами духе нужно, чтобы изменилась самая сущность турка, как человека, или же чтобы в качестве высшей в крае власти была поставлена власть христианская, как, например, это существует в Крите или на Ливане, или как это было в Восточной Румелии.

Допущение христиан в административные и судебные учреждения не есть что-либо новое, только теперь найденное Россией и Австро-Венгрией, -- оно существует в Турции со времени Гюльханейского хатти-шерифа 1839 года и всем известно, какое ничтожное положение занимают в этих учреждениях христианские члены. Ранее ("Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии", гл. II. "Русский Вестник", февраль и март 1903 г.), я имел уже случай подробно говорить о причинах такого явления и теперь повторю, что относительно преобразования административных и, в особенности, судебных учреждений, в смысле привлечения туда христиан, можно от турок требовать на бумаге чего угодно, но пока не будет сломлен мусульманский дух, -- дух завоевателя, не допускающего равенства с завоеванным, -- до тех пор из этих требований не выйдет ничего, кроме праздных, бумажных обещаний.

Переходя к заключительным пунктам расширенной программы реформ, нельзя не заметить, что непосредственное участие консулов в предусмотренных этими пунктами комиссиях бесспорно упорядочит деятельность этих последних, только интересно было бы предварительно знать, откуда Турция, не могущая целыми месяцами уплачивать жалованье своим служащим и солдатам, возьмет крупные суммы на пособия беженцам и на восстановление школ и церквей?

Из всего приведенного выше следует, как мне кажется, с достаточною ясностью, что было бы слишком большим оптимизмом предполагать, что и второй русско-австрийский проект в состоянии обеспечить умиротворение Македонии и Старой Сербии. Все свидетельствует, напротив, о том, что новые стремления держав разобьются о скрытое сопротивление султана, а также и о том, что турецкими руками немислимо проводить реформы в несчастных, ныне вконец разоренных и опустошенных македонских вилайетах.

Не лишне по этому же поводу привести мнение "Нов Века", правительственного органа нынешнего болгарского кабинета. Он заявляет, что хотя русско-австрийская нота о контроле и представляет известный шаг вперед, тем не менее, русско-австрийское детище -- мертворожденное. В качестве поводов к такому приговору "Нов Век" указывает, что, во-первых, в ноте не упоминается об общей амнистии и что во-вторых "предполагаемый контроль будет фиктивный, потому что

договорившиеся державы стремятся не к прочному замирению Македонии, но лишь к предлогу для вмешательства в турецкие дела".

VI.

В течение нескольких дней, предшествовавших вручению послами ноты о принятых в Мюрцштеге решениях, Порты старалась создать такие условия, которые доказывали бы, что в вмешательстве и контроле держав надобности более не представляется. Так, она снова сделала вид, что желает договориться непосредственно с Болгарией, и всячески старалась облегчить миссию Начевича, вторично присланного в Константинополь.

Первый пункт их переговоров касался обоюдной демобилизации, причем Турция обязалась бы распускать двойное против распускаемого Болгарией количество войск, каждый раз как княжество прибегнет к подобной мере. Но распускание на первых же порах затормозилось вследствие нарушения болгарской границы у Караманицы турецкими войсками, которые, в числе одного батальона, перешли границу напали на болгарский блокгауз и ограбили одно селение.

Другой важный вопрос, о котором рассуждала Порты с Начевичем, касался водворения на родину беженцев и получил совершенно неожиданное для болгар разрешение, вместо смешанной турецко-болгарской комиссии, дело это было поручено комиссии из немцев -- этим "турецким друзьям", к которым беженцы относятся с довольно малым доверием.

Внутри Македонии султан обнародовал широковещательное ираде, предписывающее Хильми-паше и всем высшим сановникам в Македонии быстрое и точное применение требуемых державами реформ. Документ этот слишком длинен, чтобы приводить его здесь, но он может служить любопытным образцом изворотливости турецкой дипломатии, желающей отделаться общими фразами. Областным финансам уделен 4-й пункт; даваемое Хильми-паше приказание изложено дословно так: "Обеспечить текущие расходы и при содействии министерства финансов изыскать средства для уплаты чиновникам жалованья".

Сам Хильми-паша в разговорах с иностранными корреспондентами порадовал их известием, что реформы им уже проведены почти полностью и в Македонии царит правосудие.

Что касается зверств, совершенных турецкими войсками, Порты официально и категорически их отрицает, забыв, что несколько времени пред тем, она сама сообщила русскому и австрийскому посольствам длинный список офицеров и солдат, осужденных судом за насилия; по теперешним ее уверениям, все разрушения, убийства и истязания совершили восстанцы и в таком смысле приказано населению подавать адреса с выражением благодарности войскам.

Тем не менее, несмотря на все турецкие успокоительные заверения, державы настаивали на получении от Порты ответа: она медлила долго, то обсуждая русско-австрийскую ноту в обыкновенных и чрезвычайных советах министров, то распространяя умышленно слухи, что следует ожидать оппозиции против программы реформ со стороны мусульман и что правительству придется считаться с подобною оппозициею. И действительно, чья-то невидимая рука расклеила в большей части константинопольских мечетей объявления, возбуждающие население против намерения ввести в Македонии европейский контроль. В то же время Порты поручила по телеграфу своим посольствам собрать сведения об истинном настроении кабинетов, в тайной надежде найти себе поддержку в какой-либо из великих держав, но надежда эта осталась тщетной. Вследствие этого, она послала 21 октября русскому и австро-венгерским послам обширный ответ, в котором, уведомляя о получении "дружественных советов" держав касательно реформ, удостоверяет, что часть их приведена в исполнение. К полному проведению реформ препятствием служит деятельность революционных комитетов. Порты ответила не по пунктам: определенно она высказалась лишь по двум пунктам о распускании батальонов илаваз и об освобождении разрушенных селений на год от уплаты налогов; главнейшие же пункты обойдены ею молчанием, хотя косвенно, вместо контроля, она намекает на другой способ его, словами: "русский и австрийский консулы усвоили себе привычку делиться имеющимися у них сведениями с главным инспектором, Хильми-пашой, который, в свою очередь, сообщал консулам свои сведения об успехах реформ. Было бы желательно сохранить и впредь это дружественное общение; так как полномочия главного инспектора продолжатся еще два года, то несомненно, что за это время все будет приведено в порядок и введение реформ будет закончено".

Относительно пособий говорится: "Хильми-паша будет заведовать распределением денег на пособия пострадавшим, причем это распределение будет производиться под надзором назначенной султаном комиссии из представителей различных национальностей".

Наконец, по двум другим вопросам, затронутым в ноте держав, Порты высказывается: "что касается группировки общин по национальностям, то Османское правительство полагает, что выполненные уже реформы для общин вполне достаточны. Точно так же и в деле преобразования судебных учреждений, правительство находит, что существующие законы вполне соответствуют нуждам страны".

Ответ Порты признан был в Константинополе неудовлетворительным, а в венских дипломатических сферах возбудил большое негодование, так как он почти совершенно игнорирует мюнхенские соглашения.

28 октября русский и австро-венгерский послы повторили снова требование от Порты ответа на их предыдущую ноту, причем заявили, что последние их предложения относительно реформ отвечают интересам самой Турции и тем более приемлемы, что в данном случае речь идет лишь о временных мероприятиях. Вместе с тем, послы высказали твердую надежду на то, что Порта исполнит эти требования в кратчайший срок.

Требования русского и австрийского послов были поддержаны представителями всех остальных великих держав в Константинополе, а официальная "Kolnische Zeitung" напечатала тогда сообщение, что "Германия всегда защищала ту точку зрения, что Порте лучше войти в соглашение с Россией и Австро-Венгрией, так как иначе, с другой стороны ей могут быть поставлены еще более тяжкие условия".

Султан оказал по отношению к настояниям договорившихся держав большое сопротивление: в особенности пугал его первый пункт программы, принятие которого, по его мнению, узаконило бы вмешательство европейских держав в внутренние дела Турции. Он сделал всевозможные попытки добиться некоторых изменений обоих первых пунктов требований держав: он обращался и к Государю Императору, и к императору Францу-Иосифу, и от обоих Монархов получил решительный совет принять требования ноты в виду того, что иного исхода не остается.

Истощив все средства борьбы, Порта прислала, наконец, 12 ноября следующее сообщение: "Блистательная Порта получила и изучила меморандум, врученный ей г. Зиновьевым и бароном Каличе 9 октября. Она принимает к сведению как данные ей заверения относительно полной охраны ее верховных прав, сохранения status quo и уважения к авторитету и престижу империи, так и заявления, касающиеся временного, ограниченного двухлетним сроком, характера дополнительных мероприятий, проектированных в целях обеспечения осуществления принятых в феврале месяце, по предложению обоих правительств, реформ, которые Порта продолжает лояльно исполнять.

Блистательная Порта заявляет, что она принимает в принципе девять пунктов, приведенных в меморандуме, сохраняя за собою право войти в переговоры для достижения соглашения о подробностях их применения и согласования первого и второго пункта с независимостью, верховными правами, престижем правительства и status quo".

Итак, Порта, достойная продолжательница приемов византийской дипломатии, приняла программу договорившихся держав лишь в принципе, да еще притом первые два важнейших пункта ноты должны подлежать переговорам, вследствие чего и вопрос о настоящем, а не принципиальном только их принятии может затянуться ad calendas graecas, когда, пожалуй, в Македонии не останется ни одного христианина. Да и весь ответ Порты проникнут недомолвками, оговорками, лазейками, -- недаром редактором его был грек родом, Александр Каратеодори-паша, -- и, право, кажется, что достигнутый русско-австрийскою дипломатиею результат не находится в соответствии с употребленными на получение его усилиями. Довольно правильно определяет значение этого ответа газета "Temps", которая восхищается "ловкостью Турции, избравшей золотую середину. Решительный отказ мог бы повести к полному разрыву отношений, полное согласие поставило бы ее в затруднительное положение. И вот, Порта заявила, что в принципе она принимает требования держав, но на деле оставляет за собою право оговорки относительно частных деталей.

В Вене и Петербурге вежливо приняли этот ответ, -- говорит "Temps", -- но не потому, чтобы там создавали себе иллюзии. Ведь Бисмарк не стеснялся говорить, что когда он принимает предложение в принципе, это значит, что он на деле отказывается. Прецедент этот достаточно известен на берегах и Невы, и Босфора".

На самом Балканском полуострове все вообще глубоко убеждены, что только кажущееся принятие султаном австро-русского меморандума не улучшит должным образом положения в Македонии.

Под снежным покровом, брошенным теперь на эту область, восстание замерло, но весна не за горами и ожидают, что оно вспыхнет тогда снова, и с удвоенной силой. тем более что, по имеющимся сведениям, на этот раз все балканские государства готовятся к войне.

Турция делает большие заказы Круппу и увеличивает численность своей армии на 250,000 чел.; с этою целью только что изданным султанским ираде повелевается увеличить срок военной службы в регулярной армии с шести до девяти лет. а срок нахождения в запасе с восьми до девяти лет.

Болгария вооружается уже давно, а в последнее время выяснилось, что и Сербия имеет несомненное намерение принять деятельное участие в событиях, которыми разрешится нынешнее положение в Македонии. Утверждают, будто между Сербией, Черногорией и Болгарией идут теперь переговоры о заключении оборонительного и наступательного союза, так как правительства этих стран пришли к убеждению, что Турция не в состоянии будет выполнить требуемых от нее реформ, вследствие чего война весной сделается неизбежною.

Политический горизонт ближнего Востока все более и более заволакивается грозowymi тучами. Разгонит ли их какой-нибудь благодетельный и достаточно сильный ветер, или же наоборот, скопившееся в них электричество разразится страшным ударом, который потрясет все окрестные страны и гулко раскатится по всем концам земли, -- кто сможет это предсказать?

В Теплов.

27 ноября 1903 г.

Текст воспроизведен по изданию: Нынешний фазис македонского вопроса // Русский вестник, No 12. 1903

сетевая версия - Thietmar. 2009
OCR - Анисимов М. Ю. 2009

ТЕПЛОВ В. Нынешний фазис македонского вопроса.

I.

Послушная советам некоторых великих держав, неустанно приглашавших султана выказать как можно более энергии в деле подавления волнений в Македонии, Турция сосредоточила в этой стране такое количество войск, что поднявшееся измученное население ее было раздавлено. Достигнутые турецкими войсками результаты были для них тем более успешны, что под конец лета турки изменили первоначальную тактику и, избегая боя даже с случайно попадавшимися им четами, накинлись исключительно на мирное и безоружное население, еще остававшееся по деревням. Впрочем, воюя с женщинами и детьми, турки лишь повторяли урок, данный другою, считаемою всеми высококультурною нациею, додумавшеюся до концентрационных лагерей; точно так же, как и она, не будучи в состоянии справиться с мужчинами, они разбивали сердца бойцов, как людей, страданиями им близких.

И надо отдать справедливость турецким войскам и башибузукам, что возложенное на них дело беспощадного разорения славянских земель было исполнено ими чисто, и цветущий доселе край был обращен ими в пустыню. По сравнительно менее пострадавшему кырк-килисскому (лозенградскому) санджаку, наиболее еще близкому к турецкой столице и к находящимся там европейским представителям, можно судить, что происходило в более захолустных уголках европейской Турции.

В конце августа месяца посольство наше в Константинополе передало великому визирю меморандум, в котором на двадцати листах были перечислены зверства, произведенные над христианами кырк-килисского санджака албанскими войсками. При этом посольство заявило, что все действия албанцев имеют очевидную целью систематическое истребление христианского населения.

Полковник Масси, который был послан британским посольством в тот же санджак, должен был возвратиться в Константинополь ранее, чем он предполагал, так как, не желаящие неудобных свидетелей, турецкие власти воспротивились его дальнейшему пребыванию на театре восстания. Он представил послу подробное донесение, описывающее ужасы и зверства, учиненные албанскими войсками, и подтверждающее, что при зареве пылающих городов и сел непрерывная, ужасающая резня ведет к уничтожению болгарского населения.

Корреспондент "Times", побывавший там же, по возвращении в Адрианополь слег в постель от пережитых им нервных потрясений при виде диких сцен резни, не уступающей так в свое время нашу мевшей батакской резне.

По всей Македонии стерты следы двадцатилетней просветительной деятельности экзарха среди местного славянского населения, так как, воспользовавшись солунскими взрывами, турки частью перебили учителей и священников, частью сослали в Малую Азию или посадили в тюремное заключение. Следствием такого положения явилось, что из свыше трехсот школ в крае осталось их около двадцати.

Материальные убытки, понесенные жителями Македонии и Старой Сербии, неисчислимы: множество селений было разграблено, многие из христиан лишились всего своего имущества при поисках местными властями оружия, динамита и скрывающихся четников, не говоря уже о том, что было взято с населения обеих названных областей на прокормление громадной турецкой армии, наводнившей европейскую Турцию. Наконец, вследствие царившей там смуты, население этих областей в большинстве случаев не могло сделать никаких посевов, а если и сделало, то всходы были уничтожены турецкими войсками, преследовавшими четы, так что, в настоящее время, бледные объятия голода начинают простираться над тем благословенным краем, который мог бы служить житницей Европы.

Применение самых беспощадных мер по отношению к мирному населению одобрялось даже и самыми интеллигентными офицерами турецкой армии, подыскивавшими для себя и оправдание на исторической подкладке. Так, один офицер, получивший образование в Германии, заявлял: "Мы понимаем, что македонские революционеры подражают тактике бурских вождей, но и мы тоже будем подражать англичанам, т. е. предавать огню христианские села, чтобы восстанцам негде было приютиться".

В меморандуме, поданном уполномоченными внутренней македонской организации представителям великих держав в Софии, перечисляются села, сожженные, в период времени от 20 июля до 20 сентября, по одному лишь Монастырскому вилайету.

I. Уничтожено:

Казы. Христианск В % по отношению
сел. к общему числу сел всей казы.

Битолийская.....	48	20,9
Охридская.....	40	43
Флоринская.....	14	24
Касторийская.....	25	21,7
Всего.....	127	26,6

II. Уничтожено дворов

Число христиан- Уничтожено

Казы ских дворов христ. дворов В%

Битолийская.....	15638.....	4192.....	26,8
Охридская.....	5653.....	2477.....	40,8
Флоринская.....	6578.....	1847.....	28,1
Касторийская.....	10523.....	3390.....	32,2
Всего.....	38392.....	11906.....	31

III. Количество христианского населения, лишенного крова

Казы Общее число Осталось без В%
христиан крова всего

Битолийская.....	112456.....	23209.....	20,6
Охридская.....	42468.....	18845.....	44,6
Флоринская.....	43549.....	10775.....	24,7
Касторийская.....	61394.....	71942.....	28

Следовательно, только по одному Монастырскому округу более четверти его населения оказалось совсем без крова. С того времени число местностей, совершенно разоренных, где христианское население или избито, или разогнано, еще увеличилось. До наступления зимы несчастные могли еще скрываться в горах, но затем мороз довершит дело истребления македонских христиан, начатое турками. Пока европейская дипломатия будет вести с Портой нескончаемые переговоры, погибнет масса народа, для которого предназначаются реформы, и Македония, откуда во времена седой древности принесено было солунскими братьями в Россию Евангелие, обратится из славянской в такую

же почти сплошь албанскую страну, в какую постепенно и на наших глазах обращается Старая Сербия к вящей радости не одних только турок.

В областях, пограничных с Болгарией или расположенных неподалеку от нее, преследуемые христиане еще имеют возможность спасти свою жизнь, переселившись в братскую землю, где уже скопилось более тридцати тысяч беженцев, но не всем удается счастливо добраться до границы, -- в лесах Мокрени, к востоку от Кастории, 1,200 беженцев, застигнутых турками, были все перебиты, а 60 молодых женщин и девушек были отведены в гаремы. В деревне Эриклер 45 македонцев, прикованных предварительно друг к другу, были изрублены на глазах их собственных семей. В других селах сплошь и рядом сжигали дома с запершимися в них христианами. По официальным сведениям, число убитых в европейской Турции с апреля по октябрь славян достигает 15,000. Зверства же, совершенные за это время турецкими войсками, превосходят всякое описание. Нечего и говорить, что женщины повсюду насиляются, дети от 6 до 8 лет подвергаются той же участи. Но туркам мало и этих гнусностей; в Прилепе трое турецких солдат изнасиловали на улице Димо Цака, 65-летнего старика; такому же насилию со стороны курдов, кавалерийского полка хамидие, подвергся на пути из Константинополя в Адрианополь девяностолетний старик Георгий за то, что пытался защитить честь своей дочери. Насколько турки желали хозяйничать внутри страны по-своему, ясно видно хотя бы из того, что доступ в Македонию был закрыт для европейских корреспондентов.

Когда турецкие зверства касались греков или румын, как это было при взятии Крушева, немедленно повсюду поднимались крики негодования. Греческое правительство энергически потребовало тогда наказания Бахтияра-паши и материального вознаграждения потерпевшим жителям. Россия и Австро-Венгрия поддержали это требование, и султан вынужден был послать в Крушево следственную комиссию и пожертвовать значительную сумму на восстановление разрушенной церкви и на первоначальные пособия пострадавшим, а военным и гражданским властям дано было строгое приказание принять энергические меры для предупреждения насилия над мирным населением "в особенности греческой национальности". Эта льгота для греков не показывает ли, что истребление мирных болгар и сербов еще не большая беда?

Итак, голод и смерть грозят славянскому сельскому населению и на наших глазах происходят события, казавшиеся еще недавно немыслимыми, начинают осуществляться заветные мечты об очищении европейской Турции от славян, и было бы излишне разбирать, насколько подобное положение дел отвечает задачам и традициям России на ближнем Востоке.

Английские благотворительные общества не замедлили придти на помощь христианскому населению Македонии после того, как "Daily News" рассказало, что оно терпит страшную нужду, голод и холод, и начали раздавать одежду и одеяла; благодарные же македонцы служат теперь молебны за англичан и возлагают всю свою надежду на Англию.

Под покровом христианской помощи усиливается в Македонии и Фракии деятельность различных конгрегаций, возрождается католическая и протестантская пропаганды. Французские конгрегации избрали центром своей деятельности Бургас; в связи с оказываемую ими беженцам помощью держатся упорно слухи о переходе в унию болгар адрианопольского вилайета. "Београдске Новине" сообщают, что католицизм сделал за последнее время большие успехи в салоницком вилайете. Под влиянием турецких преследований и желая иметь себе заступников и покровителей, крестьянское население целыми массами переходит в католичество. Уже 16 сел признали над собою власть Рима. Пропаганду ведут католические священники и сестры милосердия, приехавшие из Боснии.

По сведениям "Independance Belge" султан даже собирается будто бы пригласить в Македонию и адрианопольский вилайет изгнанные из Франции духовные ордена и намерен предложить им значительные льготы и крупные земельные участки. В Ильдиз-киоске рассчитывают, что духовные конгрегации, благодаря школам и благотворительным учреждениям, которые они оснуют, приобретут значительное влияние в стране и парализуют таким образом влияние болгарского экзарха и греческого патриарха. Кроме того, султан надеется, что водворение католических конгрегаций нарушит согласие, установившееся между православною Россией и католическою Францией.

Болгарское княжество затратило огромные суммы на содержание в течение более года македонских беженцев и еще в последнее время ассигновало на это 500,000 франков. Румынское же правительство, из видов по преимуществу политических, с целью закрепить признание в Македонии жителей румынской национальности, ассигновало 600,000 франков на сооружение школ и церквей для румынских общин в Македонии.

Турецкие газеты трубят о щедрых пожертвованиях султана и об отпуске необходимых сумм из казны на возобновление разрушенных церквей, школ, домов. В действительности, за разрушенный крестьянский двор и за целое разоренное хозяйство турецкие власти выдают от 2 до 4 лир (17-34 рубл.), и притом зачастую деньги эти на другой же день после раздачи отбираются обратно при помощи солдат и жандармов. В множестве же случаев, жителей просто принуждают подписывать расписки в получении никогда не виданных ими денег на восстановление сел.

Если на помощь цыгцарам (куцо-влахам), общее число которых в Македонии достигает 50,000 чел., румынское правительство признало нужным дать 600,000 фр., то сколько понадобилось бы, чтоб восстановить церкви и школы славянские при общем числе пострадавшего от турецких жестокостей славянского населения, определяемом в двести тысяч человек?

Пущенные по миру македонские славяне сделались в последнее время предметом эксплуатации со стороны даже солунских евреев, совершаемой под покровительством турецких властей. Агенты солунских богачей-евреев пропагандируют переселение в Америку и пользуются безвыходным положением македонцев, чтобы скупать за бесценок их разрушенные дома, поля и скот. В виде платы они выдают лишь пароходный билет в Америку и необходимую сумму денег для переезда, В Солуни, говорят, приготовлены два парохода для переселенцев.

Как видно, все антиславянские пропаганды теперь смело подняли голову и не пренебрегают ничем, чтобы только разредить ненавистный им славянский элемент в Македонии.

По жгучему вопросу о помощи пострадавшим македонцам высказалось и славянское общество в своем последнем воззвании: (Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества Ноябрь, 1903 г.) "Европейское общественное мнение (не исключая даже Германии) участливо откликнулось на события, совершающиеся на Балканском полуострове, глубоко и искренно возмутилось небывалым издевательством над христианами в Македонии. В Англии организована широкая общественная помощь македонским славянам, Франция тоже дала на это средства; Рим от имени главы католического мира оказал помощь несчастным; братья и сестры разных католических орденов наводнили уже македонские села и города: не боясь опасности и даже смерти, они всюду щедро раздают разоренным и измученным христианам одежду, пищу, лекарства, устраивают временные пристанища, кров. И страдальцы благословляют своих избавителей, благословляют и римского папу, пославшего им своих слуг и средства.

А русские люди, которым ближе всего должны быть эти македонские славяне-братья, что делают они? -- Малодушно закрывают глаза на те ужасы, что творятся в Македонии, боясь, к стыду своему, высказать свои симпатии и участие к угнетаемым... Обидно и горько видеть такое равнодушие... Сотни тысяч бездомных продолжают голодать, ждуть медленной, но верной смерти... и рядом печальное знамение времени: гроши, собранные в течение девяти месяцев в пользу истинно бедствующих македонских славян, а кругом холодное, намеренно презрительное или искренно легкомысленное отношение к "братушкам"... Обидно и стыдно становится, господа русские люди!..

Великодушный порыв русского сердца спасет славянское дело, а будем медлить, -- мы проиграем: Европа сделает все, чтобы уронить нас в глазах славянства".

И вот, среди этой мрачной ночи русской холодности, равнодушия, яркий луч света прорезал тьму, и на верхних ступенях Престола нашлось благородное русское сердце, исполненное истинно христианской любви.

Императрица Мария Феодоровна, в неисчерпаемой благодати Своей, соизволила, по собственному почину, исходатайствовать разрешение повсеместного в России сбора пожертвований в пользу нуждающихся жителей Македонии, пострадавших во время последних смут. Сбор этот будет производиться чрез учреждения, состоящего под Августейшим покровительством Ея Величества, российского общества Красного Креста, причем Ея Величеству благоугодно было просить принцессу Клементину, мать князя болгарского, Фердинанда, принять на себя раздачу части собранных средств.

Затем, последовало распоряжение Св. Синода о сборе по всем церквам Империи пожертвований в пользу страдающих македонских славян.

Теперь можно быть уверенным, что, благодаря инициативе Императрицы, Царственной носительницы заветов правды и милосердия, приток пожертвований из русской земли будет настолько значителен, что спасет от голодной смерти многих и многих македонцев, безропотно несущих свой тяжелый крест, возложенный на их рамена едва ли не исключительно из-за того, что они родились славянами.

II.

Помимо борьбы с мусульманскими полчищами, македонцам приходилось и приходится выдерживать натиск со стороны своих соседей и единоверцев-греков, которые, пользуясь случаем, спешат обнажить свои истинные чувства по отношению к славянам с такою откровенностью, к которой не были подготовлены даже и недруги того народа, который мнит себя достойным преемником древних эллинов.

Враждебные отношения между греками и славянами, обусловленные стародавним политическим соперничеством и, в наше время, борьбою на почве церковного греко-болгарского вопроса, -- не были ни для кого секретом, но полное снятие маски произошло в течение минувшего лета, когда греки открыто выступили в роли друзей турок и врагов славян, находя себе поощрение в образе действий и греческого правительства, не успевшего еще износить башмаков, в которых они так стремительно ретировались в 1897 году перед победоносными султанскими войсками.

Хотя греческое правительство официально и отказало греко-македонскому обществу в Афинах в разрешении, с оружием в руках, отправиться в Македонию и сражаться в рядах турок против восстанцев, но под рукою содействовало отправлению около двухсот молодых греков, прибывших в Константинополь для вступления в турецкие войска, а качестве добровольцев.

По-видимому, турки приняли их без энтузиазма, и вообще встретились затруднения относительно применения их к делу; существовало было предположение образовать из них самостоятельный отряд добровольцев, под начальством турецких офицеров, но, как кажется, из этого ничего не вышло, по крайней мере, в течение последнего времени не было ничего слышно о подвигах греческих добровольцев на бранном поле, очевидно, турки из чувства черной зависти помешали ново-эллинам увенчаться лаврами, которые они намеревались приобрести по сходной цене.

В то же время греческое правительство разослало своим консулам в Македонии циркуляр, рекомендуя местным грекам не только воздерживаться от всякого участия в восстании, но и оказывать помощь турецким властям к скорейшему усмирению его, указывая им притом местопребывание скрывающихся славян-восстанцев. В начале же августа афинский кабинет обратился к великим державам с нотой, в которой просит предоставить Турции полную свободу действий при укрощении революционеров-болгар, так как, в противном случае, Греция в интересах ограждения своих единоверцев, подвергаемых тяжким преследованиям, и в интересах восстановления мира в Македонии, открыто присоединится к Турции для искоренения чет.

Греческий министр-президент г. Ралли не устыдился заявить представителям великих держав в Афинах, что его удивляет, почему Европа мешает Турции принять энергичные меры для подавления восстания в Македонии.

Как изумительно коротка бывает память у иных народов! Греки забыли, как 80 лет тому назад поступила по отношению к ним эта самая Европа, с Россиею во главе, не допустившая Турцию залить потоками крови долины и горы современной Греции. Напротив, когда греки подняли восстание, было решено заставить Турцию дать свободу потомкам великого народа, что и было достигнуто. Ныне, в награду за тогдашний великодушный порыв Европы, за те жертвы, ценою которых была куплена независимость Греции, приходится слышать сожаления ее первого министра о том, что туркам не предоставлена свобода вырезать единоверных грекам славян!

Забыв, что они сами едва вышли из четырехсотлетнего турецкого ярма и что так естественны попытки добиться свободы у тех, кто такое ярмо еще не сбросил, греки и их представители -- общество и газеты -- единогласно упрекают турок за их "великодушие" и сокрушаются о недостатке энергии у турецких властей.

По этому поводу "Temps" высказал несколько горьких истин: "Не надо быть ни греком, ни болгаринном, чтобы придти в негодование от той поддержки, которую оказывает варварству нация, бывшая сама его жертвою. Байрон постыдился бы за греков, друзей турок, и не стал бы жертвовать жизнью за них. Действительно, греки, возбуждая турецких палачей против болгар, становятся гнусными в глазах всего человечества. Несколько лет тому назад они призывали Европу к себе на помощь, но Европа не помогла им. Теперь они обращаются к своим традиционным угнетателям и умоляют их затопить все в болгарской крови потому только, что освобождение Македонии не соответствует греческому честолюбию".

"Times" тоже подверг строгой критике образ действий г. Ралли, который ответил следующим заявлением, переданным *in extenso* корреспондентом этой газеты. "Перед нами стая волков, производящих набеги на Македонию. Чтобы уничтожить их, мы готовы стать не только на сторону Турции,

но на сторону кого бы то ни было, если этого требуют наши собственные интересы. Наша обязанность ограждать греческое население от нападения болгар и с этой целью нам необходимо укрепить всеми зависящими от нас средствами турецкую власть, имеющую с нами одного общего врага. Мы не будем обращать никакого внимания на критику тех, которые порицают наше содействие Турции, и последуем политике, какую мы сами себе начертали".

В Париже состоялся недавно конгресс "друзей Македонии и Армении"; на него прибыло несколько десятков делегатов из Англии, Германии, Италии и Швеции. Конгресс решил обратиться ко всем европейским правительствам с ходатайством о даровании автономии названным двум турецким странам.

Решение это вызвало в Греции тревогу и было по поводу его постановлено, пока есть время, действовать на общественное мнение Европы и не дать ему проникнуться превратными идеями о пригодности свободы и для славян. С этой целью отправлена была в главные европейские столицы особая миссия, в главе которой стоит ректор афинского университета Казанис, который будет устраивать митинги и лекции в Париже, Лондоне, Берлине и Вене, в то время, как его сотрудники будут вести пропаганду при помощи брошюр и газетных статей.

В настоящее время г. Казанис находится в Париже; при свиданиях с редакторами газет он, не стесняясь, заявил, что желает убедить европейское общественное мнение в необходимости воздержаться от дарования Македонии автономии, так как изменение *status quo* может вызвать к самостоятельной жизни македонских болгар и сербов, чего не могут допустить греки. При этом, г. Казанис обыкновенно распространяется об исторических задачах греческого народа и эллинской цивилизации в Турции и жалуется на "хищнические" планы болгар, которые мешают этим задачам. Он берется даже доказать, что болгары -- отребье человечества и решительно не заслуживают тех симпатий, которые они встречают в Европе.

Пользуясь разгромом болгарских церквей в Македонии и задумав уничтожить установленную в некоторых епархиях в силу фирмана 1870 г. власть болгарского экзарха, греческие митрополиты путешествуют по славянским селам и, с помощью турецких властей, заставляют болгарских священников признавать главенство вселенской патриархии. Вообще, обращение болгар в патриархистов происходит при содействии турецких властей, которые, напр., не выдают отправляющимся на заработки болгарским крестьянам паспортов (тескере), пока они не представят свидетельств о принадлежности своей к патриархии. Равным образом, во многих местах у болгар отбирают церкви.

Точно также вызывающе держат себя греки и по отношению к сербам. Сербский официоз "Самоуправа" сообщает, что в одно из недавних воскресений, во время богослужения, в сербской церкви св. Спаса, в Ускубе, произошла драка между сербами и греками. Драка была вызвана греками, которые стали бить сербских гимназистов. Присутствовавшие в церкви сербы вынуждены были оборонять их и обороняться сами, вследствие чего завязалась ожесточенная свалка, прекратившаяся лишь по прибытии в храм турецких жандармов и солдат. Несмотря на то, что зачинщиками драки были греки, турки обвинили во всем сербов и арестовали многих из них, преимущественно учеников, во главе с учителем Косовичем.

Подобный наступательный образ действий македонских греков имеет за собою самую горячую поддержку греческого правительства, желающего всеми способами отстоять свои права на Македонию: смелость, с которою оно действует, быть может, объясняется отчасти надеждою на каких-либо сильных покровителей: в таком порядке идей представляет известный интерес опубликованный разговор греческого министра-президента с редактором афинской газеты "Кагрои". Г. Ралли сказал ему, между прочим, что английская, французская и русская печать с крайнею ненавистью осуждает его политику по отношению к македонскому восстанию и что лишь в Германии и в Австрии справедливо оценивают его стремления к совместным с Портою действиям против македонских восстанцев. "Туда (в Германию и в Австрию) именно и должна устремить свои взоры Турция", -- заметил греческий министр-президент, -- "тем более что между германскими и греческими интересами нет непреодолимого антагонизма ни в европейских, ни в азиатских провинциях Турции".

И действительно, в венских политических сферах все более и более проникаются основною мыслью Голуховского, стремящегося к тому, чтобы на Балканском полуострове парализовать развитие славянских государств союзом неславянских народностей: албанцев, греков и румын.

По случаю приезда короля Георга в Вену, австрийская печать выражала следующие мысли: "Греция нуждается в благосклонности Европы, но и Европа в свою очередь нуждается как в Греции, так и в греческом народе. Балканский полуостров не может оставаться турецким, но отсюда не вытекает необходимости, чтобы он сделался исключительно славянским. Очень хорошо, что на Востоке существует два неславянских государства -- Румыния и Греция, что они растут и развиваются, и что они

представляют парализующий элемент для одностороннего славизма. Благодаря этому, устраняются односторонности, и образуется более прочный фундамент для сохранения мира. Греции назначено играть первую роль при решении восточного вопроса. Нигде так беспристрастно не признается ее культурная и историческая роль, как у нас, в Австрии".

Мудрено ли, что после стольких комплиментов у Греции закружилась голова и чаще и чаще бросает она в сторону Вены беспокойно-ласковые взоры и с яростью говорит о Франции, Англии и Италии, ставших будто бы на сторону славянских интересов против эллинизма.

Несмотря на все, что делается турецкими греками и греческим правительством, чтобы отстоять Македонию от натиска славян, в сердца политиков и даже самого греческого народа закрадывается мысль, что Македония может быть для них потеряна, и они начали, потому, напрягать теперь все свои силы, чтобы вознаградить себя за возможную потерю. Выдающиеся политики всех партий вступили в ряды членов местных греко-албанских обществ, которые, получая с разных сторон значительные денежные пожертвования, ведут самые оживленные сношения с выдающимися албанцами, как христианами, так и мусульманами в Эпире.

Цель стремлений этих обществ -- автономия Албании и Эпира и затем совместная работа греков и албанцев, направленная, в окончательном результате, к присоединению Эпира к Греции и соединению собственно Албании с Грецией в личной унии, по подобию Австро-Венгрии, причем греческий король должен также быть королем Албании. Над осуществлением этой программы греки работают самым энергичным образом и не отказываются ни от каких средств, чтобы подорвать влияние албанских агитаторов-националистов, стремящихся, при заметном равнодушии собственно народной массы, создать независимую Албанию. В этом отношении греческое правительство проявляет усиленную деятельность. Все греческие консулы в южной Албании самым усердным образом преследуют малейшее движение в пользу албанского национального языка и всякую попытку к освобождению от греческого влияния. Благодаря поддержке турецких властей, им удалось добиться закрытия албанской школы в Горче и ареста шести албанских патриотов, -- трех христиан и трех мусульман, -- отправленных в солунскую тюрьму.

В конце сентября, в Дьякове состоялось собрание поборников албанской автономии, на которое съехались албанцы христиане и мусульмане со всех концов Албании и Эпира. Представителями Греции были два делегата, избранные греко-албанским союзом в Афинах. Один из них полковник на действительной службе греческой армии, а другой -- депутат от Фессалии.

На собрании выяснилось, что между албанцами и христианами царит будто бы полное единодушие и все религиозные и иные распри между отдельными племенами принесены, как уверяют, в жертву национальной идее. Выяснилось также, что организация революционного движения в Албании подвинулась настолько вперед, что в короткий срок албанцы могут выставить до 50.000 хорошо вооруженных человек. Греческие делегаты заявили, что считают возможным сформирование в Греции добровольческого отряда. В заключение, был избран исполнительный комитет, от которого будет зависеть начало действий.

Кандидатом на пост губернатора автономных Эпира и Албании греки выставляют королевича Георгия, нынешнего критского генерал-губернатора. Если верить телеграмме из Афин в "Rappel", он принимал на днях в особой аудиенции Хакки-бея, уполномоченного центрального албанского комитета. Разговор, продолжавшийся почти час, велся на албанском языке, которым королевич владеет прекрасно.

Королевич сказал Хакки-бею; что в настоящий момент революционное движение в Албании несвоевременно. Надо, прежде всего, выждать дальнейшего развития македонского вопроса. Королевич также заявил, что его кандидатура на пост албанского губернатора поддерживается Россией и Англией.

III.

В конце августа, когда война между Турцией и Болгарией висела, казалось, на волоске и когда Порта представляла княжескому правительству жалобу за жалобой на образ его действий по македонскому вопросу, Болгария сочла нужным ответить двумя нотами: одна была вручена Порте, а другая передана державам. В первой из них объясняется, что восстание вызвано существующими порядками, вынуждающими молодежь бежать за границу и устраивать внутреннюю революцию с целью добиться применения XXIII ст. берлинского договора.

Тот факт, что восстание вспыхнуло сначала в Битолии, на расстоянии 250 километров от княжества, доказывает, что начали его не четы, пришедшие из Болгарии. А потому, правительство

княжества снимает с себя всякую ответственность за события, происходящие как в адрианопольском, так и в монастырском вилайетах, вызванные систематическим преследованием болгарского населения.

Нота, адресованная державам, говорила вкратце, что "догадки, высказанные болгарским правительством в ноте от 29 июня, вполне оправдались. Турецкое правительство, очевидно, стремится к систематическому истреблению болгарского народа. Мобилизация и сосредоточение такого огромного количества войск в европейской Турции, под предлогом усмирения восстанцев, дают Болгарии основание предполагать, что Турция рассчитывает напасть на нее, улучив удобный момент. Болгарское правительство, потому, не может долее оставаться равнодушным и вынуждено будет принять свои меры".

В пояснение этой последней ноты министр-президент Петров сделал следующее заявление английскому представителю в Софии: "Болгарское правительство решилось исполнить свои обязательства по отношению к Турции, как сюзеренной державе, и исполнить также, по возможности, требования держав, но по всему видно, что действительное положение вещей неизвестно за границей.

Болгария не располагает достаточным количеством войск для того, чтобы воспрепятствовать чечам проникать на македонскую территорию. С другой стороны, Турция пропускает четников, идущих из Болгарии, турецкие солдаты нарочно удаляются, как только их завидят. Из этого можно только заключить, что Турция поддерживает восстание для того, чтобы иметь предлог к избиению македонских христиан.

Болгария не ищет ни территориальных приобретений, ни присоединения Македонии, ни даже ее автономии, она желает только, чтобы сохранены были жизнь и имущество македонских христиан. И если державы допустят, по политическим причинам, истребление христиан, болгары, не имея таких причин, допустить этого не могут. Поэтому, можно сказать без преувеличения, что если державы не вмешаются в скором времени, то Болгария будет этим поставлена в самое безвыходное положение".

По словам "Daily Telegraph", болгарское правительство получило от России, Австрии и Германии ответ на свою ноту. Все три державы говорят в нем, что княжеское правительство лучше всего послужит интересам Македонии и Болгарии, если воздержится от всякого активного участия в борьбе и предоставит уладить все великим державам. Если же болгарское правительство станет действовать так, что вызовет войну с Турцией, то ни одна держава не вступится за него. Вообще, как это было заявлено и Порте, "если, несмотря на полученные предостережения, Турция или Болгария дадут вовлечь себя в политику приключений, то они должны иметь в виду, что принесенные жертвы будут бесполезны, так как державы исполнены решимости не допускать никаких изменений в status quo".

11 сентября 1903 г. появилось по македонскому вопросу русское правительственное сообщение, которое, дав очерк действий, предпринятых Россией и Австрией к улучшению быта христианского населения трех турецких провинций, прибавляет, что "на первых порах действия эти увенчались успехом", так как оттоманским правительством даны были местным турецким органам категорические приказания немедленно приступить к выполнению намеченных реформ.

"Однако, таковые результаты не могли удовлетворить образовавшиеся в славянских государствах "македонские комитеты"; очевидная вероятность успокоения христианского населения под влиянием начатых преобразований... отнимала у комитетов благодарную, с их точки зрения, почву для осуществления задуманных ими революционных планов. Выставляя знаменем своим защиту единоверцев от турецкого гнета, комитеты эти, в сущности, добиваются изменения, в своекорыстных видах, административного строя провинции в смысле образования из нее "Болгарской Македонии" в ущерб правам и преимуществам других христианских народностей, интересы коих одинаково дороги православной России. Не находя поддержки своим политическим планам в среде неболгарских элементов Македонии, вожаки движения путем жестокостей, насилий и террора старались вызвать поголовное восстание в стране, чтобы воспрепятствовать введению проектированных реформ.

К сожалению... македонская агитация получила большое распространение в самом княжестве Болгарском, встречая поддержку со стороны деятелей, поддавшихся ложным расчетам на то, что возгоревшееся восстание вынудит Россию изменить свою программу и выступить активно в защиту несбыточных планов руководителей революционного движения.

Пагубные заблуждения эти... навлекли тяжкие бедствия на христианское население турецких вилайетов, положить предел которым возможно прежде всего путем воспрепятствования как переходу новых банд из княжества в пределы Турции, так и прекращения революционной деятельности комитетов. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленном применении реформ, в соответствии с насущными потребностями населения, которое, в виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить от чинимых турками жестокостей.

...Помимо сего, по предложению России и Австро-Венгрии, правительства великих держав, подписавших Берлинский договор, поручили своим представителям... сделать правительствам Турции и Болгарии заявление в нижеследующем смысле:

"Нынешнее положение дел в турецких вилайетах, созданное преступными замыслами комитетов и революционных банд, ни в чем не изменяет взгляда держав на программу действий, выработанную в начале текущего года двумя наиболее заинтересованными правительствами, а посему ни Турция, ни Болгария не могут рассчитывать на поддержку какой-либо державы в случае открытого или тайного сопротивления осуществлению этой программы.

Императорское правительство надеется, что эти новые предостережения убедят как Турцию, так и Болгарию в бесплодности всякого уклонения от исполнения предъявленных им требований и заставят принять все зависящие от них меры к подавлению на Балканском полуострове смуты, которая может иметь для Оттоманской империи и княжества Болгарского лишь самые тяжелые последствия".

До сих пор полагали, что под влиянием тяжелых условий существования христианские народности Оттоманской империи с непобедимой ничем настойчивостью стремятся одна за другою вырваться на свободу, довольствуясь сначала приобретением элементарных прав, обеспечивающих им возможность жить, и что поборошь стремление это никакая сила в мире не сможет. С этой точки зрения и македонский вопрос являлся вполне естественною эволюциею, причем задача Европы сводилась лишь к тому, чтобы эта эволюция происходила, по возможности, спокойным и мирным путем. Полагали, наконец, что разрушение македонского вопроса применительно к только что названному стремлению христианских народностей Турции неотвратимо, что его можно отдалить, но не устранить, как бы хладнокровно Европа ни смотрела на совершаемые в Македонии ужасные преступления, и что в конце концов должна приобрести право на жизнь и родина славянских первоучителей, принесших православной Руси ни с чем не сравнимый драгоценный дар славянского Евангелия и богослужения.

Ныне же, как видно, все ставится на почву одних революционных планов, причем в лицо комитетов бросается тяжкое обвинение в том, что деятельность их основана на своекорыстных планах и что лишь путем жестокостей, насилия и террора старались они вызвать поголовное восстание в стране, стремясь увлечь и Россию в защиту своих несбыточных планов и, в особенности, образования "Болгарской Македонии".

Не подлежит, конечно, сомнению, что, по всей вероятности, существуют веские доказательства, заставившие наше правительство не только взвести названные обвинения, но и стать в некоторое противоречие с своим же сообщением от 30 ноября 1902 года, в котором ожидаемое на весну восстание объяснялось возрастающим недовольством среди православного населения Турции и говорилось, что "дабы положить предел брожению, могущему повлечь за собою самые серьезные осложнения на всем Балканском полуострове, Императорским правительством... поручено российскому послу в Константинополе... представить соображения о не терпящих отлагательства преобразованиях в административном строе Македонии и настойчиво советовать турецкому правительству скорейшее применение таковых в целях улучшения быта православного населения"...

Действительность показала, что было несколько преждевременно считать, что действия держав уже увенчались на первых порах успехом, -- только на том основании, что "оттоманским правительством даны были местным турецким органам категорические приказания немедленно приступить к выполнению намеченных реформ" и что предстояла "очевидная вероятность успокоения христианского населения под влиянием начатых преобразований", так как, во-первых, существует громадная разница между турецкими категорическими приказаниями о проведении реформ и их действительным осуществлением, а во-вторых, восьмимесячный опыт с достаточною ясностью показал, что христианское население не могло успокоиться под влиянием начатых преобразований, провести которые турки, доколе они останутся турками, не в состоянии, даже если бы они искренно желали сообразоваться с программой, выработанною державами. Причины тому, были изложены мною в свое время (См. "Русский Вестник" февраль и март 1903 г.).

Что же касается до несбыточности планов вожakov македонского восстания, добивающихся для своей родины автономного устройства, то в свое оправдание вожаки эти, пожалуй, могли бы указать, что первоисточником их планов является XXIII ст. берлинского договора, подписанного всеми великими державами.

Если наше правительство в прошлом году так настойчиво рекомендовало скорейшее изменение условий быта православных в Македонии, то из этого само собою вытекало, что условия эти достигли той степени негодности, что были вполне достаточны, чтобы объяснить македонскую смуту естественными

причинами, не примешивая никаких своекорыстных планов или террора со стороны каких-либо посторонних поборников.

Последовавшее затем изменение оценки характера македонского брожения и предположение о проекте "Болгарской Македонии" тем поразительнее для не посвященного в тайны дипломатии читателя, что в печати появились сведения, как бы идущие вразрез с новыми взглядами, выраженными в правительственном сообщении 11 сентября настоящего года.

Не буду говорить о приведенном выше отзыве болгарского министра-президента, но нельзя обойти молчанием происходившую в Петербурге беседу с профессорами Милетичем и Георговым, делегатами внутренней македонской организации.

Милетич прямо заявил, что македонское восстание, возникшее исключительно на почве невыносимости положения местных христиан, было организовано внутренним македонским комитетом, так называемую "Внутреннюю организацию", представляющую, в данный момент, единственную реальную силу, с которою приходится считаться в македонском вопросе. "Именно ввиду этого, -- сказал он, -- нас крайне удивляют претензии болгарского правительства, которое не имеет никакого фактического и юридического основания вести переговоры с Турцией о прекращении военных действий. Болгария приписывает себе какое-то влияние в лагере внутренних, которого она вовсе не имеет. Таким образом, княжество только поддерживает распространенное в Европе заблуждение, будто восстанием все еще руководят существовавшие в Болгарии комитеты" ("Новое Время" 15 сентября 1903 г.)

Затем, как заявил корреспонденту "Temps" один из влиятельных македонцев: "Македонцы не желают турецко-болгарской войны, так как она придала бы македонскому вопросу окраску вопроса болгарского, что только повредило бы ему, в особенности в случае победы Болгарии.

Македонцы хотят автономии, добытой путем вмешательства Европы в их пользу. Они не хотят ни раздела, ни присоединения к другому государству. Единая Македония для македонцев -- ничего больше".

IV.

С представлениями, сделанными державами в Константинополе и Софии, совпали непосредственные переговоры между Турцией и Болгарией, почин которых исходил, по-видимому, от султана; болгарское правительство в свою очередь отозвалось на них в благоприятном смысле и сообщило вместе с тем свои условия, которые заключались в следующем: 1) немедленное прекращение резни в Македонии и адрианопольском вилайете, 2) прекращение военных действий против чет, 3) отзыв турецких и болгарских войск от границы, 4) свободное возвращение беженцев из Болгарии в Турцию, 5) амнистия политических преступников и освобождение всех заключенных, 6) реформы, общинного управления в Македонии в духе автономии болгарских общин, 7) реформы системы сбора налогов, и 8) учреждение болгаро-турецкой комиссии для мирного улажения конфликтов и постепенной разработки реформ. Комиссия должна была состоять из четырех или более лиц, из которых половина будут болгары, назначаемые болгарским экзархом.

Местопробывание комиссии будет в Софии, а в Константинополе при султанине будет состоять болгарский представитель комиссии. На комиссию возлагается забота о водворении беженцев и восстановлении их разрушенных жилищ, разработка вопросов о сельской полиции, о школьном и церковном самоуправлении и о коренном преобразовании податной системы; комиссия же примет на себя обязанности мирового суда по имеющим возникнуть недоразумениям.

Чрезвычайный совет турецких министров обстоятельно обсудил болгарскую ноту, а 10-го сентября турецкий комиссар в Софии заявил министру-президенту Петрову, что султан принимает болгарские предложения для мирного улажения македонского вопроса: возражение относилось лишь к невозможности назначения нетурецких членов комиссии болгарским экзархом, так как в таком случае могли быть предъявлены аналогичные требования со стороны вселенского патриарха, Сербии и Румынии. Между тем, в этом-то возражении и заключалось указание на то, что, вступив в непосредственные переговоры с Болгарией, Порты хотела лишь ускользнуть от необходимости проводить потребованные державами реформы и оттянуть время, чтобы, во первых, завершить сосредоточение войск и подвинуть, насколько возможно, начатое ею дело истребления македонских христиан и чтобы, во вторых, воспользовавшись предложениями Болгарии, повернуть их против самой Болгарии. Все предположенное ею Порты не замедлила исполнить с присущим ей мастерством, противопоставив и в этом случае одну из подвластных ей народностей другой.

В то время как болгарские министры уже торжествовали победу, кичась тем, что им удалось уладить в интересах Болгарии македонский вопрос, над решением которого бесплодно бьются великие державы, -- 12-го сентября было обнародовано султанское ираде об учреждении смешанной комиссии, в состав которой, вместо намеченных Болгарией только турок и болгар, входят два мусульманина и по одному турецко-подданному болгарину, греку и сербу. Вдобавок, вместо того, чтобы быть самостоятельным учреждением, с пребыванием в Софии, новая комиссия обратилась в простой совещательный орган при главном инспекторе Хильми-паше, с местопребыванием в Битолии. К довершению всего, члены комиссии были, по распоряжению султана, назначены из числа членов местного меджлиса (управительного совета), т. е. из лиц, уже давно обратившихся в бессловесные орудия турецких властей.

Одновременно с тем турки устроили болгарам еще и другую крупную неприятность, а именно, султан издал ираде, признающее сербскую национальность в Македонии, -- чего сербы добивались так долго и так упорно, -- и обещающее признать таким же образом и румынскую.

Распоряжение это может иметь для будущего Македонии очень крупное и неблагоприятное значение. Дело в том, что со времени взятия Константинополя, все подвластные туркам христиане были признаны входящими в состав греческого народа (*рум-миллети*) с официальным главою в лице вселенского патриарха. В 1870 году, с образованием болгарского экзархата, из рум-миллети были выделены в Македонии все признавшие над собою духовную власть экзарха; словом, все македонцы не турки и не греки были занесены в официальные списки под именем болгар, хотя между ними были и сербы, и куцо-влахи. Таким образом, для турок деление христиан было основано исключительно на вопросе исповедном. Нынешнее же султанское ираде ставит то деление на почву национальности, так как ни сербы, ни куцо-влахи своей автономной церкви в Македонии не имеют.

Практически, благодаря последовавшему признанию, македонские сербы, а вскоре, вероятно, и куцо-влахи приобретут право иметь свои собственные церкви и школы и тем укреплять свою национальность. Политически же, давая сербам и цыңцарам новые права, султан усиливает их самосознание, дает им могущественное средство борьбы, в особенности против болгар, и тем уничтожает болгарские претензии на исключительное преобладание в Македонии.

Следовательно, и новый опыт кабинета Петрова обойтись без России и войти с Турцией в непосредственное соглашение обещает принести Болгарин лишь горькие плоды.

Не обращая внимания на попытку Порты уклониться от исполнения требований держав, противопоставив им непосредственное соглашение свое с Болгарией, русский и австро-венгерский послы вручили Порте тождественные ноты, в которых указывается на многочисленные бесчинства турецких войск и на то, что много спустя после того, как восстанцы рассеивались, войска начинали обстреливание многих местностей, что служило только предлогом для грабежей и убийств мирных жителей, которых потом выдавали за восстанцев. В ноте указывается также на значительно ослабевшую дисциплину турецких войск. В заключение; послы энергично требовали скорейшего проведения реформ, угрожая, что, в противном случае, Порты, быть может, будет понуждена к проведению расширенной программы реформ.

По поводу этих обвинений Порты доставила послам подробный перечень случаев, в которых войска совершили насилия, а также перечень наказаний, которым подверглись виновные. Лишь один солдат, убивший в Прилепе офицера, мешавшего ему грабить, был приговорен к смерти, а другой, убивший в Велесе христианина, -- к каторге, остальные 50 офицеров и солдат -- за грабеж, воровство, насилия над христианами были приговорены к кратковременному тюремному заключению, а большинство к переводу в войсковые части, расположенные в Багдаде, Иемене и Триполи; под следствием находятся еще 52 офицера и солдата и целые батальоны редифов из Призрена и 19-го полка низама.

В то же время, Порты ответила и на предшествующее сообщение России и Австро-Венгрии. Ответ ее написан в обычном турецком стиле, в изысканных фразах, звонкостью формы прикрывающих убожество внутреннего содержания. Порты говорит, что она вполне удовлетворена полученными ею заявлениями, дающими доказательство благожелательных намерений держав, и имеет твердое желание "гарантировать спокойствие и порядок на благо подданных, без различия религий и народностей. Верная своей политике, Порты будет наблюдать за полным осуществлением предложенных мероприятий и за исполнением приказаний, которые будут даваемы ею в интересах безопасности населения, охраны его имущества и применения нелицеприятного правосудия". Порты еще раз, однако, указывает, что "если установленная программа не могла еще до сих пор быть в точности выполнена, то в этом виноваты исключительно болгарские агитаторы, которые сделали всевозможные попытки, чтобы посредством

величайших злодеяний препятствовать деятельности властей и даже уничтожать ее. Подавление движения, для которого Турция должна была усилить войска, легко удалось бы, если бы в Болгарии не допускалось образование чет и переход ими границы. Четы, рассеянные в одном месте, проникали в другое и увлекали за собою население против его воли и интересов. Положение ухудшается болгарскими вооружениями и приготовлениями, призывом запасных, заказами оружия и предметов военного снабжения, а также военными реквизициями, постройкой мостов, имеющих стратегическое значение и другими мероприятиями, которые служили ободрением для зачинщиков беспорядков и вынуждали Порту к мерам противодействия. Мирные намерения Порты слишком хорошо известны, чтобы подвергать их сомнению. Но, несмотря на твердые обещания, данные в Софии, болгарское правительство продолжает вооружения. Поэтому державы, выказывающие такую же любовь к миру, должны были бы настаивать на том, чтобы Болгария действовала доброжелательно, исполняла свои обязанности, не допускала образования чет и перехода ими границы, прекратила военные приготовления и не препятствовала своим образом действий осуществлению намеченной программы. Порта очень благодарна державам за представления, уже сделанные в, Софии, и надеется, что державы будут настаивать на том, чтобы их намерения не оказывалось сопротивления".

В этот же период времени произошло в общественном мнении Англии усиление интереса к македонскому вопросу. Английские епископы в Дургэме, Вустере, Гарфорде. и Гибралтаре обратились в "Times" с горячим протестом против ужасов, совершаемых турками в Македонии и против бездействия держав.

17/30 сентября в Сент-Джемс-Голле, в Лондоне, собрался, под председательством епископа вустерского, большой митинг, на котором было прочитано письмо архиепископа кэнтерберийского. В нем архиепископ заявляет, что на стороне собравшихся весь английский народ, готовый употребить все могущественное влияние Англии для подавления тирании, хищничества и неурядицы на Балканах. Кроме того, были прочитаны сочувственные письма многих епископов и 39 членов парламента, в том числе Кэмпбеля-Баннермана и Грэй.

Митинг постановил следующую резолюцию:

1) Анархия в Македонии и неудача всех попыток ввести реформы под турецким контролем делают необходимым прекращение непосредственного владычества султана над македонскими провинциями.

2) Обязательства, взятые на себя Англией по берлинскому договору, требуют от нее, чтобы она предприняла энергические меры к прекращению постоянного грабежа и резни мирного населения и постаралась склонить другие державы-- участниц договора в пользу вышеуказанной политики.

3) Необходима скорая помощь для предотвращения голода и учреждение балканского комитета помощи нуждающимся.

В числе ораторов и участников митинга были представители всех партий и всех вероисповеданий.

За несколько дней пред митингом, архиепископ кэнтерберийский обратился к британскому министру-президенту с письмом, в котором выразил заботу членов англиканской церкви о том, чтобы не упущены были меры, могущие послужить к уменьшению страданий македонского населения. Бальфур немедленно ответил ему, что "он вполне разделяет чувства ужаса и возмущения, которые возбуждает современное положение. Он также вполне понимает желание, путем общественного митинга или иным каким-либо образом, открыто выразить порицание, как того заслуживают новейшие, достойные сожаления события. Если бы, однако, русско-австрийский проект реформ был Портой осуществлен и принят народностями, которых он касается, то мир не был бы свидетелем нынешних зверств". Далее, Бальфур, в весьма определенных выражениях, заявил архиепископу о необходимости солидарности с обеими наиболее заинтересованными на Востоке державами, так как они "обладают несравненно большим, чем кто-либо, влиянием на борющиеся силы на Балканском полуострове. Никакие другие нации или группы наций не были бы в состоянии совершить это дело успешнее их. Настоящее положение является одним из тех случаев, когда две державы представляются сильнее для проведения известных начал, чем три и где, на деле, всякое увеличение в числе участников означало бы соответственное уменьшение в силе воздействия".

Несмотря на всю категоричность подобных заявлений, рассчитанных, пожалуй, на то, чтобы столь выхваляемые Бальфуром Россия и Австро-Венгрия с своими проектами поглубже завязли в трясине македонской неурядицы, а также на то, чтобы побольше отвратить от России симпатии местного населения, британское правительство поручило своему послу в Константинополе О'Коннору передать

Порте, что ни Турция, ни Болгария не должны рассчитывать на поддержку Англии при явном или тайном сопротивлении их проведению русско-австрийской программы реформ. По мнению британского правительства, "реформы эти представляют минимум того, что следовало бы требовать. Предпринятые до сего времени меры к осуществлению реформ, даже допуская всю затруднительность положения, к сожалению, совершенно недостаточны. В дальнейшем следовало бы потребовать принятия более быстрых и действительных мероприятий по сравнению с теми, которые до сих пор принимали турецкие власти".

Одинаковое сообщение было сделано и болгарскому правительству, которое, не без основания, усмотрело в официальных заявлениях Англии некоторое колебание в вопросе об оценке русско-австрийского проекта и признаки того, что, при известных обстоятельствах, Англия при несомненно состоявшемся благоприятном македонцам повороте в английском общественном мнении и печати, намеревается выступить с своим собственным проектом уже более расширенных реформ. Радужные ожидания болгар усилились еще более под влиянием сообщения из Константинополя обыкновенно хорошо осведомленной "Frankfurter Zeitung" о том, что английская там дипломатия ежедневно и открыто поддерживает тот основной принцип, что прежняя программа реформ оказалась совершенно неудовлетворительной и что лишь автономия Македонии под управлением христианского генерал-губернатора может быть единственным действительным разрешением вопроса. По сведениям этой газеты, турецкий посол в Лондоне сообщил Порте, что английское министерство иностранных дел повторило ему то, что касается английских взглядов на этот вопрос, причем высказалось очень определенно и без всяких недомолвок.

V.

Убедившись, что февральский проект реформ для Македонии потерпел полную неудачу, Россия и Австро-Венгрия решили сделать шаг в сторону более расширенной программы реформ. Это решение облеклось в конкретную форму во время пребывания Государя Императора в половине сентября в Вене и Мюрцштеге.

Важное значение свидания нашего Государя с императором австрийским было подчеркнуто во время тостов на парадном завтраке, происходившем 17 сентября в Шенбрунском дворце. Император Франц-Иосиф в своем тосте упомянул, "что сердечность наших отношений многократно уже оказывала благотворное действие на политические отношения между нашими государствами, и я льщу себя надеждою, что и в этот момент совершенная солидарность во взглядах и в суждениях, связывающая нас, перед лицом прискорбных событий, театром которых служит почти весь Балканский полуостров, еще раз обеспечит успех тому действию, которое мы предпринимаем там с общего согласия, в интересах мира Европы".

В ответ на эту часть тоста Государь Император изволил произнести следующие слова:

"Наше сердечное соглашение и полная солидарность, имеющая результатом действие наших правительств, как сказали ваше величество, служат драгоценным залогом, успеха того великого дела миротворения, которое мы предприняли с общего согласия. Преследуемая нами гуманная цель исключает всякую партийность, и она должна быть достигнута с твердостью и настойчивостью средствами, наиболее пригодными для действительного и прочного умиротворения. Вместе с тем я надеюсь, что наши усилия будут также содействовать укреплению общего мира".

Некоторые крупные органы европейской печати, придавая выдающееся значение тостам, которыми обменялись оба монарха, в то же время выразили опасение, что осуществление австро-русской миролюбивой политики встретит на Балканском полуострове почти неодолимое сопротивление в местных условиях и что балканский узел настолько запутался, что его теперь можно лишь разрубить, но не распутать.

Результатом совещаний между русским и австрийским императорами, а также между их министрами, графом Ламздорфом и графом Голуховским, сначала в Вене, а потом в Мюрцштеге, явилась нижеследующая телеграмма, отправленная 20 сентября российскому и австро-венгерскому послам в Константинополь:

"В последнее время вы были уполномочены сделать заявление, что Россия и Австро-Венгрия неуклонно продолжают предпринятое ими дело умиротворения, придерживаясь выработанной в начале года программы, несмотря на возникшие затруднения к ее осуществлению.

Действительно, в то время как с одной стороны революционные комитеты возбуждали беспорядки и препятствовали христианскому населению трех вилайетов оказать содействие к выполнению реформ, с другой -- органы Блистательной Порты, на коих возложено было применение таковых, вообще не проявляли в данном случае желательного усердия и не прониклись истинными целями, положенными в основу этих мероприятий.

Дабы явить доказательство их твердой решимости настоять на полном осуществлении помянутых реформ, принятых Портою и имеющих целью обеспечить общую безопасность, оба правительства условились относительно более действительных способов контроля и надзора. Вы без замедления получите точные указания по сему предмету.

Если с одной стороны оба правительства вполне признают право и обязанность Блистательной Порты подавлять беспорядки, вызванные злоумышленною агитациею комитетов, то с другой -- они не могут не сожалеть, что это подавление сопровождалось насилиями и жестокостями, от которых страдало мирное население. Ввиду сего они считают настоятельно необходимым придти на помощь жертвам этих прискорбных событий, и вышеупомянутые инструкции вам укажут в подробностях на способы помочь лишенным всяких средств к существованию жителям, облегчить возвращение их на места и озаботиться восстановлением сожженных селений, церквей и школ.

Правительства России и Австро-Венгрии питают твердую надежду, что их непрестанные усилия достигнут намеченной цели прочного умиротворения в потерпевших от смут областях, и убеждены, что их вполне беспристрастные советы будут приняты всеми, кого они касаются".

Текст тождественной телеграммы был официально сообщен кабинетам лондонскому, парижскому, берлинскому и римскому и встречен был ими с решительным одобрением, тем большим, что, по словам венских газет, она способна была рассеять все подозрения относительно того, что в Петербурге или Вене преследуются честолюбивые или эгоистичные цели.

Упомянутая в телеграмме тождественная инструкция была вскоре затем сообщена г. Зиновьеву и барону Каличе, которые, согласно ей, сделали Порте 9 прошлого октября соответствующее представление. Важный документ этот заключает в себе следующие пункты:

"1) Для установления контроля над деятельностью местных турецких властей по приведению в исполнение реформ назначить при Хильми-паше особых гражданских агентов от России и Австро-Венгрии, которые будут обязаны всюду сопровождать главного инспектора, обращать его внимание на нужды христианского населения, указывать на злоупотребления местных властей, передавать ему соответствующие представления послов в Константинополе и доносить своим правительствам обо всем происходящем в стране.

В помощь этим агентам могли бы быть назначены секретари и драгоманы, которым будет поручено выполнение их приказаний и дано разрешение объезжать округа для опроса жителей христианских селений, наблюдения за деятельностью местных властей и т. д.

Ввиду того, что задача гражданских агентов будет состоять в наблюдении за введением реформ и умиротворением населения, их полномочия прекратятся через два года после назначения.

Высокая Порта должна предписать местным властям всячески облегчать этим агентам выполнение порученной им задачи.

2) Так как реорганизация турецкой жандармерии и полиции является одною из наиболее существенных мер к умиротворению края, то необходимо немедленно же потребовать от Порты приведения в исполнение этой реформы.

Принимая, однако, во внимание, что приглашенные уже для этой цели несколько шведских и других иностранных офицеров вследствие незнания языка и местных условий не могли принести соответственной пользы, то в первоначальном проекте желательно сделать некоторые изменения и дополнения:

а) Задача реорганизации жандармерии в трех вилайетах будет возложена на генерала иностранной национальности, на службе императорского оттоманского правительства, к которому могли бы быть прикомандированы военные чины великих держав; им будут поручены отдельные районы, на пространстве коих они будут действовать, как контролеры, инструкторы и организаторы. Таким образом, они вместе с тем в состоянии будут наблюдать за образом действий войск по отношению к населению.

б) Эти офицеры могут, если это им представится необходимым, просить о прикомандировании к ним некоторого числа иностранных офицеров и унтер-офицеров.

3) Как только обнаружено будет умиротворение страны, тотчас же потребовать от турецкого правительства изменения территориального разграничения административных единиц в видах более правильной группировки отдельных народностей.

4) Одновременно предъявить требование о преобразовании административных и судебных учреждений, в каковые желательно было бы открыть доступ местным христианам, содействуя при этом развитию местного самоуправления.

5) Немедленно учредить в главных центрах вилайетов смешанные комиссии, образованные из христианских и мусульманских делегатов в равном числе для разбора дел по политическим и иным преступлениям, совершенным во время смут.

В комиссиях этих должны участвовать консульские представители России и Австро-Венгрии.

6) Потребовать от турецкого правительства ассигнований. особых сумм:

а) для водворения на места их прежнего жительства христианских семейств, укрывшихся в Болгарии и в других местностях;

б) на выдачу пособий христианам, лишившимся крова и имущества;

с) на восстановление жилищ, храмов и школ, разрушенных турками во время восстания.

Комиссии, в коих будут заседать видные представители христианского населения, будут заведовать распределением этих сумм. Консулы России и Австро-Венгрии будут наблюдать за их расходованием.

7) В христианских селениях, выжженных турецкими войсками и башибузуками, водворенные жители освобождаются в течение года от уплаты всяких налогов.

8) Оттоманское правительство возобновит обязательство без малейшего замедления ввести реформы, упомянутые в проекте, выработанном в феврале нынешнего года, так равно и те, на настоятельность коих будет указано впоследствии.

9) Так как большая часть насилий и жестокостей была совершаема илавэ (редифами второго разряда) и башибузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены, и чтобы безусловно не было допускаемо образование шаек башибузуков".

Хотя новые требования России и Австро-Венгрии, по сравнению с февральским проектом этих держав, делают попытку подчинить проведение реформ более действительному контролю, тем не менее, для лиц, знакомых с Македонией и турецкими порядками, представляется почти несомненным, что и новому проекту предуготована та же неудача, что и первому, так как к иному результату и не может придти вопрос, с самого начала поставленный на ложный путь.. Худосочное детище, появившееся на свет на берегах Босфора, с самого рождения обречено было на преждевременную смерть, какими бы лекарствами его ни пичкали и к каким бы светилам медицинской науки ни обращались. Точно также и местные наблюдатели и вообще люди, знающие местные обстоятельства, критически разбирая новую программу, приходят к убеждению в ее искусственности и полной непригодности к устранению зол, гнетущих христианское население Македонии.

Ныне созданные гражданские агенты держав при главном инспекторе реформ, по поставленным им рамкам деятельности, едва ли смогут быть чем-либо иным, как официальными соглядатаями за Хильми-пашою, без всякой действительной власти изменить что-либо в условиях, препятствующих осуществлению турками задуманных реформ. Придерживаясь последней посольской инструкции, этим агентам надлежит быть контролерами, но, чтобы контролировать и наблюдать, надо иметь что контролировать, а в Македонии нет ни серьезно поставленной администрации, ни законного, справедливого распределения и сбора налогов.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь два примера. Основной налог десятинный -- источник злключения для местного населения: результатом его является, что турецкое правительство получает мало, население платит много, а богатеют только сборщики десятины.

Другой налог -- сбор за патенты на право торговли, устанавливаемый номинально целою комиссиею, на деле собирается переходящими из лавки в лавку агентами, с которыми принято торговаться. Конечно, это открывает широкую дверь всевозможным злоупотреблениям, а в государственную казну попадает очень немного. Вообще можно сказать, что в Турции нет налогов, которые давали бы определенный доход, и на основании которых можно было бы установить бюджет. Между тем, Ильдиз-киоск постоянно требует денег и каждый генерал-губернатор, зная, что он лишится места, если не исполнит этого требования, выбирает из правительственных касс все деньги, а чиновники

и войска сидят без жалованья. А между тем всем им надо жить, надо кормить своих детей. И вот они добывают себе источники существования, где и как могут, При хроническом безденежье турецкой казны и при заведомом неумении Порты разумно распорядиться и теми средствами, которые ей поступают, описанный только что порядок будет постоянным препятствием к установлению в крае правильной администрации в европейском значении этого слова, а при таких условиях мыслимы ли какие-либо реформы? Кроме того, и повсюду реформы стоят дорого, предпринимать же их без средств значило бы уподобляться страусу, прячущему голову. Требовать эти средства со всего населения оттоманской империи с целью доставления улучшенных способов существования одной лишь части этого населения, обитающей в Македонии, было бы противно правилам общей справедливости, да и не привело бы ни к чему, так как собранные средства по дороге заблудились бы и никогда не дошли бы по своему прямому назначению. Нужные на преобразования в Македонии средства должны быть и могут быть доставлены Македонией, но не тогда, когда во главе управления будет стоять турецкий сановник, какими бы талантами или честностью он лично ни обладал. Желаемые средства найдутся лишь тогда, когда во главе области будет стоять назначенный державами христианский генерал-губернатор, опирающийся на автономные учреждения края.

По пункту 1-му инструкции, гражданские агенты повсюду сопровождают главного инспектора, обращают его внимание на нужды христианского населения, указывают на злоупотребления местных властей, передают ему соответствующие представления послов в Константинополе и доносят своим правительствам обо всем происходящем в стране. Из этого ясно, что, не имея никакой исполнительной власти, они являются лишь совещательным органом, все значение которого будет зависеть от того, насколько главному инспектору будет угодно прислушиваться к их советам, а если он не захочет сообразоваться с указаниями и требованиями состоящих при нем агентов? Тогда они обратятся с жалобой к своим послам, послы сделают по этому поводу представления Порте и весь дипломатический аппарат окажется таким образом пущенным в действие; начнутся дипломатические переговоры, а хитроумные Улииссы из Ильдиз-Киоска уже издавна искусились по части изобретательности в придумывании способов, как затянуть всякие переговоры и как известить противника измором.

Помимо того, помещенные в инструкции атрибуты гражданских агентов представляют из себя почву, в высшей степени удобную для нескончаемых пререканий.

Зная, что реформы для Македонии навязаны султану державами, очень допустимо предположение, что Хильми-паша сделает все от него зависящее, чтобы, рассыпаясь на словах в всевозможных приятных для Европы уверениях, на деле не предпринимать ничего для устранения препятствий, мешающих проведению реформ. Если, пользуясь предоставленным ему правом, главный инспектор будет по каждой мелочи обращаться в Порту, а та будет посылать ноту за нотой представителям России и Австро-Венгрии в Константинополе, ведь тогда может образоваться бумажный поток, который буквально затопит оба посольства, тем более что раз вопрос сделался предметом ноты, дело обращается в предмет, требующий "всестороннего обсуждения", для чего, как известно, необходим большой промежуток времени, а это-то и есть то, чего Порты всегда добивается при всех своих недоразумениях с Европою, твердо веруя в справедливость изречения, что "время -- лучший врач". Из-за каждого мелкого факта создастся целая дипломатическая переписка, легко могущая перейти в дипломатический инцидент, возбудить который, при некотором желании, всегда очень легко, но уладить его бывает зачастую сопряжено с едва преодолимыми трудностями. В конце концов, оба посольства будут подавлены массой набросанного на них Портою материала и окажутся в ближайшем будущем бессильны с ним справиться, не говоря уже о том, что все это повлечет за собою потерю времени, драгоценного для спокойствия Македонии и самой Европы.

Если бы вопросы, связанные с Востоком, разрешались не теоретиками, то, конечно, было бы обращено внимание на подобные практические неудобства, которые нетрудно предвидеть и которые, по всей вероятности, сведут на нет плоды многомесячных дум русско-австрийских дипломатов.

Благие результаты от деятельности гражданских агентов могли бы получиться лишь при такой постановке вопроса, при которой все недоразумения и конфликты разрешались бы на месте, властью и полномочием тех лиц, которым, доверием их правительств, поручен надзор по проведению реформ в Македонии. Тогда посольства в Константинополе не должны были бы быть инстанциями, решающими каждый мелочный единичный случай, а направляли бы лишь принципиальную деятельность гражданских агентов, намечая её лишь в главных линиях.

Что касается до возлагаемой ныне на турецкие власти обязанности всячески облегчать гражданским агентам исполнение возложенной на них задачи, то не надо быть пророком, чтобы

предсказать, какого сорта будет это облегчение, так как примеры того мы могли видеть в поголовном арестовании всех, кто имел неосторожность войти в сношение с г.г. Машковым и Мандельштамом, во время известных поездок их по краю.

По 2 пункту инструкции нельзя не заметить, что кадры вновь организуемой жандармерии будут состоять из слишком разнородных элементов для того, чтобы можно было рассчитывать на успешные результаты нового мероприятия. По слухам, во главе жандармерии будет поставлен германский: генерал, в помощь ему будут даны два штаб-офицера -- русский и австриец: всего будет приглашено иностранных офицеров 56 и унтер-офицеров 300, но распределение их по национальностям и подданству между различными великими державами еще не установлено. Преобразование македонской жандармерии будет, как слышно, стоить около трех миллионов франков в год.

Лично, македонцам, как говорят, неприятно, что начальником жандармерии будет немец, так как им неизвестно, что германский посол все время советовал султану самое суровое и беспощадное подавление восстания.

Можно быть заранее уверенным, что пункт 3 инструкций встретит, и нельзя сказать, что без основания, ожесточенное сопротивление со стороны Порты, которая искони старалась отнюдь не давать ясно очерченных территориальных границ для какой-либо народности, дабы тем, по возможности, затормозить стремление этой последней к политической самостоятельности. Особенно строго следовала она этому правилу с начала XIX века, когда именно начался расцвет идеи о национальностях и когда лишь путем применения такой предупредительной системы возможно было поддерживать некоторое механическое сцепление между отдельными частями этого точно из разноцветных лоскутьев сшитого одеяла, какое представляет из себя Оттоманская империя. Затем, при страшной чересполосице народностей в Турции, причем зачастую одна лишь вкраплена в другую, не вижу практических способов, как можно было бы "разграничить административные единицы в видах более правильной группировки отдельных народностей". Если же дело идет лишь о разграничении Македонии и Старой Сербии, то более простая фраза давала бы, как кажется, более ясное понятие о том, что, собственно говоря, имели в виду державы.

Четвертый пункт нынешнего проекта реформ имеет, по-видимому, все шансы, чтобы остаться лишь красивою фразою, так как для осуществления предположенного преобразования местных административных и судебных учреждений в желаемом державами духе нужно, чтобы изменилась самая сущность турка, как человека, или же чтобы в качестве высшей в крае власти была поставлена власть христианская, как, например, это существует в Крите или на Ливане, или как это было в Восточной Румелии.

Допущение христиан в административные и судебные учреждения не есть что-либо новое, только теперь найденное Россией и Австро-Венгрией, -- оно существует в Турции со времени Гюльханейского хатти-шерифа 1839 года и всем известно, какое ничтожное положение занимают в этих учреждениях христианские члены. Ранее ("Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии", гл. II. "Русский Вестник", февраль и март 1903 г.), я имел уже случай подробно говорить о причинах такого явления и теперь повторю, что относительно преобразования административных и, в особенности, судебных учреждений, в смысле привлечения туда христиан, можно от турок требовать на бумаге чего угодно, но пока не будет сломлен мусульманский дух, -- дух завоевателя, не допускающего равенства с завоеванным, -- до тех пор из этих требований не выйдет ничего, кроме праздных, бумажных обещаний.

Переходя к заключительным пунктам расширенной программы реформ, нельзя не заметить, что непосредственное участие консулов в предусмотренных этими пунктами комиссиях бесспорно упорядочит деятельность этих последних, только интересно было бы предварительно знать, откуда Турция, не могущая целыми месяцами уплачивать жалованье своим служащим и солдатам, возьмет крупные суммы на пособия беженцам и на восстановление школ и церквей?

Из всего приведенного выше следует, как мне кажется, с достаточною ясностью, что было бы слишком большим оптимизмом предполагать, что и второй русско-австрийский проект в состоянии обеспечить умиротворение Македонии и Старой Сербии. Все свидетельствует, напротив, о том, что новые стремления держав разобьются о скрытое сопротивление султана, а также и о том, что турецкими руками немислимо проводить реформы в несчастных, ныне вконец разоренных и опустошенных македонских вилайетах.

Не лишне по этому же поводу привести мнение "Нов Века", правительственного органа нынешнего болгарского кабинета. Он заявляет, что хотя русско-австрийская нота о контроле и представляет известный шаг вперед, тем не менее, русско-австрийское детище -- мертворожденное. В

качестве поводов к такому приговору "Нов Век" указывает, что, во-первых, в ноте не упоминается об общей амнистии и что во-вторых "предполагаемый контроль будет фиктивный, потому что договорившиеся державы стремятся не к прочному замирению Македонии, но лишь к предлогу для вмешательства в турецкие дела".

VI.

В течение нескольких дней, предшествовавших вручению послами ноты о принятых в Мюрцштеге решениях, Порты старалась создать такие условия, которые доказывали бы, что в вмешательстве и контроле держав надобности более не представляется. Так, она снова сделала вид, что желает договориться непосредственно с Болгарией, и всячески старалась облегчить миссию Начевича, вторично присланного в Константинополь.

Первый пункт их переговоров касался обоюдной демобилизации, причем Турция обязалась бы распускать двойное против распускаемого Болгарией количество войск, каждый раз как княжество прибегнет к подобной мере. Но распушение на первых же порах затормозилось вследствие нарушения болгарской границы у Караманицы турецкими войсками, которые, в числе одного батальона, перешли границу напали на болгарский блокгауз и ограбили одно селение.

Другой важный вопрос, о котором рассуждала Порты с Начевичем, касался водворения на родину беженцев и получил совершенно неожиданное для болгар разрешение, вместо смешанной турецко-болгарской комиссии, дело это было поручено комиссии из немцев -- этим "турецким друзьям", к которым беженцы относятся с довольно малым доверием.

Внутри Македонии султан обнародовал широковещательное ираде, предписывающее Хильми-паше и всем высшим сановникам в Македонии быстрое и точное применение требуемых державами реформ. Документ этот слишком длинен, чтобы приводить его здесь, но он может служить любопытным образцом изворотливости турецкой дипломатии, желающей отделаться общими фразами. Областным финансам уделен 4-й пункт; даваемое Хильми-паше приказание изложено дословно так: "Обеспечить текущие расходы и при содействии министерства финансов изыскать средства для уплаты чиновникам жалованья".

Сам Хильми-паша в разговорах с иностранными корреспондентами порадовал их известием, что реформы им уже проведены почти полностью и в Македонии царит правосудие.

Что касается зверств, совершенных турецкими войсками, Порты официально и категорически их отрицает, забыв, что несколько времени пред тем, она сама сообщила русскому и австрийскому посольствам длинный список офицеров и солдат, осужденных судом за насилия; по теперешним ее уверениям, все разрушения, убийства и истязания совершили восстанцы и в таком смысле приказано населению подавать адреса с выражением благодарности войскам.

Тем не менее, несмотря на все турецкие успокоительные заверения, державы настаивали на получении от Порты ответа: она медлила долго, то обсуждая русско-австрийскую ноту в обыкновенных и чрезвычайных советах министров, то распространяя умышленно слухи, что следует ожидать оппозиции против программы реформ со стороны мусульман и что правительству придется считаться с подобной оппозицией. И действительно, чья-то невидимая рука расклеила в большей части константинопольских мечетей объявления, возбуждающие население против намерения ввести в Македонии европейский контроль. В то же время Порты поручила по телеграфу своим посольствам собрать сведения об истинном настроении кабинетов, в тайной надежде найти себе поддержку в какой-либо из великих держав, но надежда эта осталась тщетной. Вследствие этого, она послала 21 октября русскому и австро-венгерским послам обширный ответ, в котором, уведомляя о получении "дружественных советов" держав касательно реформ, удостоверяет, что часть их приведена в исполнение. К полному проведению реформ препятствием служит деятельность революционных комитетов. Порты ответила не по пунктам: определенно она высказалась лишь по двум пунктам о распушении батальонов илаваз и об освобождении разрушенных селений на год от уплаты налогов; главнейшие же пункты обойдены ею молчанием, хотя косвенно, вместо контроля, она намекает на другой способ его, словами: "русский и австрийский консулы усвоили себе привычку делиться имеющимися у них сведениями с главным инспектором, Хильми-пашой, который, в свою очередь, сообщал консулам свои сведения об успехах реформ. Было бы желательно сохранить и впредь это дружественное общение; так как полномочия главного инспектора продолжатся еще два года, то несомненно, что за это время все будет приведено в порядок и введение реформ будет закончено".

Относительно пособий говорится: "Хильми-паша будет заведовать распределением денег на пособия пострадавшим, причем это распределение будет производиться под надзором назначенной султаном комиссии из представителей различных национальностей".

Наконец, по двум другим вопросам, затронутым в ноте держав, Порты высказывается: "что касается группировки общин по национальностям, то Османское правительство полагает, что выполненные уже реформы для общин вполне достаточны. Точно так же и в деле преобразования судебных учреждений, правительство находит, что существующие законы вполне соответствуют нуждам страны".

Ответ Порты признан был в Константинополе неудовлетворительным, а в венских дипломатических сферах возбудил большое негодование, так как он почти совершенно игнорирует мюнхенские соглашения.

28 октября русский и австро-венгерский послы повторили снова требование от Порты ответа на их предыдущую ноту, причем заявили, что последние их предложения относительно реформ отвечают интересам самой Турции и тем более приемлемы, что в данном случае речь идет лишь о временных мероприятиях. Вместе с тем, послы высказали твердую надежду на то, что Порта исполнит эти требования в кратчайший срок.

Требования русского и австрийского послов были поддержаны представителями всех остальных великих держав в Константинополе, а официальная "Kolnische Zeitung" напечатала тогда сообщение, что "Германия всегда защищала ту точку зрения, что Порте лучше войти в соглашение с Россией и Австро-Венгрией, так как иначе, с другой стороны ей могут быть поставлены еще более тяжкие условия".

Султан оказал по отношению к настояниям договорившихся держав большое сопротивление: в особенности пугал его первый пункт программы, принятие которого, по его мнению, узаконило бы вмешательство европейских держав в внутренние дела Турции. Он сделал всевозможные попытки добиться некоторых изменений обоих первых пунктов требований держав: он обращался и к Государю Императору, и к императору Францу-Иосифу, и от обоих Монархов получил решительный совет принять требования ноты в виду того, что иного исхода не остается.

Истощив все средства борьбы, Порта прислала, наконец, 12 ноября следующее сообщение: "Блистательная Порта получила и изучила меморандум, врученный ей г. Зиновьевым и бароном Каличе 9 октября. Она принимает к сведению как данные ей заверения относительно полной охраны ее верховных прав, сохранения status quo и уважения к авторитету и престижу империи, так и заявления, касающиеся временного, ограниченного двухлетним сроком, характера дополнительных мероприятий, проектированных в целях обеспечения осуществления принятых в феврале месяце, по предложению обоих правительств, реформ, которые Порта продолжает лояльно исполнять.

Блистательная Порта заявляет, что она принимает в принципе девять пунктов, приведенных в меморандуме, сохраняя за собою право войти в переговоры для достижения соглашения о подробностях их применения и согласования первого и второго пункта с независимостью, верховными правами, престижем правительства и status quo".

Итак, Порта, достойная продолжательница приемов византийской дипломатии, приняла программу договорившихся держав лишь в принципе, да еще притом первые два важнейшие пункта ноты должны подлежать переговорам, вследствие чего и вопрос о настоящем, а не принципиальном только их принятии может затянуться ad calendas graecas, когда, пожалуй, в Македонии не останется ни одного христианина. Да и весь ответ Порты проникнут недомолвками, оговорками, лазейками, -- недаром редактором его был грек родом, Александр Каратеодори-паша, -- и, право, кажется, что достигнутый русско-австрийскою дипломатиею результат не находится в соответствии с употребленными на получение его усилиями. Довольно правильно определяет значение этого ответа газета "Temps", которая восхищается "ловкостью Турции, избравшей золотую середину. Решительный отказ мог бы повести к полному разрыву отношений, полное согласие поставило бы ее в затруднительное положение. И вот, Порта заявила, что в принципе она принимает требования держав, но на деле оставляет за собою право оговорок относительно частных.

В Вене и Петербурге вежливо приняли этот ответ, -- говорит "Temps", -- но не потому, чтобы там создавали себе иллюзии. Ведь Бисмарк не стеснялся говорить, что когда он принимает предложение в принципе, это значит, что он на деле отказывает. Прецедент этот достаточно известен на берегах и Невы, и Босфора".

На самом Балканском полуострове все вообще глубоко убеждены, что только кажущееся принятие султаном австро-русского меморандума не улучшит должным образом положения в Македонии.

Под снежным покровом, брошенным теперь на эту область, восстание замерло, но весна не за горами и ожидают, что оно вспыхнет тогда снова, и с удвоенной силой. тем более что, по имеющимся сведениям, на этот раз все балканские государства готовятся к войне.

Турция делает большие заказы Круппу и увеличивает численность своей армии на 250,000 чел.; с этой целью только что изданным султанским ираде повелевается увеличить срок военной службы в регулярной армии с шести до девяти лет. а срок нахождения в запасе с восьми до девяти лет.

Болгария вооружается уже давно, а в последнее время выяснилось, что и Сербия имеет несомненное намерение принять деятельное участие в событиях, которыми разрешится нынешнее положение в Македонии. Утверждают, будто между Сербией, Черногорией и Болгарией идут теперь переговоры о заключении оборонительного и наступательного союза, так как правительства этих стран пришли к убеждению, что Турция не в состоянии будет выполнить требуемых от нее реформ, вследствие чего война весной сделается неизбежною.

Политический горизонт ближнего Востока все более и более заволакивается грозowymi тучами. Разгонит ли их какой-нибудь благодетельный и достаточно сильный ветер, или же наоборот, скопившееся в них электричество разразится страшным ударом, который потрясет все окрестные страны и гулко раскатится по всем концам земли, -- кто сможет это предсказать?

В Теплов.

27 ноября 1903 г.

Текст воспроизведен по изданию: Нынешний фазис македонского вопроса // Русский вестник, No 12. 1903

сетевая версия - Thietmar. 2009
OCR - Анисимов М. Ю. 2009

ТЕПЛОВ В.

Обзор внешних событий.

Македония.

I.

В начале декабря прошлого 1905 года в Софии собралась болгарская конференция по македонским делам, в которой принимало участие 296 делегатов, избранных от всей Болгарии. В программу конференции входило обсуждение дальнейшей деятельности в Македонии и изыскание способов для удовлетворения культурных нужд страны. Заключительная резолюция конференции гласила: "Ввиду того, что автономия Македонии и Адрианопольского вилайета является единственным практическим разрешением вопроса, которое может привести к успокоению балканских государств, конференция заявляет, что болгарская нация готова принести все жертвы для достижения этой цели. Являясь выразительницей глубокого негодования болгарского народа по поводу зверств, совершаемых греческими и сербскими четами, под охраной турецких властей, над болгарскими, борющимися за автономию Македонии, конференция приглашает болгарское правительство принять соответствующие обстоятельства меры. Конференция выражает благодарность всем лицам и корпорациям всех наций, работающим с целью добиться человеческих прав для своих братьев в Македонии и Адрианополе. Призывая междоусобную борьбу между вождями македонского движения, конференция советует им сплотиться на благо угнетенной страны".

Среди делегатов обнаружилось сильное желание, чтобы все партии принимали участие в контроле македонских организаций; для осуществления этого желания была создана новая всемакедонская организация, под названием "Благодетельный союз", в состав центрального комитета которой вошли 15 человек -- по 2 от семи существующих организаций и один социалист. Комитет будет собирать в Болгарии денежные суммы и обращать их в пользу македонцев с тем, однако, условием, чтобы революционеры действовали солидарно и отказались от денежных вымогательств и формирования чет.

Сосредоточение освободительного дела в одних руках давало повод предполагать, что болгары развернут отныне в Македонии более широкую деятельность, на самом же деле, на первый план выступили совсем другие элементы, тогда как Болгария приняла скорее сдержанное положение, быть может, в сознании опасности предпринять что-либо решительное в настоящий момент, когда естественная ее покровительница -- Россия волею судеб временно лишена свободы действий.

В 1903 году выдвинулось вперед афинское общество "Эллинизм", во главе которого стоит профессор Казазис. Он неутомимо читал ряд лекций о Фракии и Македонии и, опираясь на исторические моменты, а также на услужливую статистику национальности их жителей, изображал их, как преимущественно греческие, на которые греки имеют законное притязание, как на греческую долю наследства от разлагающейся будто бы Османской империи. Цикл своих лекций о правах греков на Балканском полуострове и в Македонии в частности Казазис заключил речью, полную раздражения и презрительных выражений по адресу болгар: "этих коварных убийц, поджигателей, потомков татар и монголов". Он энергично выступил против идеи автономной Македонии; Македония, по его уверениям, принадлежит не македонцам, а преобладающему там, как и везде на востоке, греческому элементу.

Пропаганда общества "Эллинизм" не замедлила принести плоды. Македонский капитан Аркудас, пробывший в Афинах несколько месяцев, мало-помалу собрал вокруг себя значительный отряд добровольцев, которые к весне должны были быть готовы, чтобы вооруженной силой противодействовать "болгарским насилиям и ужасам" в Македонии. В тех же видах был затем сформирован специальный критский отряд.

Захиревшие было под влиянием плачевного исхода греко-турецкой войны вождения греческих политиков стали постепенно передаваться и в более широкие массы. Последний толчок к возбужденному настроению греческого народа дала опубликованная тогда французская Желтая книга. Греки находили, что полное пренебрежение эллинских стремлений со стороны французской дипломатии и ее заботливость о болгарских и сербских интересах заключали в себе предостережение греческому народу и указывали, что близка опасность окончательной утраты Македонии.

В начале 1904 года в Афинах образовался тайный македонский комитет: огромный приток в него пожертвований позволил ему организовать свои отделения во всех городах восточной и южной Македонии, развившие среди местного греческого населения лихорадочную деятельность. С наступлением весны в Македонию стали прибывать из Греции одна за другою вооруженные шайки, начавшие свои неистовства над местным христианским населением славянского происхождения. Еще, вероятно, свежо в памяти у всех воспоминание о резне в деревне Загоричанах, где консульским следствием обнаружено было 60 трупов -- иные зверски изуродованных -- беззащитных стариков, женщин и детей. В 1905 году вышла Красная книга, названная "Fin d'annee rouge" и заключающая в себе болгаро-македонский мартиролог за 1904-5 гг. На стр. 20-78 перечислено 1.039 болгар, убитых за этот период времени. Относительно каждой жертвы указано совершенно точно имя, место и день убийства; поэтому заподозрить Красную книгу в преувеличении невозможно. Увеличение числа болгарских жертв ставится в ней в прямую связь с усилением греческой пропаганды огнем и мечом, в подтверждение чего Красная книга приводит некоторые документы. Так она воспроизводит найденный на одном из убитых, около Водены, крестьян циркуляр за №160 так называемой "Эллино-македонской защиты". Этот документ гласил: "Если вы, крестьяне села Пожарска, не отправитесь к епископу Воденскому в течение 48 часов и не заявите ему письменно, что вы отказываетесь от болгарской схизмы и возвращаетесь в лоно православно-греческой церкви, то я немедленно казню тех десятерых заложников, которых я захватил в вашем селе, а затем приду в ваше село, в сопровождении сотни товарищей, только что прибывших из Греции, и не оставлю в нем живым не только что человека, а кошки".

Другой документ аналогичного характера подписан начальником банды Костой Акритасом (псевдоним известного поручика греческой жандармской службы Спирос Милио) и обращен уже не к болгарам, а к главе румынской общины в Вери, Апостолу Хаджи-Гогу, и предписывает этому последнему, в пятидневный срок, под страхом смертной казни: 1) закрыть немедленно все румынские школы в Вери, Каливе и Доляне, 2) присоединиться к греческой церкви и 3) публично сжечь все богослужебные и школьные книги на румынском языке.

Эти данные подтверждались равным образом и из таких греческих источников, которые уже никак нельзя заподозрить в намерении очернить греков. Так, например, афинская газета "Проя" от 23 февраля в статье "Борьба в Македонии" писала: "Борьба против болгар должна быть проведена наступающей весной вплоть до окончательного истребления всех македонских болгар; это для нас вопрос национальной чести; иначе болгары назовут нас трусами и прогонят из Македонии". Другая афинская газета, описывая гнусное убийство одного престарелого болгарского священника в Кастории, изображала это злодеяние в таких выражениях: "...Тогда к нему пришел один храбрец-грек и собственноручно казнил его в собственном доме".

После банд, находившихся под командою запасных офицеров греческой армии, вскоре образовались организованные и прекрасно вооруженные шайки под предводительством греческих

офицеров, состоящих на действительной службе. Столкновение минувшей весной одной из таких шаек с турецкими регулярными войсками произвело огромную сенсацию, так как убитый в стычке предводитель четников оказался Павлом Меласом, двоюродным братом греческого министра-президента, братом депутата парламента и видным лицом афинского общества. Правительство при таких обстоятельствах могло лишь платонически отрицать свое участие в революционном движении в Македонии.

Положение болгар в Македонии было незавидно: всевозможные притеснения со стороны властей, грабеж со стороны войск, аресты учителей, закрытие школ, принуждение при народной переписи записываться греками, запрещение перехода под духовную власть экзархата -- все это подавляло их национальное чувство, лишало свободы вероисповедания и образования. Затем, постоянная опасность от греческих банд препятствовала свободе труда и передвижений и подрывала в конце благосостояние. Загоричане, Зеленичево, Луковец, и множество отдельных убийств окутали в траур и сделали нищими сотни болгарских семейств.

Под влиянием представлений держав, Порты несколько изменила свою политику и турецкие войска стали преследовать греческие банды более настойчиво, в результате явилось несколько стычек: несколько десятков "героев" было убито, остальные решили изменить тактику.

Признавая опасным и бесполезным бороться с турецкими войсками, они нашли более удобным оставить действия бандами и перейти к системе отдельных убийств -- "скрыть греческий героизм (как выразился один из греческих журналистов) под маской тайного убийцы и без шума терроризировать и подавлять обогарившиеся нации и принудить их оставаться спокойными". В тоже время высшее греческое духовенство и греческие консула в Македонии открыто поддерживали действующие в крае греческие четы и хранили для них в своих помещениях оружие и воинские припасы.

II.

Взаимно противоположные интересы болгар, турок, греков и сербов создавали в Македонии на редкость подобранный фон, на котором резкими чертами была набросана картина яростного соперничества между всеми этими национальностями. Судьбе было угодно усилить еще более сложность местного положения, введя в него один лишний повод к раздору в виде куцо-влахского элемента в Македонии и Эпире, слабого численно -- куцо-влахов не более 60,000 чел., -- но за спиною которого стоит Румыния, поддерживаемая империею Гогенцоллернов.

Усилия некоторых энергичных агитаторов -- вроде известного Апостола Маргарити -- содействовали пробуждению у куцо-влахов национального самосознания, первым последствием чего явилось желание пользоваться в своих церквах румынским языком и на том же языке вести преподавание в своих школах. Вселенская патриархия, вместо разумной уступчивости такому желанию, вполне естественному для всякой народности, признала нужным отлучать от Церкви тех священников, которые, уступая просьбам своих прихожан, начали служить литургию на румынском языке. Когда же Мюрцштегская программа реформ признала куцо-влахский элемент в качестве четвертой христианской народности Македонии, румыны выработали проект церковного обособления куцо-влахов.

В одной из моих предыдущих статей -- "Международная морская демонстрация против Турции" -- я подробно говорил, каким образом румынское правительство добилось обнародования султанского ираде, признававшего за живущими в Оттоманской империи куцо-влахами их собственную национальность и предоставившего им гражданские права, какими пользуются прочие немусульманские народности, а именно: употреблять свой язык в школах, совершать на том же языке богослужение, иметь мухтаров в своих общинах и представителей в административных советах вилайетов.

Велико было возбуждение греков, когда состоялось это султанское распоряжение, а вселенский патриарх прямо протестовал против ираде, заявив, что куцо-влахской общины или румынского вопроса в Македонии никогда не существовало.

В деле получения султанского ираде Россия оказала свою поддержку румынскому правительству.

В былые времена, когда для нас были ясны задачи наши на Ближнем Востоке и когда русская дипломатия не отягощала себя соглашениями с державами, преследующими там цели, диаметрально противоположные русским, Россия вела ряда войн и на костях своих солдат утверждала самостоятельность Молдавии и Валахии, -- во времена последующие она значительно удалилась от первоначального пути.

Обращаясь к истории наших дипломатических сношений с Румынией, мы, оставаясь беспристрастными, не можем не видеть, что сами виноваты в том, что румынские политические деятели в

большинстве проявляли мало склонности искать тесного сближения с Россией. Причиной тому были не одни дипломатические интриги и старания Европы, или личные симпатии ныне царствующей в Румынии прусской династии, а мы сами, потому что многократно и настойчиво проявляли явное нежелание оказывать нашу поддержку национальным стремлениям румын.

Всякий раз, когда интересы Румынии и Австрии приходили в столкновение, как напр. в вопросе о судоходстве по Дунаю, мы поддерживали Австрию. Мы не желали пользоваться тем естественным антагонизмом, который вызывается положением этих государств, и толкали Румынию в объятия Австрии.

В Трансильвании и Банате проживает свыше трех миллионов румын, громко и решительно протестующих против захватов мадьяризма и твердо отстаивающих свою народность. Но мы очень мало обращали внимания на вспышки национальных стремлений румын в этом направлении и вообще мало интересовались положением дел в Румынии.

Известный меморандум 14 мая 1881 года, подписанный 153 румынскими депутатами Трансильвании и Венгрии, вызвал ожесточенную полемику между мадьярскою и румынскою печатью. В Вене были сильно встревожены тем горячим сочувствием, с которым независимые румыны отнеслись к этому меморандуму.

Национальная борьба и антагонизм между румынами и мадьярами удостоверяются всеми беспристрастными наблюдателями и даже такими сочувствующими Австрии публицистами, как Лавелэ.

Действительно, чего может ожидать Румыния от Австрии, теснящей ее на Дунае и навязывающей ей свою экономическую эксплуатацию. Румыны не могут этого не понимать и, несмотря на все желание румынского правительства жить в ладу с Австриею, это течение официальной политики далеко не сочувственно народу, который живо интересуется судьбою своих соплеменников в Трансильвании и Банате.

В апреле 1884 года, когда австрийский наследник престола посетил Бухарест, официальные любезности приема не могли скрыть холодного отношения к гостю самого населения.

По случаю этого посещения, один из румынских публицистов ("Quinze mois de regime libérale en Roumanie"): "Король Карл обменивается дружескими тостами и обнимается с австрийским принцем, но эти официальные поцелуи не изгладят в румынских сердцах тяжелого чувства, вызываемого в них австрийскою политикой в отношении Румынии".

Распоряжение бухарестской полиции, требовавшей по случаю приезда высокого гостя, чтобы двери и окна домов города были украшены австрийскими флагами, вызвало уличные демонстрации и беспорядки среди студентов, протестовавших против выставки австрийских флагов.

Официальная политика ступевывала и всячески замазывала такие проявления национального чувства. Но уничтожить, вытравить его она не могла, как усердно над этой задачей ни работали европейские дипломаты.

Особенно, и не без успеха, агитировала против России в Бухаресте Англия, представители которой пугали румынских политиков призраком панславизма.

При царе Алексее Михайловиче Молдавия искала спасения и подданства России; в Тильзите Наполеон предлагал нам Дунайские княжества. Россия не желала их присоединения и создала постепенно из Молдавии и Валахии Румынию. Они соединились в 1859 году, несмотря на протесты Англии. Благодаря же нашей последней войне с Турцией, Румыния, сражавшаяся рядом с нами под Плевной, обратилась в независимое королевство.

Чувство благодарности в политике, конечно, играет весьма скромную роль -- взаимные интересы прочнее всякого рода иных побуждений соединяют народы. Такие именно реальные интересы и связывают нас с румынами. Если же эти последние несколько и отшатывались затем от нас, то это отчасти происходило от готовности нашей всем жертвовать ради соглашения с Австрией. Пора нам понять, что всякое такое соглашение только подрывает наше влияние и положение на Балканском полуострове и что, ради сомнительной дружбы с Австрией, мы не должны отказывать в поддержке национальным стремлениям всех балканских народов, сумев найти те рамки, в которых они могли бы, не мешая друг другу, развивать свою национальную деятельность.

Если бы наша дипломатия была проникнута не космополитическим, а русским народным духом, она, вероятно, так и поступала бы. К сожалению, действительность показывает иное. Дипломатическое наше ведомство и при новом руководителе обнаруживает общую, увы, русским теоретикам склонность стремиться к осуществлению, прежде всего, не более близких, непосредственных идеалов, а наиболее отдаленных. Так, судя по зловещим слухам, уже появившимся в печати, оно носит теперь с идеею соглашения с Англией, этим, в сущности, нашим непримиримым врагом, причинившим нам столько горя,

стоявшим нам повсюду поперек дороги, искусно завлекшим нас в им же подготовленную японскую западню, раздувавшим у нас пламя внутренней революции и почти в конец нас разорившим. Неуклонно преследуя свои собственные интересы, не останавливаясь ни перед какими этическими соображениями, Англии всегда удавалось находить иностранных дипломатов, которые поддавались ее гипнозу, что лишний раз доказывает, что, как человек, умеющий хотеть, подчиняет себе человека с расплывчатым характером, так и держава с ясно определенной политической программой и твердой волей осуществить ее во что бы то ни стало, всегда заставит плясать под свою дудку иностранных деятелей, постоянно колеблющихся и увлекающихся туманными целями всемирного блага и несуществующего братства народов. Достигнув неслыханного умаления своего политического соперника, оказавшегося не по временам благодушным, Великобритания, без сомнения, добивается теперь соглашения с ним, но по ей свойственному фасону, -- как плющ, который обвивается вокруг могучего некогда дуба, чтобы высосать последние остающиеся в нем соки. Едва ли, потому, скажет русский народ спасибо тому русскому дипломату, который, поддаваясь личным своим симпатиям, скрепит своею подписью акт, подтверждающий такое соглашение и сулящий России новые узы, вдобавок к тем, какие и без того опутывают тело, хотя и поверженного, но все еще внушающего страх богатыря.

III.

Счастливым отступлением от обычной политики по отношению к румынам было сделано еще при предшественнике г. Извольского, графе Ламздорфе и выразилось в давлении, оказанном русским представителем в Константинополе с целью сделать Порту более сговорчивой по отношению к румынским домогательствам в Македонии. Затем оно проявилось и в русском посредничестве по долго тянувшемуся греко-румынскому конфликту.

Из документов, опубликованных в греческой Белой книге, видно, что для разрешения конфликта с Румынией греческое правительство последовательно обращалось к посредничеству Австро-Венгрии, Франции и России. Посредничество гр. Голуховского оказалось, однако, безрезультатным. Франция, ввиду того, что со стороны Румынии не поступило заявления о желательности посредничества третьей державы, совершенно отказалась исполнить просьбу Греции, русское же посредничество постигла участь австрийского.

Греческий министр иностранных дел, Скузес, в письме греческому посланнику в Париже, Делианису, писал: "В октябре месяце русский посланник посетил моего предшественника Ралли и сообщил ему, что он уполномочен графом Ламздорфом предложить ему, на основании ст. 3-й гаагской конференции о международных пререканиях, чтобы греческое правительство уполномочило своего посланника в Петербурге Аргиропуло принять участие в совещаниях, под председательством гр. Ламздорфа и с участием румынского посланника в Петербурге, для обмена мыслей об окончательном улажении греко-румынского спора".

Далее, в этом письме говорится, что Ралли заявил русскому посланнику, что прежде, чем ответить на его предложение, он желал бы знать, насколько Румыния склонна придерживаться более или менее примирительного образа действий и даст ли она Греции удовлетворение за случившиеся в Румынии происшествия. Вопрос оставался открытым до возвращения в Афины уехавшего в отпуск русского посланника, сообщившего по своем возвращении греческому министру иностранных дел, что из полученного ответа румынского министерства иностранных дел видно, что не настал еще благоприятный момент для разрешения спора, так как Румыния продолжает придерживаться прежнего образа действий. Не находя возможным входить в оценку политики румынского правительства по этому вопросу и, с другой стороны, считаясь с фактом, что Румыния отклонила предложение дружеского посредничества, русское правительство -- заявил посланник -- считает свою миссию оконченной.

Так закончилась первая попытка посредничества России в греко-румынском конфликте, позднее была сделана вторая: министр Лаговари уведомил русское правительство, что Румыния готова примириться с Грецией на следующих двух условиях: во-первых, чтобы Греция приняла серьезные меры против разбойничьих шаек, которые формируются на ее территории, потом переходят границу, появляясь в Македонии, а во-вторых, чтобы Греция повлияла на вселенского патриарха в смысле признания им султанского ираде относительно живущих в Македонии куцо-влахов. Вне этих двух условий примирение абсолютно невозможно.

Греция не приняла румынских условий, и дипломатические сношения были прерваны: греческие подданные, проживающие в Румынии, были поставлены под покровительство русской миссии в Бухаресте, румынские подданные, проживающие в Греции -- под защиту итальянской миссии в Афинах.

В начале текущего года румынская миссия в Константинополе, поддерживаемая в своих настояниях посольствами некоторых великих держав, добилась от Порты отправления в Эпир специальной комиссии, чтобы на месте исследовать основательность румынских жалоб на эпирских греков.

Румынское правительство заявляло: 1) что греческие банды угрозами и насилиями терроризировали румынское местное население и 2) что одна греческая банда сожгла румынскую школу в Вовузи и разрушила другую в Палеосильоне. Судя по удивительному результату расследования, добытому комиссией по первому пункту, причем комиссия заверяет, что нигде в Эпире не нашла куцовлахских поселений, а встретила лишь нескольких румын, переселившихся из Бухареста, можно отнестись с некоторым недоверием к заключению столь правдивой комиссии и по второму пункту. Заключение это гласило, что школы в обеих деревнях были уничтожены самими румынами, одна потому, что грозила рухнуть, а другая сожжена нарочно, чтобы произвести во что бы то ни стало скандал и иметь законный предлог не производить в ней занятий, так как с начала нынешнего учебного года в школе будто бы был только один ученик и учитель принужден был бросить занятия и уехать в Янину.

Греция сделала попытку непосредственно столкнуться с Румынией. Греческий генеральный консул в Филиппополе был уполномочен своим правительством начать переговоры с правительством румынским о мирном разрешении давнего конфликта между обоими королевствами, уже приведшего, как сказано выше, к разрыву между ними дипломатических сношений. Для этой цели генеральный консул прибыл в Бухарест. На первые его шаги румынское правительство ответило ему следующими условиями, заявив, что если они будут приняты греческим правительством, то Румыния готова возобновить прерванные дипломатические отношения с Грецией:

1) Удаление всех греческих чет из Македонии и формальное обязательство греческого правительства ни под каким видом не допускать впредь перехода таких чет из Греции в Македонию.

2) Признание со стороны константинопольского патриарха султанского ираде, официально признавшего румынскую народность в Македонии, а также признание со стороны греческой церкви румынских священников в Македонии, служащих в церквях румынских общин на румынском языке.

3) Предоставление румынам полной свободы для открытия румынских школ в Македонии.

Эти условия бухарестский кабинет сообщил всем европейским великим державам.

Дипломатические переговоры не повели, однако, ни к чему: Афинский кабинет уклонился от прямого ответа за византийским объяснением, что вселенский патриарх лицо независимое и повлиять на него кабинет не в силах. По первому же пункту условий греческое правительство ссылалось на то, что Македония -- турецкая территория, а не греческая, и, следовательно, за четами должно наблюдать турецкое правительство, которое и ответственно за порядок в своей стране, а отнюдь не греческое, которое не имеет никакой физической возможности брать на себя ответственность за порядки в Македонии.

В тоже время греческая печать разразилась угрозами не только по адресу болгар и македонских куцовлахов, но предостерегала даже "бухарестские романизированные международные отбросы", что и Румыния не гарантирует им безопасности и что за оскорбления, наносимые грекам, их всюду может найти кинжал или пуля.

Ответом на такие планы лиц, присвоивших себе наименование "македонских мстителей", был королевский декрет в Румынии от 8-го июля: декретом предписывалось прекратить торговые сношения с Грецией; кроме того, греческие подданные в пределах королевства облагаются двойным налогом на имущество, а торговые и ремесленные патенты увеличиваются для них в три раза.

Вообще, можно сказать, что на наших глазах совершилась на Балканском полуострове полная перемена декораций.

Исконный враг мусульман, Греция, до своей последней войны с Турцией лишь теоретически претендовала на Македонию, бывшую составную часть царства Александра Македонского; после же войны она решила направить государственную ладью совсем в другое русло, дабы дружбою с своим прежним заклятым врагом развязать себе руки на Балканском полуострове.

Султан очень охотно сблизился с Грецией, видя в ней полезный противовес, ослабляющий для Турции славянскую опасность. В 1904 году их отношения были настолько близки и интимны, что в

константинопольских дипломатических кругах были убеждены в существовании союзного договора между двумя государствами.

Отвращение султана к писанным конвенциям делало слух этот маловероятным, но факты ясно доказывали, что обе стороны были тесно связаны. Официальные и официозные представители греков пользовались свободным доступом в Ильдиз-киоск, где они всегда были желанными гостями.

Члены королевской греческой семьи, до тех пор постоянно воздерживавшиеся от посещения турецкой столицы, прибыли в Константинополь, и султан устроил им горячий прием.

Возросло также влияние вселенского патриарха и, если верить корреспонденту агентства "Information", из патриархии, с молчаливого согласия султана и великого визиря, шла организация греческого движения в Македонии и от нее митрополиты этой страны получали точные инструкции по поводу оказания помощи -- материальной и нравственной -- греческим шайкам, которые находили в греческих монастырях приют и убежище в случае нужды. Так была, по словам корреспондента, организована истребительная война против куцо-влахов и болгар. Турецкие же власти и солдаты не только равнодушно смотрели на все, что проделывали греческие четы, но весьма часто открыто принимали их сторону.

Не довольствуясь содействием своего бывшего врага, Греция, по-видимому, приобрела себе еще новую союзницу. По крайней мере, из римских источников сообщали в конце мая нынешнего года, что между императором Францем-Иосифом и королем эллинов состоялось тайное соглашение, в силу которого Австрия согласна признать будто бы весь Битольский вилайет входящим в сферу влияния Греции; Греция же признает такие же права за Австрией на Скутарийский вилайет и на Македонию до Салоник. Быть может, известие это в некоторых своих частях и грешит против точности; остается несомненным факт постепенного движения Австрии на юго-восток и с каждым днем становится все более очевидным то, что с самого начала было ясно всем сколько-нибудь знакомым с восточным вопросом, что Мюрцштегским соглашением, равно как и предыдущим соглашением 1897 года о соблюдении status quo были связаны руки только нам, Австрия же широко развила свою наступательную политику, и не то важно, что Австрия наступала (она наступала бы и без Мюрцштегского соглашения), а важно то, что она наступала с нашего молчаливого благословения; южные славяне никогда не простят нам соглашения к исконным врагом славянства.

В этом отношении заслуживает внимания появившаяся в софийском дворцовом органе "Вечерна Пошта" статья главного редактора Радева, посвященная резкой критике австрийской политики на Балканском полуострове. На заявление графа Голуховского, что Австрия будто бы "чужда всякого эгоизма и не имеет намерения расширять свою территорию", Радев возражает:

"Есть ли эгоизм более суровый, более тиранический, более недостойный великой культурной державы, чем тот, который Австрия проявила по отношению к братскому нам сербскому народу, стремясь навязать ему убийственную вассальность, посредством шантажа своих тайных агентов и таможенного террора? Не была ли в последнее время возмущена вся Европа циничной алчностью австрийской дипломатии, которая хочет заставить сербов купить никуда не годные пушки завода Шкода, которому само австрийское военное министерство не решается давать своих заказов?"

Что касается бескорыстия Австрии в деле введения реформ в Македонии, столь торжественно провозглашенного графом Голуховским, то мы не можем не отнестись к нему с полным недоверием. Это недоверие к Австрии -- не только стихийное чувство, общее всем южным славянам, которые инстинктивно пришли к верному заключению, отвечающему многочисленным историческим фактам прошлого, это недоверие есть еще и результат нынешнего образа ее действий в Македонии.

И действительно, если Австрия не преследует корыстных целей в Македонии, если она не имеет завоевательных планов, то чем объяснить, что она настояла на том, чтобы Македонии были даны лишь ничтожные февральские реформы, что она противится всем предложениям о расширении этих реформ, разжигает пламя вражды между народностями, что она поощряет турок к совершению насилий, что, наконец, она -- источник всех клевет на македонское население и всех ложных сведений об истинном положении дел в областях, где вводятся реформы?

Австрийские дипломаты постоянно обижаются на нас за то, что мы с подозрением относимся к их действиям. Да, мы считаем их врагами, самыми жестокими, самыми опасными, самыми коварными врагами! Но, если наши опасения неверны, почему Австрия не опровергнет их своими поступками? Разве с тех пор, как Австрия впилась в Македонию и добилась могущественнейшего влияния на турецкие власти, ей все еще не представлялось возможности доказать нам, что она нас не преследует, не вредит нам, что она не интригует против нас? Да мало ли было случаев за три года, когда Австрия могла бы

убедить нас, что мы несправедливо и неосновательно подозреваем ее? Таких случаев было много, но Австрия не захотела воспользоваться ими. Напротив, ее образ действий с каждым днем усиливает и делает непоколебимее и страстнее наши подозрения по отношению к ней. Перед нами -- неоспоримый факт; с того дня как Австрия сделалась всемогущей в Македонии, т.е. с самого начала введения реформ, болгарскому населению в Македонии наносятся самые тяжкие удары. Дело реформ -- грозная, убийственная машина, направленная против болгарского культурного дела, против болгарского духа, даже против нашего физического существования в Македонии. Это достигается при помощи турок и греков, но Австрия -- их вдохновительница, руководительница и покровительница, Австрия -- интеллектуальный убийца болгарского народа в Македонии... И если мы не в силах сказать Австрии "Руки прочь!", то мы громко, перед Европой, -- перед всем культурным человечеством восклицаем, что народная совесть болгар обвиняет ее во всех несчастиях Македонии!".

IV.

Борьба, начатая греками с болгарским и куцо-влахским населением Македонии ознаменовалась самыми возмутительными убийствами и разбоями, достойными столь препрославленных в свое время башибузуков. Приведу лишь два примера. Десять куцо-влахских семей, отправлявшихся под защитой сорока турецких солдат на ярмарку, подверглись около Гревены нападению греческой шайки, состоящей из 200 человек и бывшей под командою двух офицеров эллинской армии Геннадия и Кокиноса. 60 куцо-влахов с женщинами и детьми были расстреляны, остальные подвергнуты разным истязаниям; оставшиеся в живых женщины были обесчещены, трупы осквернены. Из защищавшей куцо-влахов турецкой полуроты убиты 7 солдат и тяжело ранены офицер и 8 солдат.

Через несколько дней после этого злодеяния греческая чета из 40 человек, в сопровождении трех турок, вторглась в болгарское село Крепешино, Флоринской казы, и схватила местного болгарского священника о. Янчо и его сына Христо. Греки вырвали священнику бороду, затем отрезали руки, нос, язык и только после этого отрубили ему голову; покончив с отцом, греки принялись за сына, которому нанесли кинжалами девять глубоких и смертельных ран.

Такие приемы эллинской пропаганды были заклеяны даже сочувствующим грекам английским парламентом. Характерно, что один из ораторов уклонился от сообщения подробностей о греческих подвигах в Македонии, "так как для этого потребовалось бы закрытое заседание".

Легко себе представить, какое впечатление производили в Болгарии известия о греческих неистовствах в Македонии в связи с общим положением дела в этой стране, с которою Болгарию соединяет столько интересов. Негодующее возбуждение болгар, постепенно разгораясь, разразилось сначала антигреческими демонстрациями, а потом кровавыми столкновениями между греками и болгарями.

Антигреческие демонстрации приняли наиболее крупные размеры в Филиппополе; с утра до вечера по городу ходили толпы под предводительством агитаторов из македонских патриотов, взывавших к мести за истребление болгар в Македонии греческими четами. Все пять греческих церквей, находящиеся в городе, были насильственным образом заняты болгарями, в домах греческого квартала перебиты стекла. Более 60 лавок, принадлежавших грекам, были разгромлены, а товары уничтожены. Толпа захватила две школы и разграбила клуб и некоторые другие греческие учреждения. Греческое генеральное консульство уцелело лишь потому, что охранялось войсками. Подобные же беспорядки происходили в Бургасе и Станимахе и сопровождались точно также разгромом греческих церквей, клубов, школ, причем дело не обошлось без человеческих жертв.

23-го июля в Софии состоялся грандиозный антигреческий митинг, в котором участвовали до 20,000 человек. В принятой собравшимися резолюции было постановлено требовать, чтобы правительство: 1) прервало дипломатические сношения с Грецией, 2) уволило всех греков, состоящих на службе в правительственных учреждениях, а также в войсках, 3) изгнало греческих епископов и преподавателей, сеющих смуту и вражду к болгарам, 4) послало великим державам ноту, в которой показало бы им, что вандализм греков переходит всякие границы и что болгарский народ слагает с себя всякую ответственность за роковые последствия.

Собрание постановило также предложить болгарскому народу бойкотировать греческую торговлю.

После митинга, толпа произвела внушительную манифестацию. Небольшая кучка манифестантов направилась к зданию греческого дипломатического агентства. Ведущие к последнему улицы было

заняты отрядами кавалерии и жандармов. Войска, после предложения остановиться, сделали залп на воздух. В последовавшем затем столкновении толпы с патрулями, три манифестанта были легко ранены сабельными ударами, один жандарм -- камнем. После сочувственных манифестаций пред помещением представителей России, Англии, Франции, Румынии, толпа мирно разошлась. Греческое дипломатическое агентство и греческая церковь охранялись сильными отрядами войска.

В Станимахе антигреческий митинг сопровождался беспорядками, в продолжение которых несколько человек было ранено.

День ото дня движение против греков принимало все более тревожный характер. В Руцке и Карнабате состоялись многочисленные митинги, во время которых отдельные группы болгар бросали камни в греческие дома.

Погромы греков произошли также в Варне, Филиппополе, Бургасе, Пещере, Татар-Базарджике, Каварне, Бальчике и в других местах.

Болгарское правительство принимало энергичные меры к подавлению беспорядков, но положение его становилось все более и более затруднительным, так как болгары повсюду заявляли, что будут продолжать устраивать манифестации, пока Европа не прекратит бесчинства греческих четников в Македонии.

Апогеем беспорядков было то, что произошло в Анхиале, городке, расположенном на берегу Черного моря.

За последнее время жители приморских городов Анхиаля, Созополя и Мессембрии, большинство населения которых составляют греки, постановили действовать против болгар оружием, в случае каких-либо враждебных демонстраций с их стороны. Неизвестно, каким путем и откуда греки добыли большое количество оружия и боевых припасов; полагают, что все это было доставлено греческими парусными судами. Близ Анхиаля находится монастырь Св. Георгия, по поводу которого между греками и болгарами идет спор; в недавнее время греки обратили его в громадный склад оружия и военных припасов. Правительство узнало о том и небольшой отряд, заняв монастырь, конфисковал склад. Вместе с тем, болгарским духовным властям было поручено временное управление монастырем, впредь до окончательного разрешения принципиального спора. Крестьяне из окрестных болгарских деревень, которым греки до тех пор запрещали паломничество в названный монастырь, пожелали воспользоваться настоящим положением дел, чтобы поклониться монастырским святыням. Греки из Анхиаля стали тогда устраивать на дороге засады, чтобы не допустить крестьян в монастырь, причем стреляли в них из ружей, что возмутило крестьян и подготовило последующий взрыв болгарского недовольства.

30 июля был созван в Анхиале митинг, к участию в котором были приглашены болгары из окрестных селений; между тем, вооруженные греки заняли городские окрестности с целью воспрепятствовать болгарам проникнуть в город. И вот, когда на рассвете болгары нескольких деревень направлялись на митинг, греки открыли по ним стрельбу, ранив двух человек. Болгары вынуждены были удалиться, но вскоре возвратились уже с оружием, и у входа в Анхиаль началось настоящее сражение, окончившееся отступлением греков в город, где они и скрылись в нескольких зданиях, особенно в церкви, в которой у них было сложено в большом количестве оружие и военные припасы, и где они забаррикадировались. Скоро на улицах Анхиаля началась страшная перестрелка. Небольшому жандармскому отряду удалось рассеять лишь часть нападавших, так как пальба несколько раз заставляла его отступать. Бой длился до 8 часов вечера. Губернатор тщетно приглашал греков прекратить стрельбу с церковной колокольни и с крыш других зданий и сдаться. На каждое обращение губернатора греки отвечали залпами. Тем временем в одном из домов возник пожар. Дул сильный ветер и, благодаря тому, что большинство анхиальских домов построено из дерева, пожар распространился с страшной быстротой и охватил почти весь город. Губернатор снова стал просить укрывшихся в церкви греков прекратить стрельбу и дать возможность приступить к тушению пожара и спасанию имущества, но греки отвечали лишь выстрелами, -- сдались же они только тогда, когда израсходовали свои патроны и когда прибыл из Карнабата значительный отряд бургасского гарнизона. Пожар удалось затушить лишь на следующий день. Жертвами огня стали дом губернатора, телеграфная станция, три правительственных здания, с архивами греческая школа, греческая и болгарская церкви и мечеть. Из 3147 домов, составлявших Анхиаль, сгорело 816: около 6000 жителей лишились всего имущества. Греческий епископ Василий, которого греки открыто обвиняли в подстрекательстве к беспорядкам, был извлечен еще живым из-под обломков одного из сгоревших зданий, убитых всего насчитывалось 12 человек.

Болгарский совет министров решил немедленно принять строжайшие меры для наказания виновных и предупреждения дальнейших антигреческих беспорядков.

Австрийские газеты воспользовались анхиальскими беспорядками, чтобы завопить против болгарского правительства и обвинить его и военные власти в том, что они оказывают активную и пассивную поддержку погромщикам. "Wiener Allgemeine Zeitung" требовала коллективного шага всех держав в Болгарии с целью напомнить правительству последней, что дальнейшие неистовства подобного рода более не будут терпимы. Газета не смущалась тем, что молчала, когда неистовства в Македонии учиняли милые ее сердцу греки, и заговорила, когда греки сделались жертвою беспорядков, вызванных, как то неопровержимо доказало следствие, ими самими. Другая газета, стоящая близко к австрийскому министерству иностранных дел, "Fremdenblatt", вопияла в том же тоне, прибавив лишь ядовитое, хотя и совершенно необоснованное и несправедливое замечание о том, что греческие погромы показывают, чего можно ожидать будущем, если Македония будет отдана Болгарии.

Под впечатлением анхиальских событий в Филиппополе состоялся 6 августа колоссальный митинг, на котором присутствовало 1900 представителей македонских и других ассоциаций от различных местностей Болгарии и 20.000 граждан города Филиппополя и его окрестностей. На нем была принята следующая резолюция:

1) Предложить болгарскому правительству использовать все средства, которыми располагает нация, для неуклонного применения ст. XXIII Берлинского трактата, прервать дипломатические сношения с Грецией и применить по отношению к греческим подданным те репрессалии, какие допускаются международным правом.

2) Признать недействительность Мюрцштегской программы.

3) Выразить сожаление по поводу актов насилия, допущенных некоторыми болгарскими по отношению к грекам и вызванных греческою провокацией, не смотря на всю терпимость, отличающую болгар со времени самостоятельного политического существования Болгарии.

4) Пригласить болгарский народ принести все материальные жертвы, чтобы добиться исполнения ст. XXIII Берлинского договора.

Копии резолюции были отнесены выбранным комитетом, за которым следовала внушительная процессия из присутствовавших на митинге, в консульства русское, французское и английское. В консульства же греческое и соседнее с ним итальянское комитет доставил копии резолюции один, без сопровождения присутствовавших на митинге, так как власти, боясь действий толпы по отношению к греческому консульству, предупредили, что войска будут стрелять, если толпа приблизится к зданию консульства. Как бы то ни было, порядок нарушен не был.

Не лишены интереса заявления, сделанные по поводу всех этих событий румынским министром Александром Лаговари одному немецкому журналисту: "Греки, открыто бравидуя своим панэллинизмом, оскорбляющим чувства других народов, создают себе врагов в Румынии и Болгарии. В их интересах было бы дорожить Румынией и Болгарией, так как многие греки, -- большинство которых уроженцы Македонии и Турции -- поселились в этих государствах и нажили там себе большие богатства или достигли высокого общественного положения. Но греки, подстрекаемые афинскими агентами, проявляют столь вызывающий задор эллинизма, что становится понятным, почему румыны и болгары так сильно возмущаются против них. Самым опасным и самым отвратительным агентом панэллинской пропаганды является греческое духовенство, которое зависит от Константинопольской патриархии. Я не намерен петь дифирамбы болгарам, но, сравнив образ действий Вселенского патриарха с образом действий болгарского экзарха, нельзя не признать, до какой степени безрассудны греки и как умеренны болгары... Ныне болгары, пожалуй, взяли несколько через край в своих демонстрациях -- болгарское правительство, впрочем, уже распорядилось о наказании виновных -- но надо иметь в виду, что в Болгарии существует общая ненависть к грекам и их духовенству, которое совершенно открыто поощряет греческие четы в Македонии. Болгарские четы формируются из болгар -- македонских уроженцев и проживающих в этой стране; греческие же четы составляются из наемников, пришедших из Греции, и они, под покровительством греческого духовенства, разоряют Македонию.

Болгарское правительство сдержало слово: с 1904 года болгарская граница закрыта для македонских чет. Образ действий афинского правительства совсем иной; в Афинах командуют уличные толпы и их непомерные требования совершенно не по силам и не по средствам, имеющимся в распоряжении Греческого королевства, у которого нет организованной армии и финансы которого в самом плачевном состоянии.

С тех пор как греки, несмотря на понесенное ими поражение, вступили на остров Крит, кажется, что Европа решила относиться к ним, как к невменяемым детям, которых надо ласкать, чтобы утешить в постигшем их горе. Между тем, Европа должна заставить их почувствовать, что их безрассудство и

легкомыслие не могут оставаться безнаказанными. Австрия и Россия связали по рукам Турцию; теперь очередь за Европой связать руки Вселенскому патриарху и запретить ему вмешиваться в нецерковные дела. Над епископами и агентами панэллинизма необходимо учредить международный контроль -- этот своего рода европейский надзор. Во всех тех городах Македонии, где существуют греческие епископские кафедры, охранение порядка надо поручить европейским консулам, чтобы воспрепятствовать духовенству вмешиваться в политику. Порядок в Македонии может быть водворен лишь тогда, когда будет парализована деятельность эллинизма, который, пользуясь покровительством Турции, наносит вред другим македонским народностям".

Действительно, в то время как болгарское правительство обратилось ко всем местным властям с циркуляром, в котором, подтверждая полную свободу собраний, предписывает вместе с тем принять самые строгие меры против могущих произойти беспорядков, ответственность за которые падет на руководителей митингов, греко-македонский комитет не выказал ни малейшего намерения прекратить или хотя бы ослабить свою деятельность. В надежде, что народ достаточно уже утрачен практикуемыми над ним в продолжение двух лет жестокостями, комитет нашел, наоборот, своевременным обратиться с циркулярным воззванием к признающим духовную власть болгарского экзарха жителям сел южной Македонии, приглашая их вернуться в лоно Вселенской патриархии. Содержание этого воззвания следующее:

"Братья! Именем Божиим повелеваем вам возвратиться на путь истины. Мы не желаем вам зла. Болгарский комитет уничтожен. Поднимитесь, жители всех сел, и окажите помощь греческому комитету, который основался здесь, чтобы окончательно истребить болгарский комитет и тем принести вам счастье и спокойствие. Даем вам десять дней срока. Раздумайте хорошенько. Книги всего света показывают, что вы греки. Чего же добиваются в Македонии болгары? И зачем вы им помогаете? Теперь опасность миновала. Во имя Бога и святой Троицы приказываем вам вернуться в старую веру и народность, потому что наступило время освобождения от бесчестных убийц. Если вы не повинуетесь, то ваше село постигнет большое несчастье. Да просветит вас Бог. Аминь".

К воззванию приложена печать "Греко-Македонского комитета в Македонии".

V.

Турция и Болгария обменялись довольно резкими нотами по поводу греко-болгарского столкновения в Анхиале. В то же время Порты разослала своим представителям при иностранных дворах циркуляр, в котором напоминала державам, что Восточная Румелия (где расположен Анхиаль) все еще находится в зависимости от Турции, и просила их сделать представления в Софии, чтобы никаких притеснений грекам в Восточной Румелии чинимо не было.

Софийское правительство ответило Турции, что прежде чем заботиться о порядке в Восточной Румелии, ей следовало бы подумать о Македонии.

Циркуляр Порты был, по-видимому, вызван протестом, с которым обратился к ней по случаю событий в Филиппополе, Анхиале и других местах вселенский патриарх Иоаким, сообщивший одновременно свой меморандум представителям великих держав в Константинополе.

В самом начале меморандума его святейшество сообщает иностранным послам о необходимости, в которую он был поставлен гонениями на греков и их духовенство в Болгарии и Восточной Румелии, обратиться "с новым протестом к Блистательной Порте и просить ее законного и властного вмешательства для получения полного удовлетворения за вред, нанесенный вселенской Церкви и православным грекам".

Людам, следившим, как разворачивались события на Ближнем Востоке ясно, как фальшиво звучат все эти обвинения, направленные не по тому адресу, куда следовало бы, ясно, что и Анхиаль, и другие местности, ознаменованные дикими сценами погромов, -- все это грустные последствия греко-славянского ненавистничества и даже активного содействия разбойничеству со стороны афинского правительства и Константинопольской патриархии.

Патриарх посылал протестующую телеграмму и непосредственно князю Фердинанду, ответ которого был передан святейшему Иоакиму III болгарской миссией в Константинополе и был, как оттуда сообщают, составлен в следующих выражениях: "Ввиду того, что телеграмма патриарха полна лжи и клевет, она не заслуживает ответа".

Созданное событиями последнего времени запутанное положение "Schlesische Zeitung" связывала с английскою интригою, причем утверждала, что лондонский кабинет будто бы предложил

державам предоставить Македонии самоуправление, подобное автономии Крита. Точно также и по словам "Deutsches Volksblatt", английский король при свидании в Фридрихсгофе, ввиду несомненной неудачи Мюрцштегской программы, пытался, с ведома Италии, заручиться согласием германского императора на следующую комбинацию: Македония и Старая Сербия получают автономное управление, во главе которого будет находиться губернатор из христиан. Губернатором намечен черногорский княжич Мирко. Германия будто бы заявила по этому поводу, что она поддержит все мероприятия, которыми можно будет восстановить спокойствие на Балканском полуострове. Судя же по известиям, идущим из Македонии, приписываемая Англии программа, в действительности, значительно умереннее и сводится к проекту расширения предпринятых в стране этой реформ, а именно - предполагает подчинить европейскому контролю суд, уменьшить количество пребывающих в Македонии турецких войск и расширить права иностранных офицеров, преобразовывающих жандармерию.

Против проекта автономии для Македонии с княжичем Мирко во главе, счел нужным возвысить свой голос доктор Иероянис, президент центральной македонской ассоциации и помощник Казазиса, о котором сказано выше. Этот эллин возвещает Европе, что "македонцы ни в каком случае не согласятся, чтобы нога иностранного принца ступила на священную землю эллинской родины" и что "горячее и непреклонное желание их, македонцев в единении с матерью -- Грецией".

Нужно, конечно, обладать большим мужеством так храбро говорить от имени всей Македонии, в населении которой грекам принадлежит лишь незначительный процент. Для доказательства достаточно ознакомиться с данными, приводимыми "Post", официозным греческим органом, который вряд ли может быть заподозрен в пристрастии к славянам.

По его подсчету, на Балканском полуострове 4.650.005 болгар, из которых 2.350.000 приходится на Болгарию, 50.000 на Добруджу, 250.000 на Сербию и 2.000.000 на европейскую Турцию.

На 4.330.00 сербов -- 1.370.000 приходится на Сербию, 2.430.000 живут в австро-венгерских областях 150.000 в Черногории и 170.000 в Турции.

Из 2.800.000 греков -- 1.910.000 приходится на Грецию, 60.000 на Болгарию и 830.000 на Турцию. Если из последней цифры вычесть число греков, живущих в Константинополе, в адрианопольском вилайете, в восточной Румелии, на Афоне и в Эпире, то на долю Македонии останется не более трехсот пятидесяти тысяч греков против подавляющего большинства населения славянского происхождения.

В составленной мною этнографической Салоникского и Битольского вилайетов, число населяющих их греков я определял в 343.845 чел. (Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии. Русский вестник, февраль и март 1903 г.).

Несмотря на красноречивый язык цифр, греки продолжают упорно отстаивать свои мнимые права на Македонию и четы их стараются, поскольку это от них зависит, уменьшить число живущих там славян.

Резня, произведенная греческою шайкой в деревне Смилеве, где, по официальным сообщениям, было убито 40 женщин и детей, вызвала новый взрыв негодования в Болгарии и болгарское правительство решило, между прочим, уступить требованию общественного мнения и закрыть греческие народные школы. Решение это будет осуществлено путем строгого применения закона 1892 года о школах, требующего, чтобы дети болгарских подданных получали школьное образование на болгарском языке. Несмотря на существование этого закона, болгарское правительство терпело до сих пор греческие народные училища. Как только будет приступлено к применению закона в полной мере, соответственно решению совета министров 14-го сентября нынешнего года, школы эти совершенно исчезнут. Тем же решением Совета министров предписано ввести более строгий государственный контроль над учебной системой и учебниками в греческих гимназиях. Затем, как кажется, имеется в виду передать греческие церковные имущества в ведение болгарского правительства.

Так как возбужденное всем происходящим болгарское общественное мнение винило турецкое правительство в открытой или тайной поддержке греческих посягательств, то Турция стала приготовляться ко всяким случайностям и принимать меры, чтобы предупредить всякую неожиданность со стороны болгар. По словам "Local Anzeiger", турки воздвигают вдоль болгарской границы целую цепь блокгаузов, соединенных между собою телеграфом, а все передовые посты -- гелиографом. 120 блокгаузов должны быть окончены в течение этого года, а остальные - в будущем году. Кроме того, приняты меры по исправлению и сооружению новых военных дорог, а также сосредоточению войск, орудий и боевых припасов, в Адрианополье и Салониках. В Адрианополь отправляются целые военные поезда с лошадьми; туда же экстренно доставлено 800 орудий.

Ввиду того, что Болгария и Турция принимают одинаковые меры на случай войны, возникновение последней стало казаться вероятным, в особенности после циркуляра, разосланного Портою своим

представителям при великих державах. Цель этого циркуляра -- подготовить державы к серьезным военным мерам, предпринимаемым ныне Портой. Турецкое правительство заявило при этом, что не намерено долее терпеть приготовлений к войне со стороны Болгарии и решило, поэтому, ответить такими же мерами.

Судя по телеграмме из Софии, напечатанной в "Neue Freie Presse", греческий посланник в Константинополе предложил султану заключить наступательный союз против Болгарии.

Турция должна будет занять Восточную Румелию, в то время как греческий флот нападет на Варну и Бургас. Обе союзницы потребуют от Болгарии, при заключении мира, пятьсот миллионов военного вознаграждения, которое и поделят между собой.

Восточная Румелия снова станет турецкою областью, Греция получит Крит, а болгарский экзарх будет выслан из Константинополя.

Все великие державы, к которым Порты обратилась с циркулярной нотой по поводу положения, занятого Болгарией, ответили в успокоительном духе, и в самом деле надо думать, что война пока не разразится -- султану воевать нет расчета, а Болгария еще не готова, но если опасность эта устранена на сегодня, можно ли с уверенностью сказать, что она не настанет завтра, если не будут устранены обстоятельства, под влиянием которых беспрерывно накапливается электричество в политической атмосфере Ближнего Востока? Оставим в стороне вопрос, насколько пристало культурной Европе присутствовать с спокойным сердцем при зрелище братоубийственной борьбы и самых варварских проявлений взаимной вражды, обгаряющих Балканский полуостров кровью христианских народов, но может ли Европа в своих собственных интересах смотреть хладнокровно на догорающий фитиль, который должен передать огонь в пороховой склад, организованный отчасти взаимным же соперничеством держав между собою?

Довольно закрывать глаза на основную вину Европы, взявшей за дело Ближнего Востока, требовавшей доверия к своей деятельности и не оправдавшей его; ныне настала пора положить предел дряблости доселе бывшего воздействия и начать созидательную работу, плоды которой дадут вздохнуть христианскому миру и которая, как я неоднократно повторял, рано или поздно должна привести к насаждению в Македонии автономии с христианским генерал губернатором во главе.

В. Теплов.

Текст воспроизведен по изданию: Обзор внешних событий. Македония // Русский вестник, No 10. 1906